

ISSN 2073-8315

В Е С Н І К

Магілёўскага дзяржаўнага
ўніверсітэта
імя А.А. Куляшова

НАВУКОВА-МЕТАДЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца са снежня 1998 года

Серыя А. ГУМАНІТАРНЫЯ НАВУКІ
(гісторыя, філасофія, філалогія)

Выходзіць два разы ў год

1 (41)
2013

Галоўная рэдакцыйная калегія:

д-р філас. навук прафесар М.І. Вішнеўскі (галоўны рэдактар);
д-р гіст. навук прафесар Я.Р. Рыер (старшыня рэдакцыйнага савета серыі А);
канд. фіз.-мат. навук дацэнт Б.Д. Чабатарэўскі (нам. галоўнага рэдактара);
Л.І. Будкова (адказны сакратар)

Гісторыя:

д-р гіст. навук прафесар Я.Р. Рыер (Магілёў)
д-р гіст. навук прафесар І.А. Марзалюк (Магілёў)
канд. гіст. навук дацэнт К.М. Бандарэнка (Магілёў)

Філасофія:

д-р філас. навук прафесар М.І. Вішнеўскі (Магілёў)
д-р філас. навук прафесар П.С. Карака (Мінск)
канд. філас. навук дацэнт В.У. Старасценка (Магілёў)
канд. філас. навук дацэнт А.В. Дзячэнка (Магілёў)

Філалогія:

д-р філал. навук прафесар В.І. Рагаўцоў (Магілёў)
д-р філал. навук дацэнт А.М. Макарэвіч (Магілёў)
д-р філал. навук прафесар Т.М. Валынец (Мінск)
канд. філал. навук дацэнт Т.Р. Міхальчук (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт В.В. Люкевіч (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт М.М. Караткоў (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт А.С. Лаўшук (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт С.А. Наскоў (Магілёў)

Пераклад тэкстаў рэфератаў артыкулаў
на англійскую мову
Я.В. Рубанава

Тэхнічны рэдактар *А.Л. Пазнякоў*
Камп'ютарны набор і вёрстка *А.Л. Пазнякоў*
Карэктар *Г.В. Карпянкова*

Падпісана да друку .02.2013 г.
Фармат 70x108^{1/16}. Папера афсетная. Гарнітура Petersburg.
Ум.-друк. арк. 8,4. Ул.-выд. арк. 8,1. Тыраж 100 экз. Заказ .

Установа адукацыі "Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя А.А. Куляшова", 212022, Магілёў, Касманаўтаў, 1.
ЛІ № 02330/278 ад 30.04.2004 г.

Надрукавана ў аддзеле апэратыўнай паліграфіі
МДУ імя А.А. Куляшова. 212022, Магілёў, Касманаўтаў, 1.

© МДУ імя А.А. Куляшова, 2013

ЗМЕСТ

ЛАВРИНОВИЧ Д.С. Либеральные организации России и белорусский национальный вопрос в 1917 г.	4
ПУРЫШЕВА Н.М. Инбелкульт и становление системы художественной культуры в БССР (первая половина 20-х гг. XX в.)	10
КОНЦЕВОЙ П.А. Немецкие репарации в восстановлении промышленных предприятий БССР (1945 – начало 1950-х гг.)	15
СОЛОВЬЕВ Р.В. Развитие представлений о происхождении славян в историческом дискурсе Восточной Европы (вторая пол. XIX – нач. XX в.)	20
ВАСИЛЕНКО В.В. Организация и деятельность Могилевского губернского комитета Всероссийского земского союза (август 1914 – декабрь 1916 гг.)	24
КОСТЕНИЧ В.А. Бытийные ипостаси этической рефлексии	33
ОРЛОВА Т.Д. Становление теоретических знаний о системе журналистских жанров	38
ДУКТАВА Л.Г. Специфіка адлюстравання гуманістычных ідэалаў у апавесцях І. Шамякіна “Палеская мадонна”, “Слаўся, Марыя!”	43
РУБАНОВА Е.В. Субстантивная метафора в американском студенческом сленге	48
САСНОВСКАЯ А.В. Модель понятия “ключевые слова” в сознании студентов-филологов	54
СУХАЧЕВА О.А. Мифопоэтическое изображение Польши в прозе Исаака Бабеля	61
ВІНАКУРАВА К.С. Мастацкі канцэпт “радзіма” і яго моўная рэпрэзентацыя: на матэрыяле паэзіі Р. Барадуліна і У. Караткевіча	67
СЕЛЕЗНЕВА Т.А. Метафорические модели в структуре кодированных лингвострановедческих реалий (на примере английского и немецкого языков)	72
ШИТИКОВА И.В. Структурообразующие свойства синтаксического параллелизма в тексте	81

РЭЦЭНЗІІ

РИЕР Я.Г. Новая книга о происхождении европейских народов (Кузьменко Ю.К. Ранние германцы и их соседи: Лингвистика, археология, генетика. – СПб., 2011)	88
КРУГЛОВ А.А. Современные проблемы религиозности и обеспечение свободы слова (Старостенко В.В. Религия и свобода совести в Беларуси: очерки истории. – Могилев: УО “МГУ им. А.А. Кулешова”, 2011)	92
ЗВЕСТКІ ПРА АЎТАРАЎ	94
SUMMARIES	95

ГІСТОРЫЯ, ФІЛАСОФІЯ, ФІЛАЛОГІЯ

УДК 94 (476) (075.8)

Д.С. ЛАВРИНОВИЧ

ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ РОССИИ И БЕЛОРУССКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В 1917 г.

(Продолжение. Начало в № 1(39). – 2012)

По сравнению с белорусскими организациями Могилевской губернии Белорусский союз в Витебске сформировался на иной основе и имел существенные особенности в стратегии и тактике. В его создании большую роль сыграли бывшие октябристы и представители православного духовенства. Так, 14 – 17 апреля 1917 г. в Витебске прошел чрезвычайный съезд духовенства и мирян Полоцкой епархии. Присутствовало 262 человека: 56 священников, 12 диаконов, 19 псаломщиков, 175 мирян [1, с. 420]. Заседания съезда открыл священник А.М. Донов, бывший член “Союза 17 октября”. Затем выступил комиссар Временного правительства кадет А.О. Волкович. Он вкратце обрисовал задачи, на решении которых должно было сосредоточить свои силы духовенство: “В толще народной, крестьянской крайними элементами (*имелись в виду социалисты. – Д.Л.*) насаждаются всевозможные утопические теории вроде необходимости немедленного передела земли... раздела капиталов и других имуществ, прекращения войны и т.п. И вот духовенство оказало бы неоценимую услугу, если бы авторитетно разъяснило на местах, что все эти большие и больные вопросы не могут немедленно и самовольно быть разрешены...” [2]. Дальнейшая работа съезда под председательством бывшего октябриста городского судьи Б.А. Бялыницкого-Бирули была посвящена выработке тактики православного духовенства и консервативно настроенных мирян на революционный период.

В конце апреля – начале мая 1917 г. по инициативе В.К. Стукалича, ранее возглавлявшего Витебский отдел “Союза 17 октября”, образуется временный комитет из 13 человек по созданию Белорусского народного союза (БНС). 3 мая 1917 г. в здании окружного суда Витебска состоялось собрание белорусов. Кроме бывших октябристов присутствовали белорусы-военные, служившие в местном гарнизоне, учащаяся молодежь. Председателем собрания был избран офицер Управления воздушного флота Двинского округа, уроженец Витебского уезда Г.И. Полонский. С речами выступили В.К. Стукалич, врач Ф.И. Григорович, Б.А. Бялыницкий-Бируля, священник А. Гусаревич и др. Затрагивались вопросы об автономии Белорусии, о языке преподавания в школах, развитии кооперативного движения. Но конкретная программа принята не была. Временному комитету, который пополнили пятью членами, было поручено выработать проект устава союза, устроить литературно-музыкальный вечер в городском театре и уличный сбор пожертвований. Собравшиеся постановили также отправить приветственные телеграммы Временному правительству, британскому послу в России Дж. Бьюкенену и послу США Ф. Фрэнсису [3].

Второе собрание, посвященное созданию Белорусского народного союза в Витебске, состоялось 11 мая 1917 г. Обсуждались в основном проблемы государственного строительства. Было решено: “В интересах самоопределения белорусы имеют право домогаться, чтобы управление жизнью и хозяйством их родины было в белорусских руках”. При этом добиваться национальной независимости или автономии не планировалось. “...Что касается автономии, то Белорусский народный союз вовсе [не] стремится к сепаратизму, не предполагает добиваться автономии и видит будущность Белоруссии в широком областном самоуправлении при тесном единении с центральной Россией”, – утверждал Г.И. Полонский, один из лидеров организации [4]. В руководящее ядро союза также вошли Ф.И. Григорович и Б.А. Бялыницкий-Бируля.

Первоначально в БНС участвовала и демократически настроенная белорусская молодежь во главе с прапорщиком М. Мелешко.

В число членов организации принимались все белорусы без различия вероисповеданий и социального положения. Лидеры союза обещали бороться за их культурные, экономические и политические интересы.

Роль идеолога БНС досталась В.К. Стукаличу, талантливому писателю, ученому, общественному деятелю. В его следственном деле сохранилась написанная им программа союза. В этом документе отмечалось: “Ближайшею своей целью Белорусский Союз ставит в первую очередь поддержку земледельца-белоруса, белоруса-рабочего, а равно городских и поселковых домовладельцев, живущих по преимуществу личным трудом, чиншевиков-арендаторов, арендаторов-застройщиков и всех остальных демократических слоев Белорусского населения в их социально-экономической борьбе за лучшее будущее” [5, л. 78–78 об.]. Планировалось образование уездных и волостных отделов, а в местечках и селах – белорусских кружков. Рассматривая в качестве поля деятельности, прежде всего, Витебскую губернию, БНС не исключал возможности образования в будущем общебелорусской организации на своих программных принципах [5, л. 78].

В области аграрных отношений предполагалось проведение радикальной земельной реформы. Отводя решающую роль в этом процессе Учредительному собранию, союз высказывался за передачу в государственный фонд удельных, церковных и помещичьих земель. Из фонда предполагалось делать прирезки земли малоземельным крестьянам и давать земельные участки тем сельчанам, кто их не имел вовсе. Оптимальной формой крестьянского землепользования при этом считалось мелкое хуторское владение на правах собственности, не подлежащее дальнейшему дроблению. Размеры земельных участков крестьян должны были устанавливаться местными земельными комитетами [5, л. 78 об. – 79].

Удельные и церковные земли должны были передаваться в государственный земельный фонд безвозмездно, помещичьи же земли предполагалось отчуждать “справедливым способом”, не нарушая интересов их владельцев, т.е., по сути дела, за выкуп. Хотя руководители БНС считали, что “крупное частновладельческое землевладение недопустимо”, предусматривалась возможность сохранения части земель у помещиков в виде исключения. Леса и водные ресурсы, безусловно, должны были находиться в государственной собственности [5, л. 79].

Для развития культуры земледелия в Белоруссии планировалось содействовать развитию сельского хозяйства и агрономических знаний у крестьян, создать сеть доступных кредитных учреждений, потребительских, сбытовых и других кооперативных организаций [5, л. 79 об.].

Рабочим БНС обещал отстаивать их “справедливые” права, не нарушающие “общих основ промышленного производства”, причем специально подчеркивалось, что сельскохозяйственные рабочие из-за специфики работ не могут претендовать на короткий рабочий день. Служащие и чиновники, по мнению лидеров союза, могли претендовать на повышение зарплаты [5, л. 80].

В сфере народного просвещения БНС добивался введения всеобщего бесплатного начального и среднего образования, создания сети библиотек и читален, народного театра, белорусского университета и вузов сельскохозяйственного типа. При этом отмечалась необходимость “упрочения среди народа религиозно-церковной жизни на началах внутренней свободы церкви” [5, л. 79 об.]. Союз обещал оказывать “моральную поддержку” и требовал увеличения жалования народным учителям и материального обеспечения сельскому духовенству без различия вероисповеданий.

Анализ содержания программы показывает, что БНС задумывался как либеральная организация. Будущее Белоруссии виделось его лидерам в широком областном самоуправлении при тесном единении с Россией. В программе союза отмечалось: “Вся Белоруссия, благодаря своему историческому прошлому и культурно-экономическим особенностям настоящего, представляет в бытовом отношении вполне самостоятельную национальную территориальную величину, а потому Союз считает, что она может достигнуть своего процветания лишь при условии выделения ее в самостоятельную административно-хозяйственную единицу, с предоставлением ей прав широкого провинциального самоуправления, которое должно находиться по преимуществу в руках самих же белорусов”. Свой девиз в вопросах управления БНС раскрывал следующим образом: “Белорусы – хозяева Белоруссии” [5, л. 80 об.]. В то же время руководители союза считали возможным допустить в руководящие органы автономии представителей других народов на пропорциональной основе.

Государственным языком Беларуси должен был остаться русский. Белорусскому отводилось значение “подсобного” языка, на котором в школах должна была преподаваться местная история [5, л. 80 об. – 81].

В “большой политике” БНС ориентировался на Временное правительство и призывал к продолжению войны с Германией и ее союзниками до победного конца [5, л. 81].

В исторической литературе часто Белорусский народный союз определяется как помещичья организация, относившаяся к консервативному лагерю. Однако, исходя из социального состава союза, анализа его программы, более аргументированной следует признать точку зрения тех авторов, которые полагают, что БНС отражал интересы, прежде всего, мелкобуржуазных слоев населения: мещан, зажиточных крестьян, православного духовенства, части интеллигенции [6, с. 97].

31 мая и 1 июля 1917 г. в Витебске был произведен сбор денежных пожертвований для белорусского народа на культурно-просветительные цели [7]. 25 – 26 июня 1917 г. БНС организовал в Витебске съезд представителей белорусских общественных организаций, главным образом “западнорусской” направленности. Присутствовали делегаты петроградского Западно-Русского общества, гомельского Союза белорусской демократии, могилевского Белорусского комитета, московской Белорусской народной громады, православного духовенства и старообрядцев. Съезд принял декларацию в духе программы БНС, потребовав областного самоуправления для Белоруссии, осудив принцип национально-территориальной автономии как “сепаратистский”. Тем самым, делегаты

поддержали идею сохранения единства России, недопущения ее превращения в федерацию национальных республик. Но можно согласиться с мнением С.С. Рудовича о том, что, хотя областная автономия и не означала создания белорусской государственности, тем не менее, она являлась важнейшей предпосылкой для ее возникновения в последующем [6, с. 110].

На практике Белорусский народный союз превратился в организацию клерикального толка, сосредоточившую свои усилия на отстаивании, прежде всего, интересов православной части населения и особенно православной церкви. Руководство БНС настаивало на сохранении церковного контроля над начальным образованием белорусов. Так, Г.И. Полонский, принимавший участие в работе Всероссийского съезда духовенства в июне 1917 г. в Москве, заявил: “Мы не должны идти по пути, по которому хотят нас вести враги церкви. Мы сохраним приходские школы в руках православного народа, примем все меры к улучшению их, уравнием программы с министерскими, но пусть в них незыблемо горит огонь православия” [8, с. 741]. Фактически руководство союза выступало против отделения церкви от государства.

Не довольная правым уклоном, БНС покинула ученическая молодежь, основавшая в противовес союзу Витебскую организацию Белорусской социалистической громады. В июле 1917 г. последняя приняла резолюцию об отношении к БНС, в которой он характеризовался как реакционная организация: “в виду того, что организаторами и руководителями этого союза являются бывшие земские начальники и бывшие члены разных существовавших до революции черносотенных и узко-националистических организаций... считать Белорусский народный союз организацией не демократической, не народной, а наоборот – организацией, стремящейся проводить цели, совершенно не отвечающие интересам и целям широких слоев трудового народа”. Витебский отдел БСГ постановил вести бескомпромиссную борьбу с БНС, раскрывать его контрреволюционную сущность и деятельность [9].

Даже В.К. Стукалич попытался дистанцироваться от союза. Однако авторитет последнего был важен для руководства организации, и его уговорили остаться [5, л. 8 об.].

Работа БНС протекала вяло, общие собрания становились все более немногочисленными. 9 июля 1917 г. в здании окружного суда состоялось обсуждение устава союза. “Немногочисленную аудиторию, – передавал корреспондент газеты “Витебский листок”, – составляли один старый, мирно дремавший генерал, священник, чиновники и чиновницы и несколько великороссов-старообрядцев. Не было только белорусского народа” [10]. Заседание оживила только дискуссия с социалистом Зыковым, обвинившим БНС в затемнении классового сознания белорусов. В конечном счете Зыков вынужден был уйти, но за ним ушла и часть собравшихся. Тем не менее, устав был принят.

Конфликтующая с социалистами, руководство БНС предпринимало попытки добиться соглашения с официальными властями. 26 июля 1917 г. делегаты БНС представили в Петрограде Временному правительству проект областного самоуправления для Беларуси. В крае должен был быть учрежден особый совет, избираемый на основе пропорционального представительства от национальностей всеобщим прямым и тайным голосованием. Национальным меньшинствам обеспечивалось бы право особого представительства [11].

Временное правительство оставило проект без внимания, правда, пригласило трех делегатов от БНС на Государственное совещание в Москву 12 –

14 августа. Стремясь почаще заявлять о своей организации, пытаюсь хоть как-то поднять свой политический авторитет, руководители союза охотно приняли приглашение. Но против участия деятелей БНС в Государственном совещании выступили Витебские Совет рабочих и Совет солдатских депутатов. Они сообщили Временному правительству о том, что Белорусский народный союз не является национальной организацией белорусов и представляет собой, по мнению Советов, “кучку правых деятелей” [12]. Однако, несмотря на противодействие социалистов, Б.А. Бялыницкий-Бируля, Ф.И. Григорович и Г.И. Полонский присутствовали на Государственном совещании [13].

В конце августа Белорусский народный союз принял участие в выборах городской думы Витебска. Был сформирован список кандидатов в гласные, в который вошли имена 51 члена союза и сочувствующих, в т.ч. Ф.И. Григоровича, Б.А. Бялыницкого-Бирули, А.М. Донова, Г.И. Полонского, В.К. Стукалича [5, л. 71]. Однако в условиях углубления революционного процесса бывшие октябристы избирательную кампанию в орган местного самоуправления проиграли.

Неспособность добиться реальной власти еще более усугубила внутренний разлад в БНС. Отток членов из его рядов усилился. Проблемы возникали не только с организацией общих собраний, но даже с проведением заседаний комитета. Руководители организации сами признавали, что “некоторыми членами заседания комитета совершенно не посещаются”, а два заседания были вообще сорваны, т.к. явилось только три человека [5, л. 62]. Лидеры БНС начали практиковать приглашения на заседания комитета с помощью писем, но эта мера не могла надолго задержать распад союза.

Осенью 1917 г. БНС втянулся в кампанию по выборам Учредительного собрания. Из-за слабости он не мог уже выступать самостоятельно, поэтому действовал в блоке с союзом православных и единоверческих приходов Витебской губернии. 14 октября был опубликован их объединенный список кандидатов в члены Учредительного собрания. В список от БНС вошли Г.И. Полонский, Б.А. Бялыницкий-Бируля и Ф.И. Григорович [14]. На выборах в Витебске за них и кандидатов от приходов проголосовало 3058 выборщиков [15, с. 49]. Получив сравнительно неплохой результат в губернском центре, общие выборы БНС и его союзники проиграли.

Руководство БНС отрицательно отнеслось к установлению советской власти. Большевики рассматривались как узурпаторы, выдвиженцы толпы, как “пораженцы”, игравшие на руку Германии и ее союзникам, разрушители российской государственности. В одной из статей в “Полоцких епархиальных ведомостях” Г.И. Полонский черными красками рисовал будущее страны под управлением новой власти. “Большевики и необычайно быстрое распространение их крайне заманчивых идей, отсутствие у них какой-нибудь положительной программы, – считал он, – это те факторы, которые, играя на самых низменных инстинктах темной некультурной массы, могут разрушить остаток экономической и политической силы нашей родины и подчинить наш народ и нашу территорию тяжелой зависимости от тех народов, которые из патриотических соображений постараются использовать наш глубокий кризис” [16, с. 1165-1166]. Первые декреты советского правительства, в том числе о земле, Полонский рассматривал как популистские мероприятия. Противников передела собственности он призывал сплотиться вокруг православной церкви. “Народ хочет земли, имеет право на правомерное ее получение, и сейчас нет партий, которые бы это отрицали, но

нельзя допустить, чтобы ценою земли была продана вера, церковь и великое будущее России”, – писал лидер БНС [16, с. 1168]. При этом сам Полонский принимал активное участие в церковной жизни, являясь участником Поместного собора Русской православной церкви.

Первое время после установления советской власти БНС продолжал свою деятельность в новых реалиях, стараясь сосредоточиться на конкретной работе, не задевавшей общую политику. Руководство союза взаимодействовало и с другими белорусскими организациями. В декабре 1917 г. представители БНС принимали участие в Первом всебелорусском съезде в Минске. Выступавший перед делегатами с приветственным словом Ф.И. Григорович отметил: “Нужно нам полное единение сил. Нужны школы и сеть кооперативов. Нужно работать. Да будет братство и засияет солнце правды и настоящей Свободы” [17, с. 27]. В сфере государственного устройства БНС по-прежнему отстаивали идею областной автономии Беларуси в составе России.

К весне 1918 г. деятельность Белорусского народного союза фактически прекратилась. В.К. Стукалич окончательно отошел от политики, а Г.И. Полонский, Б.А. Бялыницкий-Бируля и Ф.И. Григорович переключились на работу в православной церкви.

Заключение

Летом 1918 г. в России уже во всю полыхала гражданская война. Отношение коммунистов к своим политическим противникам, в том числе и бывшим, ужесточилось. 8 июля губернской ВЧК были арестованы Б.А. Бялыницкий-Бируля и Ф.И. Григорович. 14 июля под стражу был взят Г.И. Полонский. Спустя два месяца их, так и не предъявив официального обвинения, расстреляли [18]. В обстановке нарастания “красного террора” в начале октября был арестован и В.К. Стукалич. Никакого официального обвинения ему обратно же не предъявили. В заключении Стукалич провел около двух месяцев. За это время друзья не раз пытались добиться его освобождения, но тщетно. Постановлением Витебской ВЧК от 6 декабря бывшего идеолога БНС приговорили к расстрелу. На следующий день приговор был приведен в исполнение [5, л. 4, 22].

В.К. Стукалич был реабилитирован в 1998 г., Ф.И. Григорович, Б.А. Бялыницкий-Бируля и Г.И. Полонский – в 2005 г.

Таким образом, либеральный вариант решения белорусского национального вопроса в условиях войны и революционных потрясений 1917 – 1918 гг. не получил шанса на реализацию.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Деяния Чрезвычайного съезда представителей духовенства и мирян Полоцкой епархии, бывшего 14 – 17 апреля 1917 года // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1917. – 30 апреля. – С. 416–455.
2. Епархиальный съезд духовенства // Витебский листок. – 1917. – 16 апреля. – С. 2.
3. Витебский Белорусский Союз // Свободное слово. – 1917. – 4 мая. – С. 4.
4. **Полонский, Г.** Вокруг Белорусского союза / Г. Полонский // Витебский листок. – 1917. – 26 мая. – С. 4.
5. Уголовное дело № 2715-п по обвинению Стукалича Владимира Каземировича в контрреволюционной деятельности за октябрь – декабрь 1918 г. // ГА ВО. – Фонд 967. Коллекция документов о культурной и общественно-политической жизни Витебщины. – Оп. 2. – Д. 1.

6. **Рудовіч, С.** Час выбару: Праблемы самавызначэння Беларусі ў 1917 годзе / С. Рудовіч. – Мінск : Тэхналогія, 2001. – 201 с.
7. Беларусский сбор // Витебский листок. – 1917. – 2 июня. – С. 3.
8. Речь делегата от мирян Полоцкой Епархии Г.И. Полонского, произнесенная 10 июня в пленарном заседании Всероссийского Съезда духовенства и мирян по вопросу о церковно-приходских школах // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1917. – 9 июля. – С. 739–742.
9. Среди Белорусов // Оршанский вестник. – 1917. – 19 июля. – С. 3.
10. Витебский белорусский народный союз // Витебский листок. – 1917. – 11 июля. – С. 2.
11. Витебский белорусский союз // Оршанский вестник. – 1917. – 28 июля. – С. 4.
12. С.Р.Д. и Беларусский союз // Витебский листок. – 1917. – 12 августа. – С. 3.
13. Делегация от белорусского народного союза на государственное совещание // Витебский листок. – 1917. – 13 августа. – С. 3.
14. Витебск. Накануне выборов в Учредительное собрание // Витебский листок. – 1917. – 14 октября. – С. 2.
15. **Акуневіч, В.** У.К. Стукаліч як прадстаўнік “заходнерускай” плыні ў грамадскай думцы Беларусі канца XIX – пачатку XX стагоддзя / В. Акуневіч // Беларуская культурнае ўзаемадзеянне канца XIX – пачатку XX ст. : матэрыялы навук. канферэнцыі, прысвечанай 150-годдзю з дня нараджэння І.Я. Рэпіна і 100-годдзю знаходжання мастака на Беларусі / Віцеб. абл. краязнаўч. музей; Нац. навук.-асв. цэнтр імя Ф. Скарыны; Віцеб. мастац. музей; Музей-сядзіба І.Я. Рэпіна “Здраўнева”. – Віцебск, 1995. – С. 45 – 50.
16. **Полонский, Г.** Чего мы ждем от Учредительного собрания / Г. Полонский // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1917. – 28 октября. – С. 1163–1168.
17. Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі. – Т. 1. – Кн. 1. – Фонд № 532 Дзяржаўнага Архіву Літвы (“Рада Міністраў Беларускай Народнай Рэспублікі”) / Беларускі Інстытут Навукі і Мастацтва, Таварыства Беларускага Пісьменства. – Вільня – Нью-Ёрк – Менск – Прага, 1998.
18. **Горидовец, В.** Витебские страстотерпцы / В. Горидовец // Віцебская епархія. Беларускі экзархат. Маскоўскі патрыярхат [Электронны ресурс]. – 2006. – Режим доступа : <http://www.vitebsk.orthodoxy.ru/publicat/070515publicat.shtml>. – Дата доступа : 12.05.2008.

Поступила в редакцию 25.11.2011 г.

УДК 94(476)“19”

Н.М. ПУРЫШЕВА

ИНБЕЛКУЛЬТ И СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ В БССР (первая половина 20-х гг. XX в.)

Рассмотрен вклад Института белорусской культуры в развитие художественной культуры БССР в начале 1920-х гг. До середины 1920-х гг. в деятельности Инбелкульта присутствовали два направления: научное и культурно-организационное. Литературная комиссия и секция белорусского искусства участвовали в процессе создания системы художественной культуры. Они представляли такие ее подсистемы, как художественное производство, выполняли функцию посредника между сферой художественного производства и потребителями, участвовали в формировании и осуществлении государственной культурной политики.

Введение

В январе 2012 г. исполнилось 90 лет со дня открытия первого комплексного научного учреждения в истории Беларуси – Института белорусской культуры, преобразованного в 1929 г. в Белорусскую академию наук. Накануне юбилея 8–9 декабря 2011 г. в Минске состоялась Международная научная конференция “Институт белорусской культуры и становление науки в Беларуси (к 90-летию создания Института белорусской культуры)”. Естественно, что проблемное поле конференции традиционно отражало научную и культурно-просветительскую деятельность этого учреждения. На наш взгляд, следует обратить внимание на неисследованный аспект деятельности Инбелкульта, а именно на то, что в начале 1920-х гг. Институт белорусской культуры сыграл важную роль в становлении системы художественной культуры в БССР. В отечественной историографии эта сторона деятельности Инбелкульта специально не изучалась. В коллективной монографии “Институт белоруской культуры”, изданной в 1993 г., имеется фактический материал по интересующей нас теме. Однако авторы, перед которыми стояла иная задача, использовали его для иллюстрации сугубо научной работы Инбелкульта, без связи с системными процессами, происходившими в художественной культуре БССР [1].

Основная часть

Художественная культура является целостной подсистемой общества, особой сферой духовно-практической деятельности. Она имеет собственное предметное содержание – произведения искусства, развивается в соответствии с внутренними закономерностями, образует сложную и разветвленную институциональную структуру. Ее компонентами являются: художественное производство и художественное потребление, их субъекты, а также совокупность продуктов художественного творчества. Кроме того, структуру художественной культуры составляют институты сохранения, тиражирования и распространения произведений искусства. Она включает в себя также систему художественного образования и эстетического воспитания, художественные учреждения и творческие союзы, литературно-художественную критику и др.

В начале 1920-х гг. в БССР интенсивно шел процесс становления системы художественной культуры. Одновременно формировались органы управления этой сферой. Высшей инстанцией для разрешения проблем культуры являлись руководящие органы КП(б)Б. Партийные установки по литературно-художественным вопросам реализовывались через государственный орган – Народный комиссариат просвещения (далее – Наркомпрос) БССР и его подразделения. В первой половине 1920-х гг. влияние КП(б)Б на художественную культуру было еще слабым, поэтому Наркомпрос занимал ведущее место в системе органов управления культурой БССР.

С февраля 1921 г. в системе органов Наркомпроса БССР действовала Научно-терминологическая комиссия. 30 января 1922 г. на ее основе был создан Институт белорусской культуры. До февраля 1926 г. он находился в составе Наркомпроса БССР [1, с. 17]. На собрании по случаю открытия Инбелкульта ставилась задача сделать его “беларускім культурным цэнтрам, які павінен кіраваць усёй культурнай працай на Беларусі”, а также “творчай ініцыятыўнай лабораторыяй беларускай культуры”. Он должен был объединить “ўсе творчыя беларускія навуковыя літаратурныя і мастацкія сілы” [2, с. 16, 18]. До середины 1920-х гг. в деятельности Института белорусской культуры сосуществовали, пе-

реплетаюся, два направления: доминирующее – научное и сопутствующее – культурно-организационное. Такое совмещение функций объясняется зачаточным состоянием в этот период в БССР культурных институтов и малочисленностью культурных сил. По переписи 1926 г. в республике в отраслях культуры было занято 13 338 человек, что составляет 0,26% от всего населения, или 0,42% от занятого населения [3, с. 2, 10]. При этом белорусов среди работников культуры насчитывалось всего 8810 человек, или 0,17% от всего населения, или 0,28% от всех лиц, имеющих занятия [4, с. 10].

Инбелкульт и Отдел искусств Главполитпросвета (подразделение Наркомпроса БССР) в начале 1920-х гг. являлись центрами собирания культурных сил и развития белорусской художественной культуры. Эти два учреждения действовали в рамках советской концепции культурной политики, но приоритеты в их деятельности были разными. Руководство Главполитпросвета рассматривало искусство, прежде всего, как средство пропаганды достижений советской власти. Основной задачей Инбелкульта, как говорилось в информационном сообщении по поводу его открытия, была работа “па пашырэнню і ахове беларускай культуры” [2, с. 16].

Структурные подразделения Инбелкульта, занимавшиеся вопросами художественной культуры, формировались постепенно. Частые реорганизации, проходившие в начале 1920-х гг., осложняли работу учреждения. Активизация организационного оформления Инбелкульта и его структур приходится на 1924 – 1925 гг. и тесно связана с официально принятой правительством БССР политикой белорусизации. По состоянию на февраль-март 1926 г. в составе Инбелкульта действовали два подразделения, имевшие непосредственное отношение к сфере художественной культуры: секция белорусского искусства с подсекциями (театральной, музыкальной, изобразительных искусств) и литературная комиссия. Кроме того, при секции белорусского искусства действовали комиссии белорусского танца, белорусской песни, оперы, белорусского стиля (архитектурного и орнаментального). Предполагалось организовать киносекцию, которая должна была создавать сценарный материал для белорусских кинофильмов, но этот проект не был осуществлен. В состав секции белорусского искусства на правах автономной структуры входила литературная группа “Маладняк”, созданная в ноябре 1923 г. Ее основателями были члены редколлегии журнала “Маладняк” М. Чарот, А. Вольный, А. Дудар, А. Александрович, А. Бабареко, Я. Пуца. В первой половине 1920-х гг. они активно сотрудничали с литературной комиссией и секцией белорусского искусства Инбелкульта [5].

Литературная комиссия и секция белорусского искусства являлись важными компонентами формирующейся в БССР системы художественной культуры. Они представляли такие ее подсистемы, как художественное производство, выполняли функцию посредника между сферой художественного производства и потребителями, участвовали в формировании и осуществлении государственной культурной политики. 4 мая 1924 г. на организационном заседании литературной секции, которая была позже реорганизована в литературную комиссию, были сформулированы основные задачи этой структуры. Помимо чисто исследовательской работы (создание научной истории белорусской литературы, сбор и изучение классического литературного наследия и т.д.) участники заседания говорили о необходимости оживить литературную работу, создать культурную среду и организовать литературную жизнь в провинции, развивать литературную критику. Непосредственное уча-

стие в осуществлении этой программы принимали молодые литераторы из группы “Маладняк” [6, л. 40].

Литературная комиссия с полным правом может считаться участником творческого процесса, так как в ее состав, по данным на 1 февраля 1927 г., входило около 20 профессиональных поэтов и писателей, в том числе участники литературных групп “Маладняк” и “Узвышша” [1, с. 62]. В свою очередь, сотрудники литературной комиссии ученые-литературоведы И. Замотин, Н. Пиотухович, М. Горецкий, А. Вознесенский и другие неоднократно публиковали свои научные и критические статьи в журналах этих литературных организаций. Издавая творческое наследие классиков белорусской литературы М. Богдановича, А. Гаруна, собирая и изучая произведения А. Пашкевич, Ядвигина Ш., В. Дунина-Марцинкевича, литературная комиссия выполняла важную социальную роль посредника между художественным производством и потребителем, то есть читателем. В 1927 г. по новому уставу Инбелкульта вместо литературной комиссии был создан класс филологии, состоявший из кафедры истории белорусской литературы и двух комиссий – по изданию произведений белорусских писателей и по составлению биографического словаря писателей [1, с. 61]. Деятельность этих подразделений в дальнейшем была направлена на создание в БССР научного литературоведения.

В феврале 1925 г. в составе Инбелкульта организационно оформилась секция белорусского искусства. Руководство секцией было возложено на И. Дыло. Секция работала в трех направлениях: театр, изобразительное искусство и музыка. Прежде всего, ее деятельность способствовала становлению в БССР профессионального национального театра. На заседаниях подсекции выработывались рекомендации руководителям и учащимся белорусской театральной студии в Москве, которая готовила профессиональных актеров для театров БССР. Театральная подсекция пыталась решить проблему “репертуарного кризиса”. Особенно остро ощущалась нехватка белорусских пьес. С этой целью по инициативе театральной подсекции был создан драматургический семинар, участники которого, молодые белорусские литераторы, в течение 4 месяцев изучали особенности создания драматургических произведений. Пополнение репертуара шло и другим путем: сотрудники подсекции переводили на белорусский язык пьесы мировой театральной классики [7, л. 75]. Рекомендации театральной подсекции были учтены при создании в 1926 г. Второго белорусского государственного театра в Витебске и Государственного еврейского театра БССР в Минске [1, с. 154-155].

В первой половине 1920-х гг. изобразительное искусство в БССР развивалось в двух центрах: в Белорусском художественном техникуме (г. Витебск) и художественной подсекции секции Инбелкульта. Однако если деятельность Витебского художественного техникума имела сугубо практический характер, то художественная подсекция основное внимание уделяла научно-исследовательской работе. Самым крупным практическим мероприятием, активное участие в котором совместно с Наркомпросом БССР принимала подсекция белорусского искусства Инбелкульта, стала Первая Всебелорусская художественная выставка (декабрь 1925 г.). Исследовательская деятельность художественной подсекции Инбелкульта заложила основы истории белорусского искусства и научного искусствоведения в БССР.

Основная работа в музыкальной области была сосредоточена в музыкальной подсекции. Она сводилась к собиранию, гармонизации и обработке народных мелодий. Немногочисленная музыкальная общественность Беларуси счита-

ла необходимым начать работу по воспитанию национальных белорусских композиторов и созданию музыкальных учреждений (оперного театра, консерватории, сети музыкальных школ, симфонических оркестров и т.д.). Эта программа требовала значительных финансовых затрат, поэтому выполнялась очень медленно.

Секция белорусского искусства Инбелкульта выполняла функцию посредника между системами художественного производства и художественного потребления, создавая и публикуя статьи по истории театра, инициируя создание театрального музея, пропагандируя на страницах периодической печати белорусский театр и национальное музыкальное искусство. В первой половине 1920-х гг. секция белорусского искусства оказывала определенное влияние на политику государственных органов в области художественной культуры. В НКП БССР представлялись записки, отчеты, доклады. Советы и рекомендации, содержащиеся в них, принимались во внимание при организации работы театров, художественных учебных заведений, выставок. В 1927 г. на основе секции белорусского искусства был создан Институт белорусского искусства, который возглавил И. Дыло. Организационная структура института (комиссии по изучению истории белорусского искусства, белорусской песни и музыки, музей белорусского искусства) свидетельствовала о направленности, прежде всего, на научно-исследовательскую работу в области искусствоведения.

Заключение

В первой половине 1920-х гг. Инбелкульт, будучи учреждением академического типа, занимался не только научной работой. Он стал важным инструментом в процессе конструирования системы профессиональной белорусской художественной культуры. При этом на начальной стадии ему приходилось совмещать функции сразу нескольких социокультурных институтов: художественного производства, распространения художественного продукта, изучения и сохранения художественных ценностей, формирования культурной политики и т.д. В той части деятельности Инбелкульта, которая была непосредственно связана со сферой художественной культуры, можно выделить два этапа. В первой половине 1920-х гг., когда шел процесс становления различных структур, отвечающих за функционирование художественной культуры республики, соответствующие секции и комиссии Инбелкульта принимали непосредственное участие в управлении и организации художественной жизни БССР и, по существу, являлись частью системы художественной культуры. Во второй половине 1920-х гг., после того как Инбелкульт был выведен из состава НКП БССР и стал самостоятельным научным учреждением, характер его взаимодействия со сферой художественной культуры изменился. На первое место выдвинулись проблемы научно-исследовательского характера: изучение истории и теории белорусской литературы и искусства, сбор и описание памятников художественной деятельности прошлого и т.д.

В 1920-е гг. в БССР шел процесс становления системы художественной культуры, закладывались основы ее профессионализации и институционализации. Значительный вклад в активизацию этих процессов внес Институт белорусской культуры.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Інстытут беларускай культуры / М.П. Касцюк [і інш.]. – Мінск : Навука і тэхніка, 1993. – 255 с.
2. Інстытут беларускай культуры. 1922 – 1928 : дакументы і матэрыялы / В.У. Скалабан, С.У. Токараў. – Мінск : Беларус. навука, 2011. – 257 с.
3. Всесоюзная перепись населения 1926 г. – Т. XXVII. БССР. Отд. II. Занятия. – М. : ЦСУ СССР, 1928. – 156 с.
4. Всесоюзная перепись населения 1926 г. – Т. X. БССР. Отд. I. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. – М. : ЦСУ СССР, 1928. – 289 с.
5. Кароткая інфармацыя аб дзейнасці Інбелкульта (люты – сакавік 1926 г.) // Бюлетэнь СНК БССР. – 1926. – № 8. Дадатак. – С. II–XXII.
6. Протокол организационного заседания литературной секции Инбелкульта 4 мая 1924 г. // Архив Института искусствоведения, этнографии и фольклора Национальной Академии наук Беларуси. – Фонд 1. – Оп. 6. – Д. 6.
7. Протокол 3-го заседания театральной подсекции художественной секции Инбелкульта 19 марта 1925 г. // Архив Института искусствоведения, этнографии и фольклора Национальной Академии наук Беларуси. – Фонд 1. – Оп. 6. – Д. 6.

Поступила в редакцию 13.11.2012 г.

УДК 658.511.5(476)+94(476)

П.А. КОНЦЕВОЙ

НЕМЕЦКИЕ РЕПАРАЦИИ В ВОССТАНОВЛЕНИИ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ БССР (1945 – начало 1950-х гг.)

В статье на основании ранее малоизученных документов Национального архива Республики Беларусь, Государственного архива Минской области, Государственного архива Могилевской области анализируется процесс поступления и оценки промышленного оборудования, поставленного в БССР по репарациям из Германии. Особое внимание автор уделит вопросам, связанным с вводом в эксплуатацию данного оборудования на белорусских предприятиях.

Введение

Актуальной проблемой отечественной исторической науки является вопрос, связанный с поступлением и использованием немецких репараций на промышленных предприятиях БССР в 1945 – начале 1950-х гг. Reparации поступали в БССР в соответствии с решениями Крымской и Потсдамской конференций 1945 г. и состояли в основном из промышленного оборудование, сырья, топлива и других материально-технических ценностей [1, с. 451]. Reparационные поставки получали практически все восстанавливаемые и строящиеся в этот период белорусские предприятия [2, с. 15].

Необходимо обратить внимание на тот факт, что в документах того времени репарационное оборудование проходило либо как оборудование особых поставок, либо как трофейное оборудование. Для того чтобы придерживаться единообразия в терминологии, в статье будет употребляться единый термин – “оборудование, полученное по репарациям” (репарационное оборудование).

Целью данной статьи является выявление характерных особенностей процесса поступления, оценки и ввода в эксплуатацию полученного по репарациям промышленного оборудования на предприятиях БССР в 1945 – начале 1950-х гг. Некоторые общие вопросы, связанные с ролью репараций в восстановлении промышленности БССР, затрагивались в работах В.И. Голубовича [1] и Г.П. Бущик [2, 3].

Основная часть

Поставки промышленного оборудования по репарациям стали осуществляться на территорию БССР еще до окончания Великой Отечественной войны. Специальные трофейные команды Красной армии уже в последние месяцы войны обследовали немецкие предприятия и подготавливали к отправке в СССР необходимое оборудование и другое имущество [3, с. 121]. При этом демонтируемое с немецких предприятий оборудование оперативно подвергалось предварительной оценке. Промышленный банк СССР разработал методику предварительной оценки репарационного оборудования, согласно которой были определены средние цены за тонну различных типов станков. Например, средние цены за тонну металлорежущего оборудования варьировались от 3500 руб. до 15000 руб. в зависимости от типа станка [4, л. 19].

В соответствии с постановлением Совета народных комиссаров СССР от 12 июня 1945 г. на прибывающие из Германии в счет репараций материально-технические ценности должны были составляться акты приемки и сличения с сопроводительными документами. Далее организовывалась комиссия по учету и оценке имущества в составе: руководителя предприятия, специалиста-эксперта, главного бухгалтера и представителя финансового органа [5, л. 320]. Оценка должна была производиться в пятнадцатидневный срок, после чего предприятие оплачивало стоимость оборудования за счет ассигнований на капиталовложения. Причем сроки оплаты были различными, в зависимости от того, требовался или нет его монтаж. За оборудование, которое не требовало монтажа, предприятия рассчитывались в течение 10 дней. В случае, когда репарационное оборудование требовало монтажа, предприятия выдавали филиалам банков долгосрочных вложений обязательства об его оплате сроком по предъявлению. Не позднее чем в месячный срок эти обязательства должны были заменяться получателем оборудования на срочные обязательства с утвержденным сроком сдачи оборудования в монтаж [6, л. 24], т.е. такое оборудование оплачивалось после сдачи его в монтаж.

Суммы, поступавшие от предприятий, перечислялись банками долгосрочных вложений в доход союзного бюджета по § 44 раздела 12 под наименованием "Поступления от реализации трофейного народнохозяйственного имущества". После оплаты репарационное оборудование учитывалось в объеме капитальных работ на общих основаниях [6, л. 24–25].

С оценкой оборудования в некоторых случаях выходили заминки, что было связано с применением двух методик: предварительной, исходящей из тоннажа оборудования, и окончательной, производимой комиссией с участием эксперта. Так, в адрес Быховского пищекомбината в 1946 г. прибыло 253 вагона репарационного оборудования, которое предварительно было оценено (по тоннажу) в 10855 тыс. руб. Однако впоследствии это оборудование было переоценено, с участием представителей Министерства пищевой промышленности СССР, на сумму 877 тыс. руб. С результатами повторной оценки был категорически не

согласен Облфинотдел, т.к. при оценке были поставлены слишком высокие проценты изношенности оборудования (от 30 до 70%), что не соответствовало действительности [7, л. 83]. Проблема определения процента изношенности оборудования была обусловлена желанием предприятий и отраслевых министерств удешевить его стоимость, а как следствие – уменьшить сумму отчислений в союзный бюджет.

Бесплатно оборудование и другое имущество передавалось только тем заводам и фабрикам, которые смогли документально доказать, что оно до войны принадлежало им и было вывезено оккупантами в Германию [2, с. 13]. В качестве примера можно привести Гродненскую табачную фабрику. Руководство Гродненской табачной фабрики возбудило ходатайство о передаче полученного по репарациям имущества на сумму 740,4 тыс. руб. безвозмездно по тем мотивам, что это имущество ранее принадлежало табачной фабрике и было вывезено в Германию [7, л. 29]. Однако при решении подобных вопросов зачастую возникали трудности. Проблема заключалась в том, что до войны Советский Союз активно закупал промышленное оборудование в Германии, а в годы оккупации часть из него была вывезена на немецкие предприятия. Именно такое оборудование было крайне сложно выявить среди репарационных поставок.

Наивысшая интенсивность поступления репараций наблюдалась в 1945 – 1947 гг., о чем свидетельствуют многочисленные документы, находящиеся в Национальном архиве Республики Беларусь. Всего же, по данным финансовых органов БССР, за 1945 – первый квартал 1947 гг. было учтено и оценено оборудование и товароматериальных ценностей, поступивших в республику по репарациям, на сумму в 201 млн руб. Еще на 36 млн руб. в этот период было оценено возвращаемое оборудование и ценности [5, л. 319]. В 1948 г. произошло значительное сокращение репарационных поставок, а в 1949 – 1950 гг. наблюдаются только единичные случаи. Официально поступление немецких репараций в СССР прекратилось с 1 января 1954 г.

Оборудование, полученное белорусскими предприятиями в 1945 – 1947 гг., в ряде случаев попадало в монтаж только в конце 40-х – начале 50-х гг. XX в. Так, на Шкловский льнозавод до начала апреля 1947 г. прибыл 21 вагон с репарационным оборудованием, которое оценили на сумму 163,6 тыс. руб., после чего данное оборудование подготовили к длительному хранению, а его монтаж должен был начаться только в 1948 г. [7, л. 35]. Другая группа документов показывает факты монтажа и сдачи в эксплуатацию на Могилевском заводе “Строммашина” в 1950 г. нескольких единиц репарационного промышленного оборудования, которое поступило на предприятие в 1946 – 1947 гг. [8, л. 6–7]. Эти задержки чаще всего объясняются более медленным, по сравнению с темпом поступления оборудования, восстановлением производственных площадей, а также, в ряде случаев, отсутствием достаточного энергообеспечения предприятий, что не позволяло оперативно вводить в строй все имеющиеся в наличии станки.

Именно отставание с восстановлением производственных корпусов являлось главной причиной задержек с вводом оборудования в эксплуатацию на многих предприятиях БССР, что подтверждают и документы Гродненского областного финансового отдела от 1 июня 1947 г. Из них следует, что прибывшее в адрес Лидской фабрики “Ардаль” репарационное оборудование не сдано в монтаж вследствие проблем, связанных с восстановлением производственного корпуса. Такое же положение сложилось и на Первом Белорусском сахарном

заводе, Лидском литейном заводе, Лидской электростанции. Следствием этого стала задолженность бюджету суммы 1643,4 тыс. руб. [7, л. 29], ведь данная группа ремонтного оборудования оплачивалась предприятиями после сдачи его в монтаж.

Надо обратить внимание и на то, что на многие предприятия оборудование прибывало в большем количестве, чем было необходимо, либо прибывшее оборудование не подходило профилю данного производства. В таких обстоятельствах происходило перераспределение ремонтного имущества между различными заводами как БССР, так и других республик Советского Союза. Все эти обстоятельства вызывали ряд проблем, связанных с обеспечением длительного хранения оборудования и с перечислением денег за него в госбюджет. Например, Могилевский завод № 511 Министерства текстильной промышленности СССР во втором квартале 1946 г. в порядке перераспределения получил 92 вагона с оборудованием с Калининского завода № 513. Данное оборудование было отправлено без оценки, некомплектное (имелись случаи хищения дефицитных деталей в дороге), неупакованное, погружено навалом (некоторые агрегаты поломаны при небрежной погрузке) [7, л. 83].

Минский автомобильный завод являлся одним из главных получателей ремонтного оборудования. По состоянию на ноябрь 1946 г. этот завод получил из разных источников 3253 единицы промышленного оборудования на сумму 13,9 млн руб. Из этого количества 3233 единицы оборудования стоимостью 13,3 млн руб. было поставлено на завод в счет ремонтов [9, л. 22]. Однако часть этого оборудования, излишнего для данного производства, впоследствии передавалась другим предприятиям. Исходя из данных единовременной переписи оборудования по Минскому автомобильному заводу на 1 июня 1948 г. на предприятии числилось 2249 единиц металлорежущего, кузнечно-прессового и деревообрабатывающего оборудования, из которого 2182 единицы было получено по ремонтам [10, л. 3].

Другим крупным получателем ремонтов стал Минский тракторный завод. По данным на февраль 1947 г. он получил оборудование из Германии стоимостью 6 млн руб. [11, л. 12].

Сохранилось большое количество документов, касающихся использования ремонтов при восстановлении Могилевского завода «Строммашина». В 1946 – 1947 гг. на этот завод в счет ремонтов было поставлено 339 единиц промышленного оборудования, а также расходные материалы на сумму 2,3 млн руб. [12, л. 20, 22]. Общая сметная стоимость, выделенная на реконструкцию предприятия, равнялась 24 млн руб. Причем из этой суммы на 1 января 1948 г. было получено только 4,6 млн руб., а до конца года предполагалось использовать еще 3 млн руб. [13, л. 4], что вполне сопоставимо со стоимостью ремонтного оборудования, полученного заводом за этот период.

Заключение

Таким образом, направляемое на предприятия БССР по ремонтам из Германии промышленное оборудование оперативно подвергалось предварительной оценке, а по прибытию на место назначения проводилось его повторное оценивание с участием экспертов и представителей финансовых органов. Ремонтное оборудование оплачивалось заводами за счет ассигнований на капиталовложения, а перечисляемые суммы засчитывались в доход союзного бюджета. Ввод в эксплуатацию данного оборудования происходил по-

степенно, по мере готовности производственных площадей. Полученное в счет репараций промышленное оборудование составляло во второй половине 40-х – начале 50-х гг. XX в. значительную часть станочного парка многих предприятий БССР. Однако не всегда такое промышленное оборудование своевременно вводилось в эксплуатацию, что значительно снижало экономическую отдачу от немецких репараций. Также необходимо обратить внимание и на то, что в ряде случаев поступившее по репарациям оборудование было устаревшим и не обладало необходимыми техническими характеристиками, поэтому переоценивать значение репараций не следует. Главная заслуга в послевоенном возрождении промышленности БССР принадлежит белорусскому народу.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Голубович, В.И.** Минск – крупный индустриальный центр СССР / В.И. Голубович // Гісторыя Мінска / У.А. Бабкоў [і інш.]; кіраўнік часовага навуковага калектыву М.П. Касцюк. – Мінск : БелЭН, 2006. – 696 с. – С. 449–474.
2. **Бушчык, Г.П.** Міжнародныя пагадненні аб рэпарацыях і іх паступленне ў БССР у 1945 – 1946 гг. / Г.П. Бушчык // Беларус. гіст. часоп. – 2005. – № 8. – С. 10–15.
3. **Бушчык, Г.П.** Значэнне германскіх рэпарацый для аднаўлення гаспадаркі г. Магілёва і Магілёўскай вобласці пасля Другой сусветнай вайны / Г.П. Бушчык // Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць – 3 : зборнік навуковых прац удзельнікаў Міжнароднай навук. канф., Магілёў, 22–23 мая 2003 г. : у 2 ч. / Магілёўскі гарадскі выкан. кам., Магілёўскі дзярж. ун-т харчавання ; рэдкал.: І.А. Пушкін [і інш.]. – Магілёў, 2003. – Ч. 1. – С. 119–127.
4. Переписка с финорганами о взыскании стоимости трофейного и возвращаемого имущества в СССР. 10 января – 13 декабря 1946 г. // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 93. – Оп. 9. – Д. 1040.
5. Переписка с финансовыми органами о взыскании стоимости трофейного и возвращаемого в СССР имущества. 3 января – 28 сентября 1947 г. // НАРБ. – Фонд 93. – Оп. 9. – Д. 1048.
6. Приказы, распоряжения, инструкции вышестоящих организаций. 15 июня – 12 декабря 1946 г. // Государственный архив Могилевской области (ГАМО). – Фонд 2316. – Оп. 5. – Д. 1.
7. Переписка с финансовыми органами о взыскании стоимости трофейного и возвращаемого в СССР имущества. 1 апреля – 31 декабря 1947 г. // НАРБ. – Фонд 93. – Оп. 9. – Д. 1049.
8. Годовой отчет о движении неустановленного оборудования и пояснительная записка к нему за 1950 г. // ГАМО. – Фонд 2316. – Оп. 5. – Д. 77.
9. Годовой отчет по капитальным вложениям за 1946 г. // Государственный архив Минской области (ГАМинО). – Фонд 2363. – Оп. 1. – Д. 2931.
10. Итоги единовременной переписи оборудования по Минскому автомобильному заводу и Минскому тракторному заводу по состоянию на 1 июня 1948 г. // НАРБ. – Фонд 30. – Оп. 6. – Д. 82.
11. Отчеты предприятий, Министерств и ведомств Белорусской ССР о поступлении трофейного народно-хозяйственного имущества за 1947 год. // НАРБ. – Фонд 30. – Оп. 6. – Д. 72.
12. Годовые и квартальные отчеты, ведомости особых поставок металлоконструкций / трофейного/. 4 мая 1948 г. – 3 февраля 1949 г. // ГАМО. – Фонд 2316. – Оп. 5. – Д. 8.
13. Перспективный план строительства завода “Строммашина”. 21 февраля 1948 г. // ГАМО. – Фонд 2316. – Оп. 5. – Д. 9.

Поступила в редакцию 23.02.2012 г.

УДК 94(4-015)(=16)“18/19”

Р.В. СОЛОВЬЕВ

РАЗВИТИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПРОИСХОЖДЕНИИ СЛАВЯН В ИСТОРИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ (вторая пол. XIX – нач. XX в.)

Статья посвящена некоторым особенностям развития представлений по вопросу происхождения славян в среде ученых Восточной Европы второй половины XIX – нач. XX в., а также анализу процессов, тем или иным образом повлиявших на выбор позиций по этой проблеме у авторов рассматриваемого периода, где внимание уделяется процессу “национализации” науки и началу формирования национальных историографий. На фоне общего прогресса в теории и методологии исторической науки прослеживается переход от протонаучных версий о ранних славянах, основанных преимущественно на анализе письменной традиции, к все более взвешенным концепциям, которые стремятся учесть весь комплекс имеющейся информации.

Введение

Проблема славянского этногенеза на протяжении последних веков регулярно привлекала внимание многих исследователей и входила в сферу интересов нескольких поколений ученых различных эпох. При таких обстоятельствах актуальной стала необходимость анализа предыдущих достижений исторической науки в данной сфере. Так как история развития этногенетических исследований слабо представлена в новейших работах по данной проблематике, то именно отсутствие неких комплексных исследований, которые давали бы обстоятельный анализ этногенетических легенд, мифов, взглядов и концепций, касающихся появления и становления славянских этносов и их непосредственных предков, и определяет актуальность данной статьи. Исходя из актуальности, целью статьи является освещение особенностей процесса эволюции представлений о славянском этногенезе в восточноевропейской историографии второй половины XIX – начала XX ст.

Основная часть

Интерес к славянским древностям в среде интеллектуалов Восточной Европы существовал давно. Но особенностью подавляющего большинства работ предшествующего рассматриваемому отрезку времени была их зависимость от мифологем и иррациональных домыслов. Такова в принципе природа отношения к этнической истории и этническим процессам, для которой в ходе развития научного мировоззрения характерно не столько преодоление зависимости от “мифологического взгляда” в представлениях о происхождении народов, сколько его рационализация и трансформация. Как писал в 1896 г. киевский археолог Иосиф Хойновский, “происхождение славянского народа и начала Руси не было объяснено достаточно хронографами и библией, а потому покрылось завесой забвения, которую многие историки усиливались поднять; сочиняя различные теории происхождения этих народов, они подбирали подходящие летописные тексты и создали различные теории, не имеющие прочных фундаментов и как гипотезы влекущие к нескончаемым спорам.” И далее: “Сла-

вян отождествляют то со скифами, то производят их от сарматов; руссов приводят из Швеции от норманов, варягов; то из Прибалтийской области от Боруссов (Пруссов); из Урала производят от гуннов и вудинов, из Кавказа от росс-аланов, скифов и т.п.” [1, с. 3-4].

Действительно, в предшествующий период родственные связи народов устанавливались на основании непосредственного изучения исторических источников. Однако свидетельства исторических источников во многом искажают действительную ситуацию, и эти искажения касаются именно этнических взаимоотношений. Поэтому проблема родства и происхождения народов должна изучаться комплексно, т.е. с привлечением данных этнографии, археологии, лингвистики и антропологии. Именно все возрастающее применение данных этих наук в деле изучения славянских древностей и составляет особенность рассматриваемой эпохи. Правда, сама идея была не нова. Так, еще в 1837 г. были изданы “Славянские древности” известного словацкого и чешского слависта П.И. Шафарика [2], написанные на основе всестороннего анализа имеющегося на тот момент комплекса источников.

С другой стороны, слабая методологическая база этих молодых наук, да и самой истории, не позволяли взглянуть на проблему этногенеза славян шире. Даже анализ информации, извлекаемой из письменных источников, не всегда воспринимался критически, что отнюдь не способствовало прояснению картины ранней славянской истории.

Сравнительно новым для второй половины XIX в. для восточноевропейской историографии было изучение антропологических данных. Связано это было с именем профессора Московского университета А.П. Богданова. И хотя он считается основателем русской антропологической науки [3, с. 10], достаточно редко упоминаются его выводы по вопросам происхождения отдельных славянских этносов. Безусловно, в то время методика антропологических исследований была более примитивной, чем сейчас, тем не менее, им была установлена и обоснована генетическая преемственность населения на территории Украины с древности и эпохи Киевской Руси до современности: “Имеемъ преобладаніе низкоорбитныхъ, что можно было ожидать и а ргіогі, если принять во вниманіе форму глазницъ, какъ первоначальныхъ курганныхъ основныхъ жителей Киевской губерніи, такъ и техъ главнейшихъ племень, кои по свидетельству исторіи входили потомъ въ составъ народонаселенія и вліяли на него. Все они были по преимуществу низкоорбитные, да и теперь еще малороссы несутъ явственно этотъ признакъ, какъ подтвержденіе сказаннаго” [4, с. 13]. Также он первый подчеркнул факт участия местных финно-угорских племен в генезисе русского этноса. В своей работе “Антропологическая фізіогномика” он писал, что “великоруссы” – племя смешанное, а история заселения Средней России, являвшаяся в виде обрусения первоначальных инородческих обитателей [финно-угров] и колонизации господствующего славянского типа, показывает несомненно, что смешение, и смешение в значительной степени, должно было быть [5, с. 14].

Обратимся к рассмотрению некоторых авторов второй пол. XIX – нач. XX в., которые на основе прочтения литературных памятников строили своеобразные версии древнейшей славянской истории.

Во-первых, хотелось бы выделить труд русского историка А. Васильева “О древнейшей истории северных славян до времен Рюрика”, изданный в 1858 г. Книга посвящена одному из сложнейших вопросов становления Киевской Руси – вопросу о призвании варягов и их этническом происхождении. Вторую половину книги составляют примечания, как бы дополняющие основной текст. В них автор

касается вопроса о “славянстве” гуннов и аваров, разбирает ПВЛ Нестора и рассматривает другие частные вопросы славянской истории. Автор в своих суждениях не сдерживает русский шовинизм, что видно, например, из следующей цитаты: “Нам Россиянам, предстоит слава, объяснить историю, не только России, но и всей Европы! Сомнения основательные: что Скифы, Гунны, Обры, Болгары были не пришельцы Азиатские, но Славянские колена, обитатели берегов Каспийского, Азовского, Черного морей и Дуная, быть может, примут достоверность; и тогда вся Европа увидит ложность понятий о средневековой Истории...” [6, с. 4].

Другая гипотеза, в которой предпринимается попытка связать оседлых “скифов-пахарей” со славянами, в свое время усердно, на основании веских доводов, поддерживалась одним из лучших знатоков скифской истории русским историком А.С. Лаппо-Данилевским в его работе 1887 г. “Скифские древности” [7, с. 14]. Но его догадка базировалась лишь на данных Геродотовой “Истории” и на поверхностном анализе находок из скифских курганов.

Достаточно давно известные в научных кругах памятники античного времени, где, в частности, упоминались венеды, подверглись дальнейшему анализу и интерпретации. Самых венедов многие авторы отождествляли с первыми славянами, а некоторые даже обосновывали славянскую этимологию этнонима. Так, А.Ф. Гильфердинг связывал имя “венеты” то с древнеиндусским названием народа “vanita”, то с названием древнерусского племени вятичей [8, с. 153-154]. Ему же принадлежит рассмотрение возможной связи венедов с населением северо-восточной Италии – Венеции, пользуясь данными сравнительного языкознания [8, с. 158-160]. В свою очередь, И. Первольф возводил имя “вент” к старославянскому корню “vet” – “великий”, сохранившемуся в измененном виде в форме “вятичиант” [9, с. 4-5]. Своеобразно рассматривал венедскую проблему петербургский профессор Ф.А. Браун в своих “Разысканиях в области готто-славянских отношений”. Так, он считал, что венедками немцы первоначально называли только одно из славянских племен, а затем это название было распространено на весь славянский род. Основным аргументом автора выступает факт отсутствия аналога “на германской почве”, а также наличие многих неверифицируемых искажений термина в древнейших источниках, что не позволяет установить точную исходную форму этого этнонима [10, с. 334].

Что касается антов, то их отождествление вызывало немало споров. Отмечалось, что в антах выдающийся русский историк А.А. Шахматов видел предков славян вообще и всего русского племени в частности. Согласно академику И.И. Срезневскому, анты были предками уличей и тиверцев. Это же мнение отстаивал впоследствии и А.А. Спицын [7, с. 28].

Но это была не единственная позиция по вопросу определения участия антов в этногенезе славян. В этом отношении весьма оригинальными представляются воззрения классика украинской историографии М.С. Грушевского, который первым связал этногенез украинцев именно с племенами антов, заселявших территорию лесостепной Украины в середине I тыс. Правда, в его фундаментальной “Истории Украины-Руси” анты достаточно двусмысленно именуется “украинскими” племенами, однако не уточняется по какому признаку: по расселению или этнической принадлежности. На этом автор не останавливается, и далее в его труде можно прочесть: “Порогом исторических времен для украинского народа можем принять IV столетие по Хр., когда начинаем уже кое-что знать специально о нем. Перед этим про наш народ можем говорить только как про часть славянской группы; его жизнь не можем проследивать в ее эволюции... Расселение украинско-русских племен на

всей нынешней территории приходится как раз на начало его исторической жизни. Столетия непосредственно после этого расселения готовят организацию Русской державы, что является основным содержанием первого периода исторической жизни украинского народа” [11, с. 18-19]. То есть, по М.С. Грушевскому, началом украинского этноса считается IV в. н.э., хотя и с оговоркой, что анты не есть собственно украинцы, а прямые предки украинского народа.

Здесь мы подбираемся к другой важной проблеме – проблеме “национальности” науки. И действительно эволюция представлений о происхождении славян происходила на фоне начала процесса формирования отдельных славянских наций. Как известно, зачастую подобные явления сопровождаются всплеском изучения древностей того или иного народа. Не обошлось без этого и в восточноевропейской историографии. Однако в рассматриваемый период разница взглядов во многом определялась принадлежностью к славянофильскому либо западническому направлению. Например, западники делали акцент на “общечеловеческом” в науке, указывали на опасность национального субъективизма. Славянофилы же, напротив, придавали первостепенное значение “народности познающей мысли”. Вместе с тем изветный славянофил Ю.Ф. Самарин делал ряд существенных оговорок: “Непричастность народного воззрения к предубеждениям и односторонностям, налагающим свое клеймо на воззрение других народов, дает возможность общечеловеческому воззрению... освобождать себя от тесных рамок, временно его ограничивающих”. И далее: “Неразумное, безотчетное и преднамеренное отрицание чужого потому только, что оно чужое, при недостатке своего... не поведет к расширению области знания” [12, с. 5-6].

Безусловно, в идеологическом отношении на подавляющее большинство работ, в т. ч. по проблеме этногенеза славян, непосредственно влияла общественно-политическая ситуация в регионе. Так, интерес к славянской проблематике стимулировался такими событиями, как Польское восстание 1863 – 1864 г., деятельность т.н. славянских комитетов, Славянский съезд в Москве 1867 г., “восточный кризис” 1876 г. и русско-турецкая война 1877 – 1878 г. и др. В этих условиях происходило оформление украинской историографической традиции, связанной со следующими именами: М.А. Максимовича, Н.И. Костомарова, В.Б. Антоновича, В.В. Хвойко и М.С. Грушевского. Показательно, что эта традиция заложила мощный фундамент для следующих поколений ученых, однако не следует переоценивать их значение. В частности, национальная политическая пристрастность обусловила тенденциозность приводимых оценок. В плане использования достижения украинской историографии XIX в. это выражается в некритическом использовании ее положений и абсолютизации их, в т.ч. в современных работах по проблеме.

Заключение

Таким образом, можно говорить о все возрастающем интересе к проблеме происхождения славян вообще и отдельных славянских этносов в частности. Отмечен значительный прогресс в плане накопления и систематизации источников, тем или иным образом связываемых с вопросом происхождения славян, а также в попытках все более глубокого их анализа. Набирает обороты изучение археологической и антропологической стороны проблемы. Однако общим для восточноевропейской историографии является отсутствие каких-либо обобщающих работ, где взвешенно и обстоятельно был бы рассмотрен ход славянского этногенеза. Не было в Восточной Европе своего Любора Нидерле. Также было отмечено негативное влияние идеологической составляющей общественно-политической

жизни в регионе, которое проявлялось на фоне все большей акцентации внимания исследователей на проблемы национальной истории, которые не всегда позитивно сказывались на степени научности этногенетических изысканий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Хойновский, И.А.** Краткія археологіческія сведенія о предкахъ славянъ и Руси / И.А. Хойновскій. – К., 1896. – 264 с.
2. **Шафарик, П.Й.** Славянские древности / П.Й. Шафарик. – М. : Надежда, 2004. – 550 с.
3. **Алексеева, Т.И.** Восточные славяне. Антропология и этническая история / Т.И. Алексеева. – М. : Научный мир, 2002. – 342 с.
4. **Богдановъ, А.П.** Антропологическая физиогномика / А.П. Богдановъ. – М., 1878. – 38 с.
5. **Богдановъ, А.П.** Древніе кїевляне по ихъ черепамъ и могиламъ / А.П. Богдановъ. – М., 1878. – 16 с.
6. **Васильев, А.** О древнейшей исторіи северныхъ славянъ до временъ Рюрика / А. Васильев. – Спб., 1858 г. – 172 с.
7. **Державин, Н.С.** Славяне в древности / Н. Державин. – М., 2010. – 320 с.
8. **Гильфердинг, А.Ф.** Глава вторая и последняя. Венеты / А.Ф. Гильфердинг // Вестник Европы. – Спб., 1868. – Т. V. – № 9 (сентябрь). – С. 153–280.
9. **Первольф, И.** Славяне ихъ взаимныя отношенія и связи : в 3 т. / И. Первольф. – Спб., –1886. – Т. 1 : Очеркъ исторіи славян до XVIII века. – 209 с.
10. **Браун, Ф.А.** Разыскания в области готто-славянскихъ отношеній / Ф.А. Браун. – Спб., 1899. – 392 с.
11. **Грушевський, М.** Історія України-Русі : в 11 т., 12 кн. / М. Грушевський. – К. : Наук. думка, 1991. – Т. I : До початку IX віка. – 736 с.
12. **Волков, В.К.** Исторические судьбы восточного славянства и “национальность” науки / В.К. Волков, Л.Е. Горизонтов // Славянский альманах. – 1998. – С. 5–11.

Поступила в редакцію 31.05.2012 г.

УДК 94(476.4) “1914/1916”

В.В. ВАСИЛЕНКО

ОРГАНИЗАЦИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МОГИЛЕВСКОГО ГУБЕРНСКОГО КОМИТЕТА ВСЕРОССИЙСКОГО ЗЕМСКОГО СОЮЗА (август 1914 – декабрь 1916 гг.)

В предлагаемой статье изучается деятельность Всероссийского земского союза (ВЗС) в белорусских губерниях Российской империи в период Первой мировой войны. На примере Могилевской губернии на основе новых, ранее не публикуемых документальных источников рассматриваются основные направления деятельности созданного здесь губернского комитета ВЗС. Впервые приводятся сведения о составе губернского комитета, характеризуются основные направления санитарно-медицинской деятельности, оказание помощи беженцам и другие мероприятия комитета в 1914 – 1916 гг.

Введение

В начале Первой мировой войны либеральные земцы объединились и создали общественную организацию – Всероссийский земский союз (ВЗС). Союз был образован с целью оказания санитарно-медицинской помощи русской ар-

мии (создание лазаретов, госпиталей, перевязочных пунктов, санитарных поездов и др.).

Организационное оформление ВЗС состоялось 30 июля 1914 г. в Москве на съезде уполномоченных губернских земств. Земский союз имел четкую организационную структуру. Его центральным органом являлось общее собрание уполномоченных губернских земств, которое избирало главноуполномоченного и Главный (постоянный) комитет из 10 членов. Главноуполномоченным Земского союза был избран князь Г.Е. Львов. Функции Главного комитета «заключались в разработке, организации вопросов, входящих в круг деятельности организации, и в практической работе, причем последняя ограничивается только задачами общего характера, которые были бы непосильны для местных организаций (эвакуация раненых, перевозка их во внутренние губернии, организации в ближайших к территории военных действий местностях госпиталей для тяжелораненых, не могущих перенести далекого переезда, устройство центральных складов – инвентарного, аптечного и организация подготовки персонала по лечению и уходу за ранеными)” [1, с. 98] На местах в губерниях создавались губернские и уездные комитеты Земсоюза. Губернский комитет ВЗС состоял из избранных губернским земским собранием 10 гласных. Также в его состав входили все члены управы, по 1 представителю от уездных комитетов, по 1 представителю от санитарного бюро губернского земства и губернского санитарного совета [2, с. 14]. Функции комитетов были следующие: 1) организация планомерного распределения больных и раненых воинов по губернии и уездам; 2) организация госпиталей для лечения больных и раненых воинов; 3) оборудование лечебных учреждений губернского земства для целей лечения раненых и больных воинов; 4) финансирование уездных комитетов [3, с. 97].

ВЗС объединил земства 41 губернии Российской империи. К союзу присоединились и белорусские губернии. Здесь были созданы губернские и уездные комитеты. Один из них – Могилевский губернский комитет.

Вопрос о деятельности Всероссийского земского союза на территории белорусских губерний в отечественной исторической науке специально не разрабатывался. Данная статья призвана пролить свет на различные стороны деятельности Могилевского губернского комитета ВЗС на территории губернии в 1914 – 1916 гг.

Основная часть

Могилевский губернский комитет Земского союза был организационно оформлен 16 августа 1914 г. На учредительное собрание прибыли: председатель губернской земской управы В.А. Судзиловский, М.А. Григорьев, члены комитета, избранные губернским земским собранием, – А.В. Королько, А.А. Радкевич, А.Ф. Радченко, граф Л.Ф. Лубенский, Ф.Я. Хоментовский, С.И. Казанович, И.И. Щемелев, М.М. Коршун-Осмоловский, К.П. Алабышев, С.Ю. Чоловский, Л.Н. Чачков, К.В. Банин. Представители от уездных земских управ: могилевской – И.М. Мусерский, рогачевской – В.С. Дрибинцев, горецкой – К.Н. Рябынин и представитель могилевского городского управления – городской голова И.А. Симковский. На заседании была доложена схема организации Земсоюза, выработанная 25 июля 1914 г. и принятая Московским губернским земским собранием. Были озвучены: журнал собрания уполномоченных ВЗС 30 июля 1914 г., речь князя Г.Е. Львова 7 августа, в которой он приветствовал императора Николая II, и последовавшая благодарность от императора с поже-

ланием успеха. Потом заслушивали сообщения от уездных земств: Быхова, Гомеля, Орши, Сенно, Чаус, Черикова, Климовичей, Горок, Могилева, Рогачева, Мстиславля о создании в уездах комитетов. После этого был избран председатель губернского комитета. Им стал Ф.Я. Хоментовский. Его заместителем избрали Л.Ф. Лубенского. Собрание рассмотрело и приняло “Правила о порядке действия Могилевского губернского земского союза помощи больным и раненым воинам”. После этого собрание избрало членов правления. Ими стали: К.В. Банин, А.В. Королько, С.И. Казанович, В.С. Дрибинцев, А.А. Радкевич, Л.Н. Чачков. Председателем правления стал В.А. Судзиловский, его заместителем – К.В. Банин, казначеем – М.А. Григорьев и секретарем – В.К. Гортынский [4, с. 73-76].

Вместе с расширением деятельности комитета число его членов постоянно росло. Приведем весь списочный состав комитета поименно на 1 ноября 1916 г. Председателем комитета был Ф.Я. Хоментовский, его заместителем Л.Ф. Лубенский. В комитет входили: К.П. Алабышев, К.В. Банин, Ю.Ю. Бехли, П.М. Войнич-Сяножецкий, Г.В. Выковский, М.Ю. Галиновский, М.А. Григорьев, В.С. Дрибинцев, князь Н.Н. Друцкой-Соколинский, С.И. Казанович, П.И. Кильнин, Ф.Я. Кокашинский, А.И. Криживицкий, П.А. Мельников, А.П. Михайленко, И.М. Мусерский, Е.В. Ольденкоп, В.А. Судзиловский, А.В. Трусевич, Л.Н. Чачков, Д.И. Чистяков, С.Ю. Чолавский, Н.П. Яцутин [5, с. 55-56].

Губернский комитет Земсоюза в Могилеве развернул свою деятельность по различным направлениям. Организация санитарно-медицинской помощи армии была самым приоритетным из направлений.

На заседании комитета 16 августа рассматривался вопрос об организации госпиталей и лазаретов. Решили в первую очередь использовать имеющиеся лазареты и лечебные заведения, которые были расположены вблизи железнодорожных путей. Собрание заслушало сообщения представителей земств о подготовленных к работе медицинских учреждениях. В Орше был оборудован частный лазарет на 25 коек. В имении Смоляны оборудован лазарет на 12 коек. Представитель могилевского земства сообщил, что в местечке Шклов при лечебнице уездного земства подготовлено 40 коек, но нет достаточного медицинского оборудования, инструментов и перевязочных средств. В Могилеве имеются 50 коек при губернской больнице и 25 при еврейской больнице, но недостаточно медикаментов, перевязочных средств и медицинского персонала. В Быховском уезде планировалось оборудовать 80 кроватей (в Дашковке, в Баркалабовском монастыре и Быхове). Рогачевским земством в Рогачеве была открыта лечебница на 50 коек. Гомельское уездное земство выступило с инициативой создания в Гомеле при земских лечебницах 135 коек для больных и раненых воинов. Также были заслушаны сообщения представителей земств, расположенных вне районов железнодорожных путей сообщения [4, с. 77, 79].

На заседании 1 сентября 1914 г. председатель комитета Ф.Я. Хоментовский довел до комитета сведения о том, что по сообщению главноуполномоченного ВЗС Г.Е. Львова наблюдается острая необходимость в госпиталях для больных и раненых воинов. Их необходимо устраивать вблизи железнодорожных станций. Средства на содержание будут выделяться Земсоюзом. Губернский комитет запланировал устроить лазаретов как минимум на 500 мест. Была рассчитана смета. Планировали, что три месяца содержания коек обойдется в 67500 р. Комитет постановил открыть лазареты в Рогачеве на 200 мест в помещении семи-

нарии и в Могилеве на 150 мест в Дворянском доме. Через членов правления решили ходатайствовать перед Главным комитетом Земсоюза о выделении средств, оборудования и медикаментов. Представитель гомельского земства М.М. Хорошунов попросил выделить средства на постройку в Гомеле заразного барака на 50 коек. На эти нужды комитетом было выделено 5000 р. В конце заседания были заслушаны различные сообщения и ходатайства к комитету, которые были приняты к сведению. На заседании 15 сентября рассматривались вопросы о выделении средств на закупку оборудования для медицинских учреждений. Председатель комитета сообщил, что, будучи в Москве, ходатайствовал перед Главным комитетом ВЗС о выделении средств для оборудования 350 коек в Могилеве и Рогачеве. Также он просил выделить средства по просьбе председателя оршанской уездной управы В.И. Андрианова на содержание 80 коек в лазаретах, созданных в казенных винных складах в Орше и при гвоздильном заводе в селе Барань. Эти ходатайства были удовлетворены [6, с. 56-61].

Таким образом, с осени 1914 г. Могилевский губернский комитет Земсоюза организовал большое количество коек в лазаретах и госпиталях для больных и раненых воинов. В разных источниках приводятся различные данные о числе оборудованных коек и медицинских учреждениях. По данным брошюры «Список госпиталей, состоящих на учете Всероссийского земского союза на 1 февраля 1915 г.» в Могилевской губернии были оборудованы лазареты в 29 населенных пунктах с количеством 1344 койки [7, с. 88-91, 258]. Согласно данным журнала «Вестник могилевского земства» к июлю 1915 г. в Могилевской губернии под началом Земского союза работали 25 различных медицинских учреждений с 1281 оборудованной койкой [8, с. 21]. Материалы из фонда А.И. Шингарева Российского государственного исторического архива дают цифру в 1487 оборудованных коек в медицинских учреждениях на 1 мая 1915 г. [9, л. 9].

Назовем все населенные пункты, приведенные в «Списке учреждений, состоящих на учете Всероссийского земского союза на 1 июня 1915 г.», в которых находились различные медицинские учреждения. В Могилевском уезде 2 лазарета работали в Могилеве, в местечках Княжицы и Бельничы – по 1, в Быхове был организован 1 лазарет, в Гомельском уезде в местечке Ветка был создан 1 лазарет, а в Гомеле – 4 лазарета, в местечке Ново-Белица было 2 лазарета, в имении Носовичи – лазареты помещика Ф.К. Фаща и крестьян Носовичского попечительства, частный лазарет Н.Н. Герарда работал в селе Демьянка, в селе Прокоповка принимал на лечение солдат и офицеров лазарет помещика А.И. Лисовского. В селе Тереховка и в местечке Уваровичи также были лазареты. В Оршанском уезде были организованы лазареты в селе Барань, 3 лазарета в Орше, в местечке Рудня А.Д. Кузнецовой и в имении В.В. Хоментовской. В Рогачевском уезде были открыты в Рогачеве 5 лазаретов. В Сенненском уезде лазареты работали в Сенно и местечке Черя [10, с. 120-121]. Общее число коек на 1379 пациентов.

Санитарно-медицинские учреждения испытывали острую нужду в медицинских кадрах. По постановлению Могилевского губернского комитета срочно решено было организовать краткосрочные курсы для подготовки санитаров и сестер милосердия в Могилеве и уездных городах. Также следовало принять меры противоэпидемической борьбы в губернии [11, с. 3].

В целях борьбы с заразными заболеваниями, вспышки которых предполагались на весну 1915 г., Могилевским губернским комитетом решено было неза-

медлительно приступить к устройству инфекционных отделений. 4 февраля 1915 г. состоялось заседание губернского комитета. На заседании присутствовали помимо членов комитета представитель Верховного начальника санитарной и эвакуационной части в Могилевской губернии и губернатор А.И. Пильц. На заседании рассматривались вопросы по устройству инфекционных отделений. По поступившим предложениям от уездных земств предполагалось построить в Могилеве инфекционное отделение из 4 барачков на 100 мест, в Рогачеве – 1 барачок на 40 мест, в Быхове – 1 барачок на 15 мест. После выступления докладчиков и обсуждения всех предложений решено было строить в Могилеве инфекционные барачки на 100 мест, в Рогачеве – 2 барачка на 50 коек, в Быхове – 1 на 25 мест, в Орше – 2 барачка на 50 мест с дезинфекционными камерами, кухнями, прачечными при них. Правлению комитета было поручено ходатайствовать перед Главным комитетом Земского союза об отпуске необходимых средств, а также просить о высылке дезинфекционных камер и 3 санитарных карет. По расчетам смета на оборудование инфекционных отделений составила 117925 р. По телеграфу в Главный комитет было сообщено о принятых постановлениях. Главный комитет ВЗС их поддержал. Он направил просьбу в Совет министров, на заседании которого 17 февраля в ассигновании было отказано. Поэтому финансирование теперь полностью зависело от средств ГК ВЗС. На заседании губернского комитета 24 февраля решено было командировать Ф.Я. Хоментовского в Москву в Главный комитет для поддержания ходатайства о выделении средств. На первое время было решено закупать все необходимые материалы для строительства барачков за свой счет [12, с. 3-4]. В начале апреля правление Могилевского губернского комитета получило по телеграфу уведомление из Главного комитета ВЗС от князя Г.Е. Львова. На постройку заразных барачков и обустройство инфекционных отделений в Могилеве, Рогачеве, Быхове и Орше Земсоюзом выделялось 117925 р., в том числе для Могилева 53000 р. Авансом было выслано 50000 р. [13, с. 4].

Могилевский губернский комитет взял на себя заботу об оказании помощи семьям, в которых кормильцы были призваны из запаса на войну либо после возвращения с фронта потеряли трудоспособность. В основном в бедственном положении, несмотря на некоторую помощь со стороны государства, оказались семьи приказчиков, ремесленников и других служащих. Могилевское земское собрание ассигновало 3000 р. для выдачи пособий таким семьям [14, с. 5].

Еще одним важным направлением деятельности Могилевского губернского комитета была забота о беженцах. В начале 1915 г. из польских губерний на восток потянулись вереницы беженцев. Первоначально их было немного. Но летом их поток увеличился. Сотни тысяч беженцев с вещами, домашним скотом двигались по нескольким направлениям через белорусские губернии на восток, в глубь страны, создавая большие трудности местным и военным властям. Беженцы нуждались в питании, медицинском осмотре, ночлеге. Они размещались в лесах, в полях под открытым небом, в уездных и губернских городах, особенно вблизи железнодорожных станций.

С лета 1915 г. ВЗС стал помогать беженцам. По «Положению об обеспечении нужд беженцев» оказание помощи беженцам кроме МВД, Главноуполномоченных по устройству беженцев, губернаторов возлагалось также и на земства [15, с. 1]. Князь Г.Е. Львов по телеграфу предложил губернскому комитету в Могилеве разработать план мероприятий по оказанию помощи беженцам. Такой план был разработан и обсужден на заседании комитета 1 июля 1915 г. Решили

создать в Могилевской губернии питательные пункты, чайные, амбулатории для осмотра беженцев, инфекционные отделения. Особое внимание следовало уделить железнодорожным станциям в Могилеве, Рогачеве, Орше, Жлобине, через которые транзитом следовали беженцы [15, с. 3-4].

Губернский комитет организовывал различные учреждения для оказания помощи беженцам, которые двигались по шоссейным, грунтовым и проселочным дорогам губернии. Их путь проходил через Рогачевский, Быховский, Чериковский, Климовичский уезды по направлению населенных пунктов: Дворец, Рогачев, Годиловичи, Довск, Ректа, Пропойск, Чериков, Кричев, Селец. Также готовился второй путь следования беженцев на севере губернии: через уезды Сенненский, Оршанский, Горецкий по направлению населенных пунктов Бобр, Словяны, Толочин, Коханово, Орша, Дубровно, Козьяны и Ляды с устройством врачебно-питательных пунктов. 26 августа состоялось экстренное заседание губернского комитета ВЗС с участием уездных предводителей дворянства и председателей земских управ Сенненского, Оршанского, Горецкого, Рогачевского, Быховского, Климовичского уездов. Общее собрание признало необходимым создать общегубернскую хозяйственную организацию, для того чтобы направлять и заведовать создаваемыми питательными пунктами, снабжать их довольствием, оборудованием, заниматься питанием беженцев, их скота, также создавать амбулатории и обеспечивать их медицинским персоналом, оборудованием, устраивать по пути следования беженцев кузницы [15, с. 3-4].

Массовое движение беженцев через Могилевскую губернию началось в конце июля – начале августа 1915 г. Велся учет беженцев. В основном данные поступали от врачебно-питательных пунктов железнодорожных станций. Например, через питательно-сортировочный пункт станции Жлобин проследовало с 25 июля по 31 июля 14689 беженцев, из которых 12700 получили помощь от губернского комитета. С 1 по 15 августа проследовало 45000 беженцев. Через станцию Орша с 13 июля по 7 августа проследовало 24900 беженцев, через станцию Могилев с 7 по 12 августа – 2000 беженцев, с 12 по 25 августа – 12000 беженцев [16, с. 12-13, 78].

Многие беженцы по разным причинам не были перемещены в глубь России и оставались в прифронтовых губерниях. Такие были и в Могилевской. На протяжении 1916 г. учреждения, созданные Могилевским губернским комитетом, оказывали помощь беженцам. На 1 марта 1916 г. их было зарегистрировано в губернии 150000 человек, из которых к 1 апреля в губернии остались только 63796 человек (в Могилеве – 2075 человек). В 6 уездах губернии были созданы сети питательных, фельдшерских, врачебных пунктов, больницы, бани, прачечные, школы, мастерские для помощи беженцам. Всего около 40 учреждений [17, с. 52, 54]. Детские приюты работали в Могилеве в р-не Гребенево, Рогачеве и Черикове. Питательные пункты были в местечке Белыничи, деревне Говяды, Шклове, в селах Добруша и Терюхи, деревнях Макеевка, Прибор, Титенки, Якубовка, имении Макеевка (Гомельский уезд), два в Орше, по одному в Чаусах и Черикове. Различные медицинские пункты, амбулатории, больницы находились в местечке Белыничи, деревне Говяды, селе Годиловичи, Черикове [18, с. 166-180].

Губернии, присоединившиеся к Земскому союзу, ассигновали на различные нужды, вызванные войной, Главному комитету денежные средства. Также местные губернские комитеты выделяли средства на внутренние нужды создаваемых

учреждений. По данным анкет, которые поступили в Главный комитет из губернских, губернский комитет на момент 1916 г. ассигновал 269864 р. для различных нужд [19, с. 61].

Заключение

Таким образом, могилевское губернское земство поддержало начин московского земства о создании Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам. Организационно оформившись, губернский комитет незамедлительно приступил в августе 1914 г. к исполнению одной из приоритетных задач союза – организации санитарно-медицинских учреждений для больных и раненых воинов.

Чтобы понять, какой масштаб работы был проделан губернским комитетом, следует привести общие цифры по Земскому союзу, белорусским и другим губерниям. По данным, представленным на съезде ВЗС 12 марта 1915 г. в докладе о деятельности Главного комитета, к 1 февраля 1915 г. в районах внутренней эвакуации (вне фронта) было оборудовано 143829 коек (171519 коек вместе с фронтом) [20, с. 41]. Как было сказано выше, на 1 февраля 1915 г. в Могилевской губернии было оборудовано 1344 койки для больных и раненых воинов. Таким образом, это составляет почти 1% от общего числа коек. Больше всего оборудовано коек было в Воронежской губернии – 6453, а меньше всего в Волынской – 81 и Олонецкой – 226 коек соответственно [7, с. 258]. На наш взгляд, Могилевская губерния внесла посильный вклад в организацию помощи больным и раненым воинам, т. к. из-за прифронтового положения здесь в первую очередь проводились реквизиции материально-технических и людских ресурсов для фронта. В 1915 г. губерния входила в состав тыла Северо-Западного (с августа 1915 г. Западного) фронта. Воронежская же губерния была расположена в глубоком тылу, далеко от фронта. Она не испытывала больших нагрузок и, находясь в черноземной полосе Российской империи, была более богаче в материальном отношении и располагала большими ресурсами. К тому же в глубоком тылу по плану должны были располагаться стационарные медицинские учреждения для лечения и выздоровления солдат и офицеров. Поэтому здесь и создавалось больше коек. Если сравнивать работу с другими белорусскими губерниями, то по данным из фонда Российского государственного исторического архива на 1 мая 1915 г. в Могилевской губернии было оборудовано 1487 коек, тогда как в Витебской губернии числилось 740 оборудованных коек, а в Минской 662 койки для больных и раненых воинов [9, л. 9]. Большее количество коек объясняется тем, что комитет ВЗС в Витебской губернии не развернул бурную деятельность, а активней здесь работал губернский комитет Союза городов. В Минской губернии располагались отделения военных ведомств, управления тыла фронта, военные резервы, как людские, так и материальные. Это осложняло работу губернскому земству.

Важным представляется сравнение деятельности Могилевского губернского комитета ВЗС с санитарно-медицинской деятельностью других организаций и ведомств. Здесь, прежде всего, выделим военно-санитарное ведомство, Российское Общество Красного креста (РОКК) и Союз городов. Военно-санитарное ведомство к 1 января 1916 г. организовало около 160000 коек для больных и раненых воинов [21, с. 11]. Союз городов к 1 ноября оборудовал 174442 койки в городах России (в Москве – 74428, Петрограде – 25198, провинциальных городах – 55834, кавказских городах – 20162) [22, с. 62]. РОКК на 1 января имел на фронте 44600, а в лазаретах в тылу 61247 оборудованных коек [23, с. 63]. На

фоне цифр ВСГ, РОКК и военно-санитарного ведомства 1487 коек (май 1915 г.), оборудованных в Могилевской губернии, является довольно высоким показателем, тем более что в ближайшем тылу Западного фронта не планировалось создание большого числа стационарных коек. В белорусских губерниях медицинские учреждения представляли собой фильтры, где временно размещались больные и раненые воины и долго здесь не задерживались, особенно тяжелораненые и инфекционные больные. Их направляли в стационарные медицинские учреждения во внутренние губернии России через крупные распределительные центры, такие как Москва, Харьков, Петроград, Орел, Курск.

Для представления масштабов работы губернского комитета по оказанию помощи беженцам следует привести для сравнения данные о деятельности основной организации, занимающейся оказанием помощи беженцам. Это Комитет ее императорского высочества Татьяны Николаевны (Татьянинский комитет). Летом-осенью 1915 г. отделения Татьянинского комитета в Могилевской губернии содержали 2 бюро труда, 2 аптеки, 2 амбулатории, 5 больниц, 1 чайную, склад белья и обуви, субсидировали 2 приюта и 3 учебных заведения [24, с. 137]. В Могилеве работал питательный пункт, 4 столовых и 5 приютов. Рогачевское уездное отделение открыло столовые в Довске, Годиловичах и Дворцах. В Рогачеве с августа по октябрь было выдано 660000 порций еды беженцам [16, с. 92]. Ассигнования, выделяемые комитету в Могилеве, были большие. В 1915 г. это 398000 р., а в 1916 г. – 512000 р. [25, с. 82]. Мы не имеем данных о количестве беженцев, которым была оказана помощь губернским комитетом ВЗС и Татьянинским комитетом в общем по губернии. Количество организованных ими учреждений было примерно равным. Но Татьянинский комитет был создан и занимался именно помощью беженцам. Земский союз первоначально не ставил для себя такую задачу. Она появилась лишь тогда, когда летом 1915 г. в самый пик беженского движения государственные организации и военные власти не справлялись с работой и обратились к союзу. Работа губернских организаций заключалась лишь в оказании временной помощи беженцам и перемещении их дальше в глубь Российской империи. Земский союз не имел возможности выделять большие средства губернским комитетам. И он уступал в масштабах работы Татьянинскому комитету. Но оказанная помощь Могилевским губернским комитетом тысячам беженцев в 1915 – 1916 гг. является существенным вкладом в общее дело помощи беженцам по всей России.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Загряцков, М.** Всероссийский земский союз / М. Загряцков // Земское дело. – 1915. – № 2. – С. 91–103; См. также: Всероссийский земский союз / Иногородняя хроника // Вестник могилевского земства. – 1914. – № 15. – С. 90–92; **С.В.** История возникновения Всероссийского Земского Союза / С.В. // Вестник могилевского земства. – 1915. – № 8. – С. 12–15; **Погребинский, А.П.** К истории союзов земств и городов в годы империалистической войны / А.П. Погребинский // Исторические записки. – М., 1941. – Т. 12. – С. 39–60.
2. **С.В.** История возникновения Всероссийского Земского Союза / С.В. // Вестник могилевского земства. – 1915. – № 8. – С. 12–15.
3. **Слобожанин, В.П.** Земское самоуправление в Беларуси (1905 – 1917 гг.) / В.П. Слобожанин ; под науч. ред. академика Н.Г. Никитенко и В.П. Изотко. – Минск : ИООО “Право и экономика”, 2003. – 168 с.
4. Журнал заседания Могилевского Губернского Комитета Всероссийского Земского Союза помощи больным и раненым воинам – 16 августа 1914 г. // Вестник могилевского земства. – 1914. – № 15. – С. 73–79.

5. Личный состав учреждений Всероссийского земского союза. (На 1 ноября 1916 г.) / Всероссийский земский союз. – М., 1916. – 118 с.
6. Заседания могилевского губернского комитета Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам (1 сентября 1914 г. и 15 сентября 1914 г.) // Вестник могилевского земства. – 1914. – № 18 – 20. – С. 56–63.
7. Список госпиталей, состоящих на учете Всероссийского земского союза. (На 1-ое февраля 1915 года) / Всероссийский земский союз. Отдел эвакуации. – М., 1915. – 258 с.
8. Могилевский отдел Всероссийского земского союза // Вестник могилевского земства. – 1915. – № 9. – С. 20–23.
9. Записки о деятельности Земского союза по организации врачебно-санитарной помощи армии, по обеспечению солдат одеждой, бельем, обувью. Здесь же ведомости госпиталей и коек, находящихся в ведении Всероссийского земского союза (Машинописные копии). [1915 – 1916] // Российский государственный исторический архив (РГИА). – Фонд. 1090. – Оп. 1. – Д. 21.
10. Список госпиталей, состоящих на учете Всероссийского земского союза. (На 1-е июня 1915 года) / Всероссийский земский союз. – 2-е изд. – М., 1915. – 430 с.
11. Местные известия // Могилевский вестник. – 1915. – 15 февраля. – С. 3.
12. **Н.К.** К вопросу об устройстве губернским комитетом Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам заразных барачков в Могилевской губернии / Н.К. // Могилевский вестник. – 1915. – 8 марта. – С. 3–4.
13. Местные известия // Могилевский вестник. – 1915. – 8 апреля. – С. 4.
14. Задача Могилевского губернского земского комитета по оказанию помощи семьям, призванным на войну // Могилевский вестник. – 1915. – 7 марта. – С. 5.
15. О положении дела по оказанию помощи беженцам (По списку № 23) // Доклады Губернской Земской управы и Журналы Земского Собрания и подготовительных комиссий. – Могилев на Днестре : Типолитография Я.Н. Подземского, 1915. – С. 1–5.
16. **Лапановіч, С.Ф.** Удзел Усерасійскага земскага саюза і саюза гарадоў у аказанні дапамогі бежанцам у беларусі (1914 – 1917 гг.) / С.Ф. Лапановіч // Беларускі гістарычны часопіс. – 2007. – № 6. – С. 9–17; **Лапановіч, С.Ф.** Дзейнасць дзяржаўных і грамадскіх арганізацый па аказанні дапамогі бежанцам у Беларусі ў гады Першай сусветнай вайны (1914 – кастрычнік 1917 г.) / С.Ф. Лапановіч. – Мінск : Акад. МУС, 2010. – 127 с.
17. Список организаций ведающих дело помощи беженцам. На 1 мая 1916 г.: Выписка I. Европейская Россия / Всероссийский земский и городской союзы. Отдел по устройству беженцев. – М., 1916. – 158 с.
18. Справочник об организациях и учреждениях, оказывающих помощь беженцам. – Пг., 1916. – 642 с.
19. Ассигнования губернских и уездных земств на нужды, вызванные войной. – М., 1916. – 215 с.
20. Обзор деятельности Главного комитета 1 авг. 1914 г. – 1 февраля 1915 г.: Представлен Собранию уполномоченных губернских земств 12 марта 1915 г. / Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам. – М., 1915. – 411 с.
21. Краткий очерк деятельности Всероссийского земского союза. Январь 1916 г. / Главный комитет Всероссийского земского союза. – М., 1916. – 52 с.
22. Очерк деятельности Всероссийского союза городов в 1914 – 1915 гг. – М., 1916. – 239 с.
23. **Ерошенко, А.П.** Россия в Первой мировой войне (1914 – 1918 гг.): Военно-санитарная деятельность Российского Общества Красного креста / А.П. Ерошенко, А.А. Черкасов // История и историки в контексте времени. – 2010. – Вып. 7. – С. 60–72.
24. **Бабков, А.М.** Беженцы в Белоруссии в годы Первой мировой войны (1915 – 1916) / А.М. Бабков // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь : у 2 ч. – Мінск, 1994. – Ч. 1. – С. 131–138.
25. Бабкоў, А.М. Бежанцы на Гомельшчыне ў гады Першай сусветнай вайны / А.М. Бабкоў // Гомельшчына: старонкі мінулага: Нарысы / Гомел. дзярж. ун-т. імя Ф. Скарыны і інш. ; [рэдкал.: Р.Р. Лазько і інш.]. – Вып. 2. – Гомель, 1996. – С. 78–83.

Поступила в редакцию 20.06.2012 г.

УДК 17.02

В.А. КОСТЕНИЧ

БЫТИЙНЫЕ ИПОСТАСИ ЭТИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

В статье предпринята попытка теоретически реконструировать бытующие в сфере повседневности “типы этических ориентаций” и сопутствующие им комплексы ценностных приоритетов. Мирозренчески проанализированы фундаментальные дилеммы морального выбора (сущего и должного, целесообразности и добродетельности, свободы и совести).

Введение

Природа “этического” (как социокультурного феномена) является мировоззренческим средоточием поисков специфики “человеческого”. В этом смысловом контексте диогеновское “Ищу человека!” и геростратовские “освенцимы” человеческой истории лишь полярные свидетельства перепитий человеческого бытия.

Одним из фундаментальных аспектов этического сознания выступает **вопрос о соотношении “нравственности” и “морали”** [1]. Фактически данная проблема заложена в самом определении этики как науки о нравственных и моральных размерностях человеческого существования. В этой связи приходится говорить о двух относительно автономных способах осуществления людьми своей “экзистенциальной социальности”. Это так называемые “Homo publicus” и “Homo moralis”. Каждому из этих “типов” бытийных ориентаций можно поставить в соответствие **определенные поведенческие топологии**, которые характеризуют их отношение к дилемме соотношения сущего и должного, задающей исходную лексику этического сознания.

Основная часть

“Публично” ориентированный субъект существует в мире “корпоративно верифицированных Других”. Он живет в системе социальных координат, описываемой посредством оппозиции “МЫ – ОНИ” и тяготеет к тому, чтобы **“при-МЫкать”** к тем **ценностно консолидированным “социумам”**, в солидарном существовании с “правами” которых данный человеческий персонаж ощущает себя социально адаптированным и индивидуально защищенным институтами “круговой поруки”. Сверхзадача подобного способа существования сводится к стремлению быть как “Все (авторитетные для него) Другие”. Или, выражаясь этимологично, **“БЫТствовать” в роли “публично приличного” человека**, растрившего свою персональную ответственность в (от)ссылках на Других.

Напротив, **“морально” ориентированный человек** принципиально меняет условия своего присутствия в бытии. Безличная нравственная “причастность” к стихийному пребыванию в мире “значимых Других” трансформируется в **“лично озабоченное” существование**. Абстрактная дилемма соотношения сущего и должного обретает для человека “персональную” ангажированность.

На наш взгляд, **наиболее емким и точным определением “морального” способа существования** является использованная в работах М. Бахтина **философема “не-алиби в бытии”** [2]. Данная концептуальная диагностика фиксирует то обстоятельство, по которому “должное поведение” становится для человека его

личностным экзистенциальным “уделом”. Добро и Зло, Честь и Бесчестие, Справедливость и Несправедливость превращаются в принципы “внутреннего” (выстроенного на свой страх и риск) и под **абсолютную личностную ответственность** существования. “Свои Другие” и всякое (вольное или невольное) “Зло” замещаются вневременной “Голгофой Совесть”, отвергающей любые “нравственные” соблазны (и) “оправдания”. Человеческое существование обретает личностную глубину неотменимого “авторства в бытии”.

Бытийные векторы **морально ориентированного субъекта** группируются вокруг следующих антиномичных вопрошаний: трансцендентны ли имманентны слепому человеку бытийные истоки его поведенческих самоопределений? Насколько “самобытен” (моральный) человек в процессе своей жизнедеятельности? Судьбоносен ли он для самого себя или же человеку, как и всему сущему, уготована участь “бытия сподручным” для каких-то внешних бытийных инстанций?

Наиболее остро и принципиально подобные вопрошания возникают при анализе религиозной версии экспликации этической проблематики. Религиозное сознание постулирует трансцендентный характер этических “заповедей”. Моральность – это содержательная форма реализации “договора” между человеком и Творцом; “момент Истины” для грешного человеческого существа, взыскующего утраченного “богоподобия”; перманентный и “посюсторонний Страшный суд” человеческой временности перед лицом Вечности.

Итак, “если бы Бога не было, тогда его следовало бы выдумать” (Вольтер), дабы “не все было позволено” (Достоевский). Бог (здесь) – субстанция подлинной и безусловной “благости”. Бог – “Добро до добра”, а человеческое “благородство” фактически лишь символ благодатной “богоизбранности”. Но в таком случае как быть с эверестами многоликого зла, которыми избыточно изобилует Творение? Каковы истоки грехопадений и смысловые ипостаси спасения? И что можно сказать о “метафизике вины” в мире, полном цинизма властимущих и страданий праведников? Наконец, можно ли вменять “в заслугу” именно человеку праведность и добродетельность, если “добро от Бога”?

В поисках богооправдания религиозное сознание совершает весьма эффективную мировоззренческую контратаку. Герменевтическому пересмотру подвергается традиционный религиозный дискурс “первородного греха”. Отныне главное в нем не негодование к падшему перед искушением запретного плода человеку, а “парадокс божьего наказания”, выразившийся в “наказании... Свободой”. Бог “освобождает” человека от “райского бремени” подчинения своим наставлениям, но вменяет людям (в “возможность”) бремя ответственности за право выбирать между их собственным “пониманием” Добра и Зла. С момента изгнания из рая безмятежной несвободы “Бог может все, но он не может спасти человека без самого человека”, а Грех – это не (с)только конкретное Зло, сколько “самоубийственный” для божественной сути каждого человека “промах мимо цели”, т.е. экзистенциальная **катастрофа смысложизненных ориентаций самого человека**.

Казалось бы, религиозная этика сумела достойно преодолеть свои внутренние противоречия. Однако на самом деле эти противоречия лишь бесконечно акцентированы. Дело в том, что сама дарованная человеку “свобода к самоопределению” уже больше не предполагает Бога как онтологическое обеспечение человеческой моральности и “гипотеза Бога” (как Творца и Вседержителя) может быть сдана в исторический архив человеческой памяти.

Более того, на первый взгляд, кощунственное ницшеанское “Бог умер” репрезентирует собой не атеистический манифест безбожников, а всего лишь образную констатацию смены мировоззренческих вех в вопросе об “авторе моральных регламентаций”. В свою очередь, кантовский категорический императив практического Разума и гегелевская дедукция морали из нравственности оказываются косвенным подтверждением того, что **стихия обезличенного нравственного существования “со всеми и как все” сменяется ответственным личностным долженствованием, где каждый человек обязан взвалить на себя миссию быть возможным и вместе с тем уникальным экзистенциальным гарантом и “пастухом бытия” в целом.** Моральное кредо человека отныне звучит жестко и обязывающе: “не бойся Бога, бойся самого себя! Ад и рай находятся в твоей собственной душе” (Маршалль).

И все же религиозное обоснование моральности (и шире – человечности) отнюдь не перестает быть продуктивной объяснительной схемой, ибо оно ценностно драматизирует не только тему “свободы выбора”, но и нечто более важное для морального самостояния человеческой личности.

Речь идет о том, “превращенной религиозной формой” чего выступает событие “исповеди”. Субстанцией исповеди оказывается не “вынужденное” и потому аморальное (в своих претензиях на “прощение”) **“раскаяние”, но возвращение человеком себя к “Истине собственного несовершенства”.** Именно потому что человек несовершенен, проблема (свободного) выбора между Добром и Злом оказывается “божественно предельной” по своим истокам и глобальной ответственности.

В таком случае абсолютность моральных императивов с их титаническим ригоризмом безусловных долженствований, в свою очередь, производна от “абсолютной оккупированности” человека “божественным ресурсом” избрания личностных транскрипций всех моральных предписаний. **“Этическим Богом” становится “творящий ответственность” за все бытие, “распятый совестью” человек!** Эсхатологизм традиционных мировых религий с их изначальным предопределением всего и вся уступает (в этике) свой мировоззренческий трон драмам (“произвольного прочтения” человеком текстов сущего). **Теодицея сотворенного мира трансформируется в антроподицею “режиссирующего бытие” человека.**

Если теперь попытаться предельно кратко и лаконично обозначить фундаментальное **этическое основание человеческого существования,** то таковым, безусловно, оказывается **ситуация морального выбора.** Именно в процессе самоопределения в полифонии поведенческих сценариев человек сталкивается с необходимостью **выбора ценностных предпочтений своего присутствия в бытии.**

Но если квинтэссенцией всех этических содержаний провозглашается “событие выбора” определенной (субъективной) онтологии “должного сущего”, тогда каковы наиболее знаковые моральные альтернативы самого этого выбора? В контексте каких смылосущих сюжетов разворачивается автобиография наших предъявлений собственной ответственности?

Хрестоматийно проблема морального выбора редуцируется к проблеме выбора между Добром и Злом. Однако это слишком абстрактная и спекулятивная постановка вопроса, ибо “Мы не Боги” и нам не дано “знать” абсолютно и по-Истине, “что есть Добро и Зло?”. Особенно когда речь идет о Добре и Зле в их глубинной, не феноменологической проекции. Более того, именно Добро кажется типичным порождением “языковых игр”. Есть “добродеяния и добродетели”, но парадоксальным образом не поддается речевой артикуляции сама “сущность” Добра.

Речевой – нет! Но вспомним библейскую метафору: “И по делам узнаете их...”. Однако “дела” априорно детерминированы “предпочтениями”! Следовательно, **посредством аналитики наших ценностных ориентаций** мы можем получить **шанс “свидетельствовать” о Добре** как о “реальности” самого бытия. Итак, **через “антологию (повседневных) предпочтений” к “(бытийной) онтологии Добра”!**

В этической литературе обсуждается целый ряд мировоззренческих парадигм человеческого существования. Это и кантовская дилемма склонностей и долга, и гегелевская дихотомия нравственно “общепринятого” и морально “общезначимого”, и марксистский посыл “революционной практики” народных масс, и экзистенциалистский “бунт против абсурдности обезличенного бытия”, и фроммовская оппозиция “иметь многое или быть многим”, и экологически фундированный призыв А. Швейцера к “благоговению перед жизнью” [3]. В них, разумеется, схвачены и отражены принципиальные векторы нашей возможной активности. Каждая из названных поведенческих стратегий характеризует то или иное приоритетное направление многообразных социальных практик. И, тем не менее, **они “факультативны” по отношению к более общей моральной антиномии**, наделяющей их статусом своих “экзистенциальных модальностей”.

По нашему мнению, **качеством “порождающей матрицы”** всех остальных этических детерминант человеческого бытия выступает **оппозиция “Блага и Благополучия”**. Или, в терминологии Вл. Соловьева, **аксиологический конфликт между “безусловно должным” и “безусловно желательным”** [4]. Именно здесь зарождаются и ценностно кристаллизуются все последующие корректуры наших моральных самоопределений. Здесь же располагается граница тождества и различия моральных ориентиров и прагматических (нравственных) “ориентировок”. Наконец, в зоне экзистенциального соприкосновения этих мировоззренческих ракурсов восприятия бытия самообнажается подпольная семантика (грехо)падения в повседневность.

Попробуем объяснить. Поставим вопрос ребром: **“Ради чего человеку следует быть (добродетельным) Человеком?”** К сожалению, на этот “аморальный” (для нашей моральности) вопрос мы полагаем возможным отвечать. Отвечать, не понимая того, что тем самым нас лукаво “искушают” отказаться от жизни в системе абсолютных координат. Отказаться в пользу идолов “пользы и выгоды”. Расписаться в привязанности не к Добру, а к лакейскому смакованию “успеха и преуспевания”. **“Добро” низводится до уровня одного из многих “благ”, а выбор между “Добром и Злом” подменяется выбором ситуативно приемлемого благополучия. Абсолютное испаряется! Торжествует Относительное!**

Не будем ханжами! Мы не против благополучия! Но мы против того, чтобы благополучие определяло масштабы нашей человеческой подлинности! Соблазняло тонуть в гордыне купеческого бахвальства! Культивировало “бартерную философию” утилитаризма: “Я – тебе (если, потому и для того, чтобы), Ты – мне”! Выстраивало гедонистические западни циничных погонь за “удовольствиями и наслаждениями”. Призрачно сулило эвдемонистический “рай счастья” даже перед лицом трагических несовершенств сущего.

Но если вопрос о “пользе добродетельного бытия” выступает аксиологической провокацией нашего ответственного “самостояния в должном”, тогда какова изначальная альтернатива подобным “псевдовопросам”? Откуда возникает эта риторика неявного аморализма, полагающая, что у всего есть “цена” и только она выражает собой “действительную ценность”?

Мы полагаем, что в истоках любых ценностных оппозиций нашего экзистенциального самоопределения присутствует в качестве мировоззренческого лейтмотива и имманентной доминанты **драматическая коллизия “целей и Смыслов”**. Человек – существо “целесообразное”. Он стремится к тому, чтобы его жизнедеятельность отвечала рационалистическим стандартам эффективности и результативности.

Ориентация на цели кажется естественной и само собой разумеющейся. Достижение цели возводится в архетипический принцип существования. Это высшее (земное) “Благо” обычного человека. Награда и индульгенция одновременно. “Победителей не судят”! Добродетельность всего лишь “мораль слабых” (Нищие), плебеев истории, аутсайдеров всех эпох. Добродетельность допустима там и тогда, где и когда она “технологически” оправдана, встроена в систему “избранных средств”. Не менее и не более того!

Но, к счастью, возможно и иное “прочтение” драм человеческого бытия. В контексте этой “возможности” человек своими поступками мужественно заявляет себе и “маннам небесным благополучия”, что готов жить, руководствуясь героической формулой “Пусть здравствует только то, благодаря чему каждый из нас остается Человеком несмотря ни на что”! **Это жизнь в поисках Смысла личного предназначения!** Скромное, но не смиренное приятие своей неповторимой миссии в бытии. Причем “Смысл” (разумеется, в оптике быта) может выглядеть и как одна из “целей”, но на самом деле он “бесцелен”, ибо “бесценен”.

Когда известный литературный персонаж “Тот самый Мюнхгаузен” формулировал в своем дневнике некоторые “планы на будущее”, то среди них фигурировало и поручение (самому себе) “в понедельник совершить подвиг”. Чем не “достойная цель” достойного человека? Можно было бы предписать себе еще и “стать добродетельным человеком”! Опять-таки “с Понедельника”! И так далее, и в том же духе! Разве этот пример не является карикатурным самоотрицанием гипертрофии целей в нашем повседневном бытии? Разве не ясно, что “подвиг, добродетельность, любовь” и иже с ними не могут быть “детьми понедельников”? **Они послы бескорыстной (чело)Вечности, а не фантомы суетливой и захваченной заботами благополучия гордыни.**

Заключение

Итак, если (совершенный) Бог не виновен в несовершенстве сотворенного бытия, тогда в нем “виновен” Человек. Но не столько потому, что “несовершенно” пользуется предоставленной ему (Богом) свободой “быть несовершенным”, а потому что несовершенен “еще до” всякой свободы.

Несовершенство – и бытийный исток (этически окрашенной) “вины”, и источник “бремени свободы”, и зов Совести к совершенствованию.

Человек (морально) распят между Свободой и Совестью, где именно Совесть оказывается неустрашимым напоминанием о вине извечного несовершенства, а Свобода лишь расширенно воспроизводит эту вину и ее экзистенциальные последствия в черед “ответственных поступков”.

Следует также помнить, что моральное бытие, сфокусированное на “смыслах человечности”, рассматривает “цели” в качестве своих частичных аппликаций “должного в сущем”, очерчивает арсеналы нравственно допустимых “средств”. И тем самым задает критерии различия “подлинно доброго” от его всевозможных псевдоимитаций!

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Беляева, Е.В.** Метаморфозы нравственности: динамика исторических систем нравственности / Е.В. Беляева. – Минск : Экономпресс, 2007. – 464 с.
2. **Махлин, В.Л.** Михаил Бахтин: философия поступка / В.Л. Махлин. – М. : Знание, 1990. – 64 с.
3. **Дробницкий, О.Г.** Понятие морали. Историко-критический очерк / О.Г. Дробницкий. – М. : Наука, 1974. – 388 с.
4. **Соловьев, В.С.** Оправдание добра / В.С. Соловьев. – М. : Мысль, 1990. – Т. 1.

Поступила в редакцию 23.10.2012 г.

УДК 070

Т.Д. ОРЛОВА

СТАНОВЛЕНИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ О СИСТЕМЕ ЖУРНАЛИСТСКИХ ЖАНРОВ

Рассматриваются процессы жанрообразования в современную историческую эпоху, жанровые законы, которые формируют характер и структуру журналистского произведения с целью эффективного воздействия на читателя.

Введение

В средствах массовой информации среди основных признаков журналистского текста всегда называются такие понятия, как проблематика, язык, авторское присутствие, структура, наличие диалога с читателем и жанр. Из всех составляющих читательская аудитория наиболее равнодушна к жанрам, и они для нее не являются навигатором на печатных страницах.

Когда прежде создавали в редакции номер газеты, предполагали в нем наличие разнообразных жанров. Читатель к этому был приучен. Раскрывая очередной номер, искал, к примеру, репортаж из мира промышленности, сельского хозяйства, науки, экономический обзор, колонку редактора, спортивное обозрение, рецензию, интервью. У жанров средств массовой информации всегда было свое место на газетной или журнальной полосе. Одни жанры были в авангарде. Другие появлялись редко. Многожанровость ценилась как достоинство печатного издания.

Сегодня исчезли со страниц печатной прессы фельетон и памфлет. Зарисовка, заметка, репортаж, корреспонденция теряют свои отличительные родовые черты. Анонс мало чем отличается от минирецензии. Формируется мощный сектор информационной журналистики, которая нацелена на распространение фактов и сообщений. Для журналистской профессии это положительный момент, так как он вырабатывает динамизм, универсализм, владение технологиями и техническими средствами, устойчивость к конкуренции. Вместе взятое это позволяет создавать качественный информационный продукт.

Информационные жанры фактически оккупировали всю газетную площадь, существенно потеснив жанры аналитические. Из понятийного аппарата журналистов исчезло задание “написать корреспонденцию, портрет, зарисовку, обозрение”. Как исключение осталось конкретное задание: “сделать интервью”. Вошло в обиход предложение просто “сделать материал”. В результате сильно заколебались жанровые эталоны. Естественно, время и новые условия существования

журналистики ставят под сомнение самые, казалось бы, верные взгляды и теории. Меняется методика журналистского труда. При распаде старой системы жанров возникли предпосылки для возникновения новых теорий. И сегодня одной из наиболее спорных проблем в журналистике является отношение к жанровым структурам.

Основная часть

Многие солидные учебники по журналистике утверждают, что становление и развитие, возникновение новых и отмирание старых жанров – процесс исторически неизбежный. Каждая историческая эпоха наполняет жанр своим содержанием в соответствии с эстетическими и социальными запросами времени. В конце прошлого XX в. процессы жанрообразования сильно замедлились и все стали говорить об “окаменении” жанров. Прошло совсем немного времени, и сегодня на наших глазах происходит стремительная трансформация жанров.

К сожалению, в современной журналистской науке нет ни одной работы, которая бы отличалась концептуальной целостностью, значимостью, масштабностью, фундаментальностью в исследовании жанровой трансформации. Одни теории доминируют над другими. Наиболее распространенными являются две существующие сегодня модели, приближенные к исторической реальности и обобщенные в научных работах московской и Санкт-Петербургской школ журналистики, в частности в книгах А.А. Тertyчного “Жанры периодической печати” (М., 2002) и М. Кима “Жанры современной журналистики” (СПб., 2004); в белорусской журналистике многое осмыслено Б. Стрельцовым и вошло в его учебник “Метод и жанр” (Минск, 2002).

Само понятие “жанр” не претерпело серьезных изменений.

“Жанры в журналистике – это устойчивые типы произведений, объединенных сходными содержательно-формальными признаками” [1, с. 56].

“Под журналистскими жанрами подразумеваются устойчивые типы публикаций, объединенных содержательно-формальными признаками” [2, с. 12].

В классификации, предложенной Б.В. Стрельцовым, жанры отличаются по характеру объекта отражения, имеют конкретное назначение, разный масштаб выводов и обобщений, различаются по характеру языково-стилистических средств [3, с. 17].

Однако сама классификация журналистских жанров постоянно претерпевает изменения и “новые редакции”. Каждый из исследователей имеет свою классификацию, и они существенно отличаются друг от друга.

Привычная нам трехуровневая система жанрового деления (информационные, аналитические, художественно-публицистические) в исследованиях А. Тertyчного дополняется стереотипом: качественному изданию нужна полноценная аналитика, массовому изданию – мини или просто короткая заметка.

Теоретики Л. Кройчик и Е. Черникова называют пять групп жанров: оперативно-новостные (заметка во всех ее разновидностях), оперативно-исследовательские (интервью, репортажи, отчеты), исследовательско-новостные (корреспонденция, комментарий и колонка, рецензия), исследовательские (статья, письмо) и исследовательско-образные.

Б.В. Стрельцов предлагает относить к информационным жанрам заметку, отчет, интервью, репортаж, зарисовку, к аналитическим – корреспонденцию, ста-

тью, рецензию, обозрение, комментарий, обзор печати, обзор писем, к художественно-публицистическим – очерк, эссе, фельетон, памфлет.

По классификации А.А. Тертычного, к информационным жанрам относятся заметка, информационная корреспонденция, информационный отчет, информационное интервью, блиц-опрос, вопрос-ответ, репортаж, некролог; к аналитическим – аналитический отчет, аналитическая корреспонденция, аналитическое интервью, аналитический опрос, беседа, комментарий, социологическое резюме, анкета, мониторинг, рейтинг, рецензия, статья, журналистское расследование, обозрение, обзор СМИ, прогноз, версия, эксперимент, письмо, исповедь, рекомендация (совет), аналитический пресс-релиз; к художественно-публицистическим – очерк, фельетон, памфлет, пародия, сатирический комментарий, житейская история, легенда, эпитафия, анекдот, шутка, игра.

С легкой руки зарубежных исследователей на рубеже XXI в. понятие “жанр” стали заменять термином “формат”. В его основе лежат не привычные нам содержательные, а формальные характеристики. К тому же “формат” может включать элементы разных жанров.

Что объединяет все эти теории?

1. Во-первых, признание, что сегодня главная жанровая особенность журналистского произведения – освобождение от жанровых рамок, вполне свободное чередование документального, биографического, публицистического, художественного.

2. Во-вторых, признание того, что устойчивыми признаками той или иной жанровой модели остаются сообщение, осмысление, приемы эмоционального воздействия на аудиторию.

3. В-третьих, убежденность, что каждому жанру соответствуют определенные методы работы с фактами и их предоставление.

Жанры изменились, но остались необходимыми как элементы формализации содержания. Тогда почему мы обнаруживаем поток безжанровых произведений, которыми заполнены бумажные страницы? А к ним присоединяется и массив интернета. Может, жанры и вовсе не нужны? Есть и такая точка зрения.

Многие журналисты, как, впрочем, и писатели, иронически говорят о понятии жанра, как не помогающем творчеству. Что первично, что вторично? Выбрать жанр и создавать журналистский материал согласно нормативным признакам этого жанра или сделать материал, а потом “подогнать” его под конкретный жанр? На наш взгляд, исследовательская мысль увязла в терминологических тонкостях и в новых терминологических обозначениях. Термины стали означать разное содержание.

Сопоставим категорию жанра в литературе и журналистике.

В литературоведении закрепились два подхода. Первый восходит к “Поэтике” Аристотеля и предлагает опираться на нормативную основу. Второй – к немецким романтикам и русским философам – Бахтину, Тынянову, Лихачеву, которые ратовали за конкретно-историческое понимание.

Этот второй подход журналистике ближе. Классическое понимание жанра как устойчивого формально-содержательного канона впервые подверг сомнению еще философ М. Бахтин, правда, в связи с исследованием литературных художественных источников. Жанр как одно из ключевых понятий в его трудах лишен нормативизма. Это полностью приложимо к журналистской практике.

Жанровые законы не тождественны простым формальным требованиям. Жанр – территория, где формируется характер и структура произведения, где объединены логика и психология с целью поиска методов воздействия на читателя. Оказалось, что в журналистике неприемлема нормативная основа. Введение регламентирующих требований и установление границ жанров не актуально, не находит понимания у практиков. Наиболее свежие взгляды высказаны в книге исследователя А. Киселева [4, с. 260]. Здесь утверждается, что жанр держится на трех китах:

- предмет (жизненный материал, положенный в основу);
- функция (быстрое наглядно-образное проникновение в суть);
- метод (эмпирический, теоретический, художественный).

Благодаря этому в структуре любого жанра есть признаки устойчивые и изменчивые. В литературе есть формы внешние и внутренние. В журналистике – постоянное и подвижное. Итак, предмет – функция – метод. Предмет и метод более-менее устойчивы и постоянны. Функция изменчива и подвижна.

Отсюда вывод: на отбор жанров повлияла проблема скорости, что подтверждают исследования А.А. Тертычного о стереотипах.

Практика отчаянно перепутала стереотипы. Какому типу изданий какие жанры свойственны? Массово ушла аналитика из всех видов газетной периодики. Разве что осталась в деловой прессе и некоторых специальных журналах. Вместо нее воцарились жанры “быстрого реагирования” – интервью, репортаж, заметка. Естественно, что таков дух времени: надо торопиться, надо успеть ухватить факт, незамедлительно его прокомментировать. Каков состав оркестра, какие жанры есть на полосах, каких не бывает никогда, сегодня мало кого интересует. Композиционная организация структуры изданий стремительно распадается.

Но вернемся к термину “формат”. Фактически формат означает полное игнорирование выбора средств и способов раскрытия темы, включенность авторской оценки в предмет описания, метод сбора информации, количество собранных фактов, степень проникновения в действительность и т.д. Подтверждением служат модификации одной и той же новости, взятой из интернета и распечатанной для разных изданий согласно способностям автора. Фактически полная мутация текста, но такой текст легко попадает в формат и исключает истинное журналистское творчество.

Практики и теоретики констатируют, что исчезла художественно-публицистическая группа жанров. В нее входили очерк, фельетон, памфлет. Однако признаки фельетона, такие как ирония, остроумие, стеб, ерничество, сарказм, жаргон, присутствуют сегодня в любых других жанрах. Теоретики признают конец очерка, фельетона, памфлета, пародии, но включают в группу новые художественно-публицистические жанры: легенду, эпитафию, анекдот, шутку, игру, скандал.

В то же время торжество информационных жанров стабильно поддерживает оперативность, интерес аудитории, точность факта, понятность, краткость. Выше говорилось о важности приемов эмоционального воздействия на аудиторию как оппозицию к краткости и сухости информационных жанров. И кое-где индивидуальный стиль автора стал перенасыщаться самовыражением и самопиаром. Особенно это заметно в материалах об искусстве и в молодежных изданиях.

Молодежная аудитория обладает повышенной эмоциональностью восприятия. Для того чтобы оживить творческую мысль, сделать журналистский материал более ярким и убедительным, широко используется “сленг”, характерный для различных молодежных субкультур. В попытке достичь особой “молодежности” стиля журналисты получают зачастую противоположный результат: публикации получают вычурными и непонятными для читателя или слишком панибратскими, без сохранения дистанции.

В наш век массовой культуры существует еще одна причина широкого распространения жанров, имеющих успех у аудитории, – причина коммерческая. Руководство редакцией хорошо знает, какие темы и какие жанры предпочитают читатели. Спрос рождает предложение. Стал необычайно популярен жанр интервью.

Когда-то Ю. Тынянов заметил, что в эпоху разложения какого-нибудь жанра он из центра перемещается на периферию, а на его место из задворков и низин выплывает новое явление. Так, в литературе исчезает жанр романа. В журналистике – жанр очерка. В одной из дискуссий по поводу жанровых трансформаций американский культуролог Дж.Г. Кавелти предложил ввести понятие “формульные жанры”, имея в виду такие “формулы”, как приключение, любовная история, детектив, мелодрама. Формулы очень близки формату, и они вторглись в журналистику как путешествия (приключение), истории семьи (любовная история), криминальная история (детективы), житейские детективы (мелодрама) и т.п. Вторглись в традиционные жанры журналистики, выторговали для себя определенный формат на месте бывших классических жанров и стали журналистским товаром.

Размытые критерии сегодняшнего выделения жанров в СМИ привели к тому, что кроме традиционного десятка общеизвестных жанровых образований тот же исследователь А. Тертычный называет еще около двадцати. Некоторые ученые пошли еще дальше и довели количество газетных жанров до 400. Однако можно ли считать жанром “совет”, “эпиграф”, “шутку”, “сатирический комментарий”, “приветствие”, “прогноз”? Они имеют узкое терминологическое значение и входят как составные части в крупные жанровые блоки, и потому вопрос терминологический о том, жанры ли это, остается открытым.

Для квалифицированного читателя текст журналистского произведения во многом определяется жанровой этикеткой. Когда читатель ищет фельетон, он уже настроен на ернический тон. Когда ищет репортаж – ждет документальности и личных впечатлений репортера. Когда читает интервью – настраивается на изучение мыслей героя.

Заключение

Таким образом, на уровне восприятия жанровые разграничения предполагают тот или иной способ интерпретации фактов. Жанровой этикеткой может быть рубрика. Важно также и местонахождение текста. Но читатель может быть неквалифицированным, случайным, неподготовленным. Вероятно, именно для него придумана завлекательная, заманивающая жанровая игра. Это маскировка и гибридизация жанров, активное использование форм и языкового облика уличной бытовой лексики. Короткая память массового, неквалифицированного читателя не нуждается в глубине содержания и наличии подтекстов. Массовому читателю просто некогда и неинтересно читать аналитические исследовательские

кие материалы. Часто у такого читателя рассеянное внимание. Ему вполне достаточно понять смысл ЛИДА из нескольких фраз и привычную лексику. Метод констатации предпочтительнее, чем аналитический или публицистический.

Об опасности превращения журналистов в информационную фабрику предостерегали еще ученые Америки в 70-е гг. XX в. Белорусской журналистике это не грозило. Мы и сейчас довольно вяло используем такие привлекательные моменты жанровой системы, как персонафикация текста, экспрессивность приема в обработке материала.

В перспективе мы видим, что нормативность жанров разрушена и вряд ли подлжит восстановлению. Все жанры тяготеют к краткости, однако сохраняется другая особенность. Сегодня можно говорить о рыночной стратегии. Как и всякий товар, журналистский продукт должен иметь притягательную яркую упаковку. Это его форма. Она создается из совокупности определенных приемов и средств выразительности. При всей интенсивности процессов взаимодействия и модификации остается единство специфических свойств журналистского продукта. Это и есть жанр, или четкая структура, или принцип упорядочивания, что связан с мышлением.

Все принципиальные персональные журналистские победы всегда были связаны с работой в определенном жанре. Были известные очеркисты, репортеры, обозреватели, рецензенты. Они оттачивали жанровые признаки и делали себе имя. Сегодняшняя трудная судьба газетно-журналистской периодики связана не только с наступлением цифровых технологий, но и с безликостью и однообразием жанровой формы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Черникова, Е.В.** Основы творческой деятельности журналиста : учеб. пособие / Е.В. Черникова. – М. : Гардарики, 2005. – 287 с.
2. **Тертычный, А.А.** Жанры периодической печати : учеб. пособие / А.А. Тертычный. – М. : Аспект Пресс, 2000. – 312 с.
3. **Стральцоў, Б.В.** Метад і жанр. Асновы творчага майстэрства журналіста : вучэб. дапам. / Б.В. Стральцоў. – Мінск : БДУ, 2002.
4. **Киселев, А.Г.** Теория и практика массовой информации: подготовка и создание медиатекста / А.Г. Киселев. – СПб. : Питер, 2011. – 400 с. : ил.

Поступила в редакцию 26.03.2012 г.

УДК 821.161.3.09

Л.Г. ДУКТАВА

СПЕЦЫФІКА АДЛЮСТРАВАННЯ ГУМАНІСТЫЧНЫХ ІДЭАЛАЎ У АПОВЕСЦЯХ І. ШАМЯКІНА “ПАЛЕСКАЯ МАДОННА”, “СЛАЎСЯ, МАРЫЯ!”

У артыкуле разглядаюцца асаблівасці гуманістычнага ідэалу ў аповесцях Івана Шамякіна “Палеская мадонна”, “Слаўся, Марыя!”. Проза гэтага пісьменніка з’яўляецца шматпланавай, у ёй прадстаўлены шматлікія мадэлі грамадскага жыцця, розныя вобразы герояў – ад даяркі да чыноўнікаў. Але іх аб’ядноўвае галоўнае – гуманізм, які з’яўляецца асновай творчасці І. Шамякіна. Вобразы, з дапамогай якіх адлюстраваны гуманістычны ідэал пісьменніка, з’яўляюцца шматграннымі. У аповесцях “Палеская мадонна”, “Слаўся, Марыя!” паказаны архетыпічны вобраз маці, для якой дзіця з’яўляецца найвялікшай каштоўнасцю.

Уводзіны

Для твораў 90-х гг. мінулага стагоддзя І. Шамякіна характэрнай з’яўляецца пазіцыя аўтара не толькі як сучасніка таго, што адбываецца ў аповесцях, але і пісьменніка – вечнага шукальніка новых тэм, вобразаў, форм адлюстравання рэчаіснасці. Гэты творца з’яўляецца паслядоўнікам ідэй вялікіх пісьменнікаў-гуманістаў. Сярод тых, у каго ён вучыўся, – Л. Талстой, А. Чэхаў, Я. Колас і інш. На старонках твораў І. Шамякіна адбываецца вечны пошук пісьменнікам гуманістычных ідэалаў. Мастацкі свет яго літаратурных твораў напрыканцы мінулага стагоддзя багаты на разнастайных персанажаў. Яскравым вобразам, які фігуруе ў творах розных гадоў І. Шамякіна, з’яўляецца вобраз маці. Гэта Поля Шугачова з “Атлантаў і карыятаў”, Саша Траянава з “Трывожнага шчасця”, Вольга Пыльчанка са “Злой зоркі”, Надзея Русак з “Палескай мадонны”, Галіна Вятрэнка з “Зоны павышанай радыяцыі”, Марыя Шамякіна з аповесці “Слаўся, Марыя!” і інш. Гэты вобраз не маглі абысці ўвагай даследчыкі творчай біяграфіі пісьменніка. Пра вобраз маці ў творчасці І. Шамякіна надрукавалі артыкулы Т. Шамякіна [1], Д. Бугаёў¹, Н. Давыдоўская², Г. Давыдава³ і інш.

Пры адлюстраванні вобраза маці ў аповесцях і раманах І. Шамякін звяртае ўвагу чытача на гуманістычныя каштоўнасці, якія звязаны з беларускім менталітэтам. Як у мастацкіх, так і ў публіцыстычных творах пісьменнік стварае вобраз маці, надзеленай якасцямі беларускай жанчыны: сціплай, але здольнай на адказныя ўчынкі дзеля сваіх дзяцей, звонку не занадта дужай фізічна, але нястомнай працаўніцай, клапацівай гаспадыняй, ахоўніцай сям’і⁴. Мэта нашага даследавання: выявіць спецыфіку адлюстравання гуманістычных ідэалаў у творах І. Шамякіна на прыкладзе аповесцей “Палеская мадонна”, “Слаўся, Марыя!”.

Асноўная частка

Аб’ектам даследавання з’яўляюцца аповесці “Палеская мадонна”, “Слаўся, Марыя!”. Метады даследавання: канкрэтна-аналітычны, параўнальна-супастаўляльны, метады сістэмна-функцыянальнага аналізу.

Аповесць “Палеская мадонна” – гэта твор шматпланавы, закранае самыя розныя пытанні, якія хвалявалі тагачаснае грамадства. Адлюстраванне ўсё гэтыя з’явы рэчаіснасці – задача складаная для творцы. І на яе вырашэнне працуе шэраг кампазіцыйных элементаў аповесці. Напрыклад, дзякуючы шырокаму

¹ Аналізуючы жаночыя вобразы ў прозе І. Шамякіна, Д. Бугаёў звярнуў увагу на іх прататыпы. Даследчык распавядае пра дзвюх жанчын, якія натхнілі пісьменніка на стварэнне шматграннага вобраза маці. Гэта Сынклета Іванаўна Шамякіна і Марыя Філатаўна Шамякіна (Кротава) [2, с. 14-16].

² Параўноўваючы вобраз маці ў аповесці “Выратуй і памілуй нас, чорны бусел” В. Казько з вобразам маці ў творы “Палеская мадонна” І. Шамякіна, Н. Давыдоўская адзначае: “Геранія І. Шамякіна існуе ў свеце, які ёй хоць і не падабаецца, аднак з’яўляецца цалкам зразумелым. “Палеская мадонна” прачытваецца ў кантэксце беларускай савецкай традыцыі разумення “вечнага” вобраза, якая акцэнтнае ўвагу на мацярынстве, зямным абліччы Мадонны. Вобраз жа галоўнай гераніі В. Казько Дзевы Марыі падкрэслена шматзначны, ускладнены рознымі культурнымі кантэкстамі. З аднаго боку, ён актуалізуе традыцыйныя біблейскія і раннехрысціянскія сэнсы, з другога – язычніцкі дахрысціянскі пласт архетыпу Маці. Аднак галоўнае адрозненне паміж дзвюма мадоннамі палягае ў тым, што трагедыя гераніі В. Казько пачынаецца там, дзе для гераніі І. Шамякіна яна заканчваецца” [3, с. 29].

³ Распавядаючы пра шматграннасць вобраза маці ў творчасці І. Шамякіна, Г. Давыдава прапануе разглядаць яго ў дачыненні да такіх паняццяў, як “Радзіма”, “зямля”, “захавальніца чалавечага роду”, “жанчына, якая цябе нарадзіла”, “жонка, маці тваіх дзяцей” [4, с. 45-46].

⁴ Такой, урэшце, з’яўлялася і маці пісьменніка, пра што ён сведчыць у аўтабіяграфіі і дзённікавых кнігах. “Я часта думаю зараз, што гэтая маленькая, нізенькая жанчына – мая маці – была мужным і дужым чалавекам”, – адзначае Іван Шамякін у аўтабіяграфіі, змешчанай у зборніку “Пяць-дзясат чатыры дарогі” (1963) [5].

выкарыстанню эмацыянальна-насычаных сінтаксічных кантрукцый пісьменніку ўдаецца адлюстраваць напружанне, у якім жыве простая жанчына ў гэты складаны час. У аповесці чытаем: “Вельмі не хацела, каб дачка паўтарыла яе лёс. Што дало ёй замужства? Кучу дзяцей? А хіба гэта не радасць? Не, і гэта радасць? І гэта радасць! Толькі Мікола, дурань, гэтага не разумее! П’янтос – атос! Не, Арцёмку ён любіць. Неразлучная пара. Рыбакі”. Мара аб Машынай вучобе ў інстытуце, універсітэце стухнела яшчэ тады, калі дзяўчо было ў пятым класе. Які інстытут!” [5, с. 7]. У гэтым фрагменце, як і ў цэлым у творы, назіраецца супадзенне пазіцыі наратара і галоўнай гераіні Надзеі Русак. Адсюль спецыфіка аповесці праяўляецца праз яе моўную арганізацыю: шматлікае выкарыстанне простых сказаў, большасць з якіх мае пыталную і клічную інтанацыі, ужыванне эмацыянальнай лексікі, характэрнай для гутарковай мовы: “Надзея спыталася на абед. Бегла амаль радасна: ёсць чым накарміць дзяцей! Купіла за падажанне прэзінтава [прэзідэнта аграфіры Паповіча. – *Л.Д.*] – ух, ты! – кілаграм макаронны і буханку хлеба, даяркі ўпотаі ад загадчыцы налілі малака вялікую пластамасавую пляшку з-пад замежнай вады. Даўно здзіўлялася: і ваду прывозім? Сваёй мала, ці што? У нас, на Палессі?” [6, с. 29].

У аповесці адчуваюцца спагадлівыя адносіны пісьменніка да гераіні. Разам з тым праявіў у канву твора ўключыць факты, якія сведчаць пра тое, што вобраз гэтай жанчыны зусім не ідэальны. Дзеля таго каб накарміць дзяцей, яна здатная на многае, нават на крадзёж. Хоць аўтар і вядзе гутарку пра гэта мімаходзь, быццам не звяртаючы сур’ёзнай увагі на такія ўчынкі. Але самае галоўнае, што і гераіня апраўдвае сябе: гэта ж дзеля дзяцей яна магла дазволіць сабе ўзяць не просячы толькі малако ў дзяржавы (у гутарцы з прэзідэнтам аграфіры Паповічам Надзея Русак заўважае: “Не бойцеся. Не аб’ядуць дзеці вашу фірму. Саўгас не аб’елі!” [6, с. 27]), толькі грошы ў мужа (“Рэдка Надзя залазіла ў мужавы кішэні, хіба да п’янага. А тут праверыла ўнутраную кішэню ў куртцы. <...> Дастала грошы, раздзяліла шчодро: сабе ўзяла тры купюры, яму – чатыры. Палажыла яго частку ў кішэню. Але тут жа перадумала, дастала з яго долі адну купюру, далучыла да сваёй, схавала за пазуху. Уздыхнула, быццам пашкадавала, што сем нельга раздзяліць пароўну. Але ж іх тут пяцёра, а ён адзін!” [6, с. 43-44]), толькі адно яйка ў суседкі (“Надзея стала на калені, у крапіву, прасунула галаву ў дзірку, заглянула за “мяжу”, што раздзяляла суседнія “дзяржавы”, і ў кусце маліны ўбачыла... яйка. Ажно ногі памлелі, сэрца закалацілася. Ніколі не брала чужога. Але ж для Юрачкі... Для Юрачкі! Працягнула руку, схавала яйка, цёплае яшчэ” [6, с. 12]). І тут паказаны другі бок натуры Надзеі Русак. Але самае галоўнае, што аўтар, прэзентуючы гераіню ў такім ракурсе, імкнецца хутчэй не асудзіць, а апраўдаць жанчыну, якой няма чым накарміць дзяцей.

У цэлым па аповесці гэтыя “грахі” Надзеі здаюцца быццам не такімі ўжо і сур’ёзнымі ў параўнанні з большымі крадзяжамі – у маштабе дзяржавы: “Былыя гаспадары, начальнікі, многія парабіліся прыватнікамі. Хапалі ўсё, што трапляла пад руку” [6, с. 18].

Каб падсвятліць гэтую маральную праблему, пісьменнік супрацьпастаўляе Надзею Русак і Валяр’яна Паповіча. Першае ўражанне пра яго ў вяскоўцаў было станоўчае: “Роўна дзесяць гадоў таму ў саўгасе з трэскам знялі старога дырэктара, зладзюгу і п’яногу, з партыі выключылі і назначылі новага, інжынера з Мазыра. Прозвішча яго Паповіч, а імя Валяр’ян. <...> Паповіч быў антыподам, супрацьлегласцю былому і ўвогуле таму ўяўленню, якое склалася ў рабочых-сялян пра начальства сваё” [6, с. 18].

У цэлым, разважаючы пра такія гуманістычныя, каштоўнасці, як “альтруізм і эгаізм”, “дабрыня і чэрствасць”, аўтар у аповесці прэзентуе два тыпы чыноўнікаў. Да першага з іх, адмоўнага, адносяцца дырэктар, а пазней прэзідэнт аграфірымы Валяр’ян Паповіч, аграном Войцік (“Аграном з ласкавым прозвішчам Войцік быў поўны, з адышкай, хоць і не дажыў яшчэ паўсотні, апрапаўся нехайна, часта хадзіў з незашпіленай шырынкай, у бруднаватай сарочцы, засаленай на жываце: цёрся тоўстым жыватом аб сталы. Сялянкі асуджалі яго жонку: а яшчэ настаўніца! Натуральна, як усе таўстуны, Войцік любіць выпіць і смачна закусіць” [6, с. 18]) і інш. Але не толькі з такімі людзьмі сустракаецца галоўная гераіня твора Надзея Русак. Выключна станоўча І. Шамякін паказвае ў аповесці “Палеская мадонна” асоб вышэйшай дзяржаўнай улады – прадстаўнікоў каманды Прэзідэнта краіны, супрацоўнікаў міністэрстваў, якія дапамагаюць жанчыне знайсці яе выкрадзенага сыночка Юрачку.

Тут пісьменнік таксама выкарыстоўвае прыём кантрасту. З аднаго боку, у пачатку аповесці праводзіцца думка, што дзеці не патрэбны дзяржаве (“Нават яе [Надзеі Русак. – *Л.Д.*] маўклівы бацька, калі яна прыйшла ў сваю вёску, поўная чацвёртым, хмура спытаў, страшэнна збянтэжыўшы дачку: “Ты што, гераіняй хочаш стаць? Дык не даюць жа цяпер званне “Маці-гераіня”, – і сумна заключыў: – Нічога не даюць. Нікому не трэба ні рукі нашы, ні дзеці нашы” [6, с. 10-11]). З другога – у развязцы твора паказана гісторыя з крадзяжом хлопчыка, дзе пошукі і выратаванне яго падаюцца як найгалоўнейшая дзяржаўная справа (“Але дзе тая міліцыя, дзе яе шукаць – Надзея не спытала. Апантана кінулася да выхаду. Прэзідэнт! Толькі там, у прэзідэнта, ёй памогуць знайсці Юрачку!” [6, с. 93]).

У творы усе думкі і клопаты Надзеі Русак заняты дзецьмі: “Во мужчына, не тое што бацька яго [пра сына Арцёмку. – *Л.Д.*]. Во шчасце нейкай расце. Сыночак мой родненькі, радасць мая! Ды ўсе вы радасць. Задумлівая Маша... Дачушка мая, не трэба так рана сур’ёзна задумвацца. Вучыся – і ўсё. А пра ўсё іншае я пакуль што буду думаць. І рагатуха, ласунок Юлька. Ёй абы было што паесці. Уся ў бацьку. Але ж хіба я менш цябе люблю? Не менш. Ну, Юрачка... Дык Юрачка ж маленькі, што вы хочаце з яго! – апраўдвалася перад астатнімі дзецьмі за асаблівую любоў да малодшага сынка. – Я і вас так гушкала, калі вы былі, як Юрачка” [6, с. 29].

“Чым накарміць дзяцей?”. Рэфрэнам гучаць гэтыя словы праз усю аповесць. Здаецца, гэта галоўнае пытанне, якое турбуе Надзею Русак штодзённа. Пра гэта сведчаць першыя радкі аповесці: “Надзею разбудзіў першы певень. <...> Не адразу адляцелі ўявы таго, што яна бачыла ў сне. А бачыла яна харч – гару харчу: мяса, сала, смятану, цыбулю, капусту... Пакутлівы сон. Здавалася б: што страшнага ў тым, што сніш такое багацце? А страшнае тое, што ў доме пуста і галава забіта аднымі думкамі: чым накарміць дзяцей” [6, с. 6]. Параўнаем гэты ўрываек з тым, які змешчаны ў фінале твора: “Чым накарміць дзяцей – пра гэта не думала: генерал даў ёй адно дзвесце тысяч; двое міліцыянераў садзілі яе ў вагон, як прэзідэнтшу. Думала пра чужое дзіця, якое засталася ў міліцыі. На развітанне спытала: “А Светку куды?” “Светку, відаць, прыйдзеца ў дзетдом...” “Аздайце яе мне” [6, с. 101].

Дзіця для Надзеі Русак – найвялікшая каштоўнасць. Як найвышэйшую радасць успрымае дзяцей і Марыя Шамякіна з аўтабіяграфічнай аповесці “Слаўся, Марыя!”: “Дзеці – шчасце сям’і. Не нараджаць Маша не магла” [7, с. 81]. У Шамякіных нарадзіліся тры дачкі і сын. Да іх, як і да любімага мужа, яна

таксама адносілася самаахвярна: “Дзеля дзяцей, унукаў магла стаяць у чэргах гадзінамі” [7, с. 96]. У творы мажорныя ноты дамінуюць пры апісанні сітуацыі, калі дзіця нараджаецца (“З Дуная мы прывезлі дунайку – Алесю. Яна нарадзілася 16 чэрвеня 1961 года. Трэцяя дачка! Чацвёртая радасць” [7, с. 81]), расце (“Дзяцей Маша песціла больш, чым трэба. Ні ў чым не адмаўляла ім” [7, с. 85]). І, наадварот, пры апісанні страты дзіцяці прысутнічаюць толькі мінорныя ноты. Дзеля яго маці можа пайсці на многае. Надзея Русак з аповесці “Палеская мадонна” шмат працуе, хоць не атрымлівае ўжо чацвёрты месяц зарплаты. Жадаючы выратаваць сваіх дзяцей ад голаду, не знайшоўшы падтрымкі ні ў мужа, ні ў мясцовага кіраўніцтва, Надзея едзе са сваёй просьбай-скаргай у сталіцу, шукае сустрэчы з Прэзідэнтам. У аповесцях “Палеская мадонна” і “Слаўся, Марыя!” паказаны архетыпны вобраз маці.

Заклучэнне

Зыходзячы з вышэйсказанага, можна адзначыць наступнае.

Вяршыняй матчынай любові і шанавання з’яўляецца вобраз Мадонны ў хрысціянскім грамадстве. У аповесцях “Палеская мадонна” і “Слаўся, Марыя!” пісьменнік ідэалізуе вобраз беларускай маці. Разам з тым майстра быццам не заўважае часам і не самых лепшых рыс характару, учынкаў галоўных герояў – Надзеі Русак і Марыі Шамякінай. Герой-носьбіт гуманістычнага ідэалу пісьменніка паказаны як рэальны чалавек, рэалізатар такіх гуманістычных каштоўнасцей, як любоў да дзяцей, клопат пра іх.

У гэтых творах рэалізацыя гуманістычнага ідэалу адбываецца ў барацьбе са знешнімі абставінамі. Аўтар звяртае ўвагу чытача на шэраг праблем тагачаснага грамадства, націскаючы на такія “балючыя кропкі”, як эканамічны крызіс, масавае збыдненне насельніцтва, гандаль дзецьмі і інш. Асноўную ўвагу І. Шамякін надае адлюстраванню праблемы падзення маралі. Ацаніць учынкі героя аўтар прапануе чытачу з трох ракурсаў. Першы ракурс – гэта ацэнка паводзінаў і ўчынкаў з пункту гледжання “савецкага” маральна-этычнага кодэксу, дзе галоўнымі чалавечымі каштоўнасцямі лічылася працавітасць, сціпласць, інтэлігентнасць. Новы погляд на маральна-этычныя каштоўнасці стварыў новы перыяд развіцця грамадства. Другі ракурс – гэта пазіцыя, характэрная для часоў перабудовы, пазіцыя свабодалюбівых, смелых да нахабнасці, нігілісцкі настроеных да прыярытэтаў савецкага грамадства людзей⁵. І, нарэшце, трэці ракурс, які сведчыць пра вечныя каштоўнасці маралі, – гэта хрысціянскі погляд⁶.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. **Шамякіна, Т.** Маці пісьменніка: пра Сынклету Сцяпанаўну Шамякіну / Т. Шамякіна // Роднае слова. – 2005. – № 10. – С. 96.
2. **Бугаёў, Д.** Вобраз маці і ўвогуле жанчыны ў творах Івана Шамякіна / Д. Бугаёў // Роднае слова. – 2007. – № 1. – С. 14–16.
3. **Давыдоўская, Н.** Вобраз Мадонны ў прозе Івана Шамякіна і Віктара Казько (на матэрыяле аповесцяў “Палеская мадонна” і “Выратуй і памілуй нас, чорны бусел” / Н. Давыдоўская // Роднае слова. – 2007. – № 12. – С. 29.

⁵ Пра нааўнасць гэтых двух ракурсаў сведчаць тыя фрагменты аповесці, дзе гутарка ідзе пра паводзіны Паповіча ў савецкія часы і ў гады перабудовы.

⁶ “Раней яна, навучаная заповіту: “Не крадзі!”, малачко ўсё-такі дзеткам прыносіла – ад цялят. У грэццы насіла, падвязаўшы яе на живот, прывыклі людзі да яе круглага жывата. Прынесла б і цяпер – Бог з ім, з заповітам, для дзяцей не грэх!” [6, с. 8].

4. *Давыдава, Г.* “Любоў маці мацней за смерць”: вобраз жанчыны-маці ў творчасці Івана Шамякіна / Г. Давыдава // Роднае слова. – 2006. – № 10. – С. 45–46.
5. *Шамякін, І.* Аўтабіяграфія / І. Шамякін // Пяцьдзесят чатыры дарогі: аўтабіяграфіі беларускіх пісьменнікаў. – Мінск: Маст. літ., 1963. – С. 529.
6. *Шамякін, І.* Палеская мадонна: аповесці / І. Шамякін. – Мінск: Юнацтва, 1998. – 590 с.
7. *Шамякін, І.* Пошукі прытулку: аповесці / І. Шамякін. – Мінск: Юнацтва, 2001. – 350 с.

Паступіў у рэдакцыю 11.01.2012 г.

УДК811.111'373

Е.В. РУБАНОВА

СУБСТАНТИВНАЯ МЕТАФОРА В АМЕРИКАНСКОМ СТУДЕНЧЕСКОМ СЛЕНГЕ

Целью статьи является выявление ассоциаций, позволяющих порождать метафору в американском студенческом сленге. В статье главный субъект метафоры (в терминологии М. Блэка) рассматривается “сквозь” метафорическое выражение, так как главный субъект “проецируется” на область вспомогательного субъекта. Автор доказывает, что декодирование метафор в американском студенческом сленге требует, с одной стороны, знания системы общепринятых ассоциаций, с другой стороны – знания особой системы импликаций, созданных внутри социальной группы.

Введение

Язык молодежи – это способ нетрадиционно отражать отношение говорящего к действительности в соответствии с социально-групповыми установками. Метафора часто помогает реализации данной цели, так как это “наиболее продуктивное средство приспособления языка к постоянно видоизменяющемуся отображению мира и миропониманию” [1].

В соответствии с интеракционистской теорией метафоры целью метафоры не является замещение формального сравнения или любого другого буквального утверждения. “Когда мы говорим: “X есть M”, мы часто тем самым постулируем существование некоторой воображаемой связи между M и воображаемым L (или, скорее, неопределенной системой L₁, L₂, L₃...), хотя без метафоры нам было бы трудно найти какое-либо сходство между M и L. В ряде случаев было бы более правильно говорить, что метафора именно создает, а не выражает сходство” [2]. В данной статье рассмотрим, какие сходства “создает” метафора в американском студенческом сленге.

Чтобы первоначально прояснить понятие метафоры, обратимся к примеру М. Блэка, который рассматривает метафору как фильтр. В высказывании: *Man is a wolf* ‘Человек – это волк’ он выделяет два субъекта: главный субъект (principal subject) – человек (или люди) и вспомогательный субъект (subsidiary subject) – волк (или волки). Для декодирования метафоры надо, чтобы читатель знал стандартное словарное значение слова “волк”, точнее, чтобы читатель знал *систему общепринятых ассоциаций* (the system of associated commonplaces): “Представьте себе человека, который, не будучи специалистом по волкам, говорит то, что он считает истинным об этих животных, – набор его утверждений и будет приближаться к системе общепринятых ассоциаций, связанных со словом “волк”.

Я полагаю, что у представителей одной и той же культуры ответы на предложенный тест должны быть довольно близкими, и даже уникальный знаток волков все-таки будет знать, «что думает о них простой человек» [2]. Предполагается, что волк – это свирепое, плотоядное, вероломное животное. Таким образом, эффект метафорического использования слова “волк” применительно к человеку состоит в актуализации соответствующей системы общепринятых ассоциаций. “Если человек – волк, то он охотится на остальных живых существ, свиреп, постоянно голоден, вовлечен в вечную борьбу и т.д.” [2]. Возможные суждения о волке порождаются в сознании и соединяются с имеющимся представлением о главном субъекте (о человеке), образуя необычное сочетание смыслов. “Чтобы построить нужную систему импликаций относительно главного субъекта, [человек] будет руководствоваться системой импликаций о волках. Полученные импликации не будут совпадать с общепринятыми ассоциациями, вызываемыми буквальными употреблениями слова “человек”. Новые импликации детерминированы системой импликаций, актуальных для буквального употребления слова “волк”. Те присущие человеку черты, о которых без всякой натяжки можно говорить на “волчьем языке”, сразу окажутся важными, а другие отойдут на задний план. Метафора человека-волка устраняет одни детали и подчеркивает другие, организуя таким образом наш взгляд на человека” [2]. М. Блэк утверждает, что “назвать человека волком – значит увидеть его в особом свете, но не надо забывать и о том, что метафора позволяет посмотреть другими глазами и на волка и увидеть в нем что-то от человека. Такими изменениями взгляда мы обязаны исключительно метафоре” [2].

Таким образом, в статье мы рассмотрим главный субъект метафоры (в терминологии М. Блэка) “сквозь” метафорическое выражение, так как главный субъект “проецируется” на область вспомогательного субъекта. Целью статьи является выявление характера ассоциаций, позволяющих порождать метафору в американском студенческом сленге [3].

Основная часть

Очевидно, что легче подвергаются декодированию метафоры, которые базируются на общеизвестных ассоциациях. “Простые” метафоры в американском студенческом сленге активизируют в сознании визуальные образы, а в их основе лежат признаки, воспринимаемые органами чувств:

- 1) размер (*big dog* 'an important person', *buffalo chick* 'a large or obese woman', *shorty* 'a female');
- 2) цвет (*lobster* 'a very sunburnt person', *carrot top* 'a nickname for someone with red hair', *jam sandwich* 'a police car', lettuce 'money');
- 3) звук (*noise* 'anything said that one does not like or agree with', *shout out* 'recognition');
- 4) темпоральность (*old bag* 'an elderly woman', *old hag* 'an elderly woman');
- 5) форма (*jugs* 'breasts', *melon* 'head', *jug handles* 'ears, usually implying large or excessively protruding', *pie hole* 'mouth');
- 6) тактильность (*jelly* 'a tranquilizer', *antifreeze* 'alcohol, liquor', *axe grease* 'stiff pomade, hair spray or gel');
- 7) положение в пространстве/месторасположение (*attic* 'the human head', *armpit* 'undesirable place or location', *inside* 'prison');
- 8) функция/функциональное предназначение (*barn door* 'fly or zipper', *choppers* 'teeth', *lid* 'one's head of hair', *plug* 'one who follows the crowd');

9) сила воздействия (*smash* 'a success', *radar* 'something that stands out from the crowd', *incentive* 'cocaine', *quiet storm* 'something big about to happen that no one is expecting').

В подобных случаях метафора успешно выполняет роль призмы, так как называемое рассматривается через названное. Так, метафора *attic* 'the human head' позволяет подчеркнуть не только общее для чердака и головы верхнее положение в пространстве, но и задает оценочное значение голове как пустому либо "захлапленному" вместилищу идей, информации. Вполне закономерны в таком случае и номинации типа *airhead*, *fat-head*, *meat-head*, *nut-head*, *numbskull* для обозначения глупого человека, а также *lunchbox* для характеристики невнимательного, забывчивого человека, *jam roll* – для резко отрицательной номинации интеллектуальных способностей человека. Образ слабого человека усиливается сквозь призму зооморфных метафор *jelly fish* 'a weak and ineffectual person', *pussy* 'a weakling' и ботанической метафоры *pansy* 'a feeble male'. А метафора *flake* 'an untrustworthy, unreliable, absentminded, oblivious and/or inconsiderate person' позволяет увидеть в человеке что-то от быстро тающей снежинки.

Рассмотренные выше метафоры довольно легко декодируются. Например, метафоры, которые актуализируют признак формы, обычно служат для обозначения частей тела человека в американском студенческом сленге (*mullet* 'a hair style that is short on the top and long in the back', *mop top* 'tangled; unruly hair; resembles a mop', *loaf* 'head', *pony* 'someone who wears a weave or fake hair', *lamb chops* 'sideburns', *stems* 'a female's legs'). Метафоры, в основе которых реализуется тактильный признак, рассматривают называемое сквозь призму его вещественного состава (*jelly* 'a tranquilizer', *jellies* 'plastic sandals that are cheap and made of rubber/plastic', *ice* 'diamond').

В основе представленных метафор лежат образы, которые предоставляют довольно узкий диапазон для интерпретации обозначаемого. Но даже в подобных метафорах обнаруживается актуализация набора ассоциаций. Например, при декодировании метафоры *big guns* 'very powerful person or people' помимо признака размера обращают на себя внимание и импликации, связанные с представлениями об оружии как опасном предмете. Эта метафора позволяет посмотреть на людей, обладающих властью, как на тех, кого следует остерегаться. При этом признак 'big' при метафоризации переосмысливается и в главном субъекте метафоры актуализируется как признак, означающий высокое социальное положение, наличие значимости, весомости, власти у метафорически характеризуемого объекта (*Billy Big Willy* 'U.S. President Bill Clinton', *big stink* 'an important issue'). Тем не менее, подобные метафоры обычно ироничны.

Актуализация нескольких визуальных ассоциаций обнаруживается и в других случаях: *carrot top* 'a nickname for someone with red hair' (цвет + месторасположение), *chrome dome* 'a person's bald head' (цвет + месторасположение + форма), *choppers* 'teeth' (форма + функция), *lid* 'one's head of hair' (месторасположение + функция), *jellies* 'plastic sandals that are cheap and made of rubber/plastic' (вещество + цвет), *pocket rocket* 'small car with lots of power' (размер + функция), *rice runner* 'small foreign made car' (размер + функция), *rock* 'diamond', *rocks* 'ice' (тактильность + форма) и др. Поэтому не во всех случаях можно согласиться с утверждением В.И. Заботкиной о том, что процесс метафоризации идет по линии замены дифференциальных сем исходного значения на дифференциальные семы нового значения на основе одной общей семы [4].

Метафора может строиться и на более целостном образно-ассоциативном представлении о вспомогательном субъекте. Например, в американском студенческом сленге широко распространена “кулинарная” метафора, так как названия продуктов питания активно подвергаются метафоризации. При этом одни “кулинарные” метафоры актуализируют положительные импликации, связывая образы вкусных, полезных, необходимых для здорового существования продуктов с положительными характеристиками главных субъектов метафоры (*butter* 'good; nice; attractive; great', *bread* 'money', *eye-candy* 'something/someone attractive', *banana* 'an attractive person of the opposite sex', *sugar* 'a kiss', *mint* 'attractive, usually a male', *piece of cake* 'something easy'). А другие названия продуктов (возможно, не менее полезных) служат для метафорического обозначения отрицательно оцениваемых объектов номинации (*bacon* 'the police or law enforcement', *onion* 'a police officer', *beef* 'a problem, disagreement with someone or something', *fruit* 'a loser', *cabbage* 'a brain-dead person'). Интересно, что в ряде случаев наркотические вещества обозначаются сквозь призму наименований еды (*nose candy* 'cocaine', *nuggets* 'marijuana', *shake* 'marijuana freed from the bud'). Как отмечает С.Б. Флекснер, еда – один из самых популярных образов в сленге: “Food from the farm, kitchen, or table, and its shape, color, and taste suggest many slang metaphors. This is because food can appeal to taste, smell, sight, and touch, four of our five senses; because food is a major, universal image to all people, all sub-groups; because men work to provide it and women devote much time to buying and preparing it; because food is before our eyes three times every day” [5]. Так как еда и продукты питания воздействуют на разные органы чувств, многие “кулинарные” метафоры в сленге активизируют в сознании комплекс ассоциаций.

В.И. Заботкина доказывает, что среди предикатных знаков преобладают метафорические процессы, когда общий признак находится на периферии исходного значения. Так, при образовании нового ЛСВ *vegetable* в качестве базы для метафорического переноса выступает потенциальная сема “пассивность”, которая в исходном значении (a usually herbaceous plant that is cultivated for an edible part) отсутствует, а имплицитруется из интенционала. Происходит актуализация данной семы, которая в новом значении заменяет все дифференциальные семы исходного значения и становится доминантой всего значения. При этом одновременно с изменениями в денотативном значении происходят изменения в коннотативном аспекте значения (эмоционале) [4].

На наш взгляд, большинство проанализированных метафор носят эмоционально-оценочный характер, а их возникновение обусловлено актуализацией коннотативных значений. Схема, предложенная для иллюстрации образования нового ЛСВ *vegetable*, применима и к ряду метафор американского студенческого сленга: *filth* 'the police', *pig* 'a police officer', *maggot* 'a despicable devious person', *weed* 'a slang name for marijuana'; *fire* 'good', *legend* 'really amazing', *ace* 'a close friend', *score* 'something good' и др.

Как отмечает В.Н. Телия, знание о мире, и образно-ассоциативное представление, вызываемое этим знанием, и уже готовое значение приводят в динамическое состояние модус фиктивности. Он дает возможность уподобления логически несопоставимых и онтологически несходных сущностей (например, неодушевленных сущностей (*fruit*, *beef*) и людей, абстрактных понятий (*a loser*, *a problem*)). Метафора без допущения, что *X* есть как бы *Y*,

невозможна. "С этого допущения и начинается то движение мысли, которое ищет подобия, выстраивая его затем в аналогию, а потом уже синтезирует новое понятие, получающее на основе метафоры форму языкового значения. Модус фиктивности и есть "сказуемое" метафоры: разгадка метафоры – это понимание того, в каком модусе предлагается воспринимать ее "буквальное" значение" [1].

Несмотря на осознаваемую метафоричность ряда единиц в американском студенческом сленге, четкое определение модуса фиктивности не всегда возможно. Например, сленгизм *cheesy* характеризует нечто устаревшее (*This movie is so cheesy and 80's-like*), возможно, потому, что сыр при неправильном хранении быстро портится и не пригоден к употреблению. *Breeze* – наименованное, которое скорее вызывает положительные стандартные импликации, обозначает неудачную шутку. Название популярного мультитипликационного героя используется для обозначения потери времени (*That project was a Mickey Mouse because it was only worth 20 points*).

При исследовании метафоры в американском студенческом сленге не всегда "разгадка метафоры" видится убедительной. Во-первых, в ряде случаев буквальное значение, которое служит отправной точкой при расшифровке метафоры, допускает разные варианты. Например, метафора *scrub* 'dirty looking person' может рассматриваться как сквозь призму значения 'кустарник, поросль' (*scrubby* в американском английском обозначает нечто низкорослое, захудалое, ничтожное, поросшее кустарником, заросшее щетиной), так и сквозь фокус буквального значения омонима *scrub* 'чистка щеткой, жесткая щетка' (соответственно, глагол *scrub* означает 'тереть, скрести, чистить').

Во-вторых, для американского студенческого сленга характерна так называемая *reverse morality* ("обратная мораль"): "Morality and intellect (too frequently not considered virtues in the modern American man) are overlooked in slang, and this has led to a type of reverse morality: many words, once standing for morally good things, are now critical. No one, for example, though these words were once considered complimentary, wants to be called a *prude* or *Puritan*" [5]. В этой связи метафоры могут актуализировать в эмоционале импликации, прямо противоположные общеизвестным. Например, в литературном английском языке *pimp* обозначает сводника, а в американском студенческом сленге – нечто или кого-то привлекательного; слово *posh* используется для названия наркотического вещества; *riot* – для характеристики чего-то смешного, веселого. Учитывая то, что "общепринятые ассоциации" удовлетворяют только самым стандартным случаям, очевидно, что создатель метафоры в нелитературной подсистеме английского языка не всегда опирается на общеизвестные ассоциации, ведь "в основе метафор могут лежать как общепринятые ассоциации, так и созданные специально для конкретных случаев системы импликаций: им не обязательно быть уже готовым изделием, они могут быть созданы по специальному заказу" [2].

В-третьих, не всегда за кажущейся метафоричностью скрывается метафора. Так, одним из источников метафоризации в американском студенческом сленге являются имена собственные. Имена собственные включают: женские имена (*Betty* 'an attractive woman', *Jane* 'any female'), мужские имена (*Larrie* 'someone who is beyond stupid', *Jake* 'a poor person, smelly, and wears hand-me-downs'). Как следует из примеров, традиционные женские имена используются для обозначения представительниц женского пола, а мужские имена – для обозначения мужчин.

Но есть и некоторые исключения из этого правила. Так, женские имена встречаются в номинациях женоподобных мужчин (*Nancy boy, Jessie*), а некоторые имена собственные не проводят границ в отношении представителей разных полов (*Larry* 'derogatory term, moron, can apply to females even though the word is actually a male name', *Joe Blow* 'an ordinary, average person'). Помимо семы, указывающей на пол, метафоры могут включать в семантику указание на характеристику внешних или внутренних признаков человека (*Joe Brooks* 'a perfectly dressed person, student'). Кроме того, имена собственные людей могут служить для номинации предметов, веществ и абстрактных понятий (*Jack* 'money', *John Blaze* 'very good', *Mary Jane* 'term used for marijuana'). Не все рассмотренные выше случаи при более скрупулезном анализе можно отнести к метафоре. Например, в словаре под редакцией Дж. Грина этимология сленгизма *larry* 'a fool' связана с ирландским словом *leararie* 'an idler', *joe* 'coffee' – с Java, сленгизм *Mary Jane* 'marijuana' представлен как буквальный перевод испанской номинации, а этимология *jack* 'money' не определена [6]. Таким образом, о метафоричности имен собственных можно однозначно говорить лишь в том случае, если в процессе метафоризации актуализируются закрепленные в культуре коннотации (*Jake* – the 'rural' proper name) либо используются типичные женские или мужские имена (*Jane* 'any female').

Заключение

Подводя итог, следует отметить, что метафора в американском студенческом сленге помогает раскрыть некоторые особенности языковой картины мира и миропонимания молодежи. Для “разгадки” метафоры эффективно рассматривать “главный субъект” сквозь призму “вспомогательного субъекта”. Декодирование метафор в американском студенческом сленге требует, с одной стороны, знания системы общепринятых ассоциаций, с другой стороны – знания особой системы импликаций, созданных внутри социальной группы. В отличие от научного знания система ассоциаций может содержать ошибочные сведения, но “для метафоры важна не истинность этих ассоциаций, а их быстрая активизируемость в сознании” [2].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Телия, В.Н.** Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира / В.Н. Телия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://linguistic.ru/index.php?id=146&op=content> – Дата доступа : 17.01.2012.
2. **Блэк, М.** Метафора / М. Блэк [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.philology.ru/linguistics1/black-90.htm> – Дата доступа : 17.01.2012.
3. **Xin-An, Lu.** A Concise Collection of College Students' Slang / Xin-An Lu. – Lincoln, NE: iUniverse, Inc. – 126 p.
4. **Заботкина, В.И.** Новая лексика современного английского языка / В.И. Заботкина [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://e-lingvo.net/library_view_6420_1.html – Дата доступа : 17.01.2012.
5. Preface // Dictionary of American Slang / compiled and ed. by H. Wentworth and S. B. Flexner. – New York: Tomas Y. Crowell Publishers, 1975. – P. 6–15.
6. **Green, J.** Cassell's Dictionary of Slang / J. Green. – London : Cassell and Co, 2002. – 1316 p.

Поступила в редакцию 17.02.2012 г.

МОДЕЛЬ ПОНЯТИЯ “КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА” В СОЗНАНИИ СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ

Исследуется проблема понимания термина “ключевые слова”. Создается модель понятия “ключевые слова” в сознании носителей языка на основе проведенного направленного ассоциативного эксперимента. В центре находится доминанта (словосочетание “ключевые слова”), вокруг которой располагаются конститuentы, формирующие ядро. Далее следуют конститuentы, находящиеся на периферии. Подтверждается, что определение понятия, данное психолингвистами, наиболее близко носителям языка – студентам-филологам, будущим переводчикам.

Введение

В художественном тексте как частной динамической системе языковых средств выделяются ключевые для выражения его смысла и, соответственно, для понимания слова, которые играют особенно важную роль в установлении внутритекстовых семантических связей и организации читательского восприятия.

Наличие таких слов в структуре текста подтверждается поэтами и прозаиками. Например, А. Блок выделяет в поэтическом тексте особые слова, которые играют в нем конструктивную роль, конденсируют его содержание, более того, служат условием его создания и сигналами авторских интенций.

В научной литературе для обозначения подобных слов используются различные термины, такие как “смысловые вехи текста” (А. Соколов), “опорные элементы” (В. Одинцов), “смысловые ядра” (А. Лурия), но наиболее распространенным является термин “ключевые слова”. Термин “ключевые слова” в значительной степени условен: как ключевые знаки в тексте могут выступать не только слова, но и словосочетания и даже предложения.

В современной научной литературе нет однозначного понимания термина “ключевые слова”. Проблемой ключевого элемента в структуре художественного текста занимаются многие лингвисты [1–5]. Например, А.И. Новиков определяет ключевые слова как “слова, на основе которых происходит актуализация того фрагмента знания, который необходим для осмысления последовательности слов, в контексте которых они находятся” [6, с. 44].

Ю.Н. Караулов считает, что ключевыми словами, “на которые опирается рефлексия читателя, служат такие множества слов, которые обладают свойством образовывать смысловое сгущение, своеобразное семантико-тематическое поле, но поле, релевантное только в данном тексте, объединенном темой и основной идеей произведения” [7, с. 158].

При восприятии текста в сознании реципиента возникают так называемые ассоциаты (корреляты смысла) – как реакции на слова-стимулы (элементы лексической структуры). При одновременной актуализации разных ассоциатов (взаимодействие нескольких ассоциаций) на одно и то же слово-стимул оно становится ключевым, эксплицирующим новый смысл. Таким образом, понятие “ключевое слово” в рамках психолингвистического подхода определяется как экспликатор смысла в сознании реципиента в результате актуализации нескольких ассоциатов на одно и то же слово-стимул. Тогда термин “ключевые слова”

можно определить как результат семантической компрессии текста в процессе его восприятия.

Множественность интерпретаций феномена “ключевое слово” порождает задачу создания модели его понимания в сознании студентов-филологов, будущих переводчиков. Ведь ключевые слова играют важную роль в процессе перевода, и от того, какой смысл вкладывают носители языка, обучаемые переводу, в данное понятие, зависит качество будущих переводов. Поэтому целью нашего исследования является построение модели понятия “ключевые слова” в сознании носителей языка. Методом исследования является направленный ассоциативный эксперимент.

Основная часть

Экспериментальные методы остаются наиболее популярными, в частности, потому, что они позволяют верифицировать гипотетические предположения. В психолингвистических опытах ярко проявляются индивидуально-специфические черты личности, отражающиеся в выборе языковых единиц, эквивалентных не только для данного контекста, но и для многих других случаев.

В классической лингвистике не раз отмечалась роль ассоциаций как естественного классификатора понятийного содержания лексики. Так, Н.В. Крушевский писал: “Всякое слово связано с другими словами узами ассоциации по сходству, это сходство будет не только внешнее, т.е. звуковое или структурное, морфологическое, но и внутреннее, семасиологическое. Или другими словами: всякое слово способно, вследствие особого психического закона, и возбуждать в нашем духе слова, с которыми оно сходно, и возбуждаться этими словами. Если вследствие закона ассоциаций по сходству слова должны укладываться в нашем уме в системы или гнезда, то благодаря закону ассоциации по смежности, те же слова должны строиться в ряды. Итак, каждое слово связано двоякого рода узами: бесчисленными связями сходства со своими родичами по звукам, структуре или значению и столь же бесчисленными связями смежности с разными своими спутниками во всевозможных фразах: оно всегда член известных гнезд или систем слов и в то же время член известных рядов слов” [8, с. 65-66].

С античных времен было известно, что ассоциации, с одной стороны, отражают связи между объектами реального мира и их ментальными репрезентациями в индивидуальном сознании, а с другой – играют важную роль в строении лексической системы языка. Еще у Аристотеля можно найти мысли о том, что в основе синонимии лежат ассоциации по сходству, основанные на том, что ассоциируемые явления обладают общими чертами. Антонимические корреляции объяснялись ассоциациями по контрасту, вызываемыми взаимной индукцией нервных процессов, а ассоциации по смежности, образуемые при близком расположении предметов либо явлений в пространстве или во времени, признавались соответствующими семантическим отношениям, обозначаемым как “часть – целое”. Сложные (смысловые) ассоциации связывались с гипонимическими и причинно-следственными связями.

Необходимо подчеркнуть еще одну важную с точки зрения психолингвистики черту, которая проявляется в ассоциациях. Вероятность актуализации парадигматических ассоциаций возрастает с повышением сходства семантического значения: смысловой близости (синонимичности), смысловой противопоставленности (антонимичности) либо отношений в общем (причина – следствие,

единичное – всеобщее, наличие – отсутствие, выше – ниже и т.д.) (деятельностные отношения). В синтагматических ассоциациях проявляется функциональный аспект деятельности. Тематические ассоциации, связь которых со словом-стимулом для внешнего наблюдателя часто неясна, обусловлены активным эмоциональным отношением говорящего к обозначаемому словом предмету или явлению [9, с. 74].

При рассмотрении слова в рамках ассоциативного метода особое внимание уделяется исследованию нескольких аспектов. Во-первых, детально изучается “сама структура ассоциативного поля слова, представляющего собой аналог или модель семантического поля” [10, с. 59], где каждая ассоциация может быть рассмотрена как признак, способный переходить в семы [11]. Во-вторых, исследуются стратегии ассоциирования, характеризующие глубину проникновения индивида в слово, в его структуру, связи, соотношение с референтом [12, 13, 14 и др.].

Для определения понятия “ключевые слова” в сознании студентов-филологов, которые будут заниматься переводами, мы использовали методику направленного ассоциативного эксперимента. Обычно различают три вида ассоциативных экспериментов:

– свободный, в котором испытуемому предлагают ответить словом – R, первым пришедшим в голову при предъявлении слова – S, ничем не ограничивая ни формальные, ни семантические особенности слова – R;

– направленный, в котором экспериментатор некоторым образом ограничивает выбор предполагаемой R, накладывая определенные ограничения (например, отвечать только существительными и т.д.);

– цепной, в котором испытуемому предлагают ответить любым количеством слов – R_i, первым пришедшим в голову при предъявлении слова – S, ничем не ограничивая ни формальные, ни семантические особенности слов.

Свободный ассоциативный эксперимент является самым простым из всех ассоциативных экспериментов, и в то же время весьма эффективным. При проведении ассоциативного эксперимента регистрируется тип реакции, частота однотипных ассоциаций, величина латентных периодов (время, прошедшее между словом-стимулом и ответом испытуемого, поведенческие и физиологические реакции и прочее). По характеру этих сведений “можно судить о скрытых влечениях и “аффективных комплексах” испытуемого, его установках, а также его социально-биографических данных (возрасте, поле, профессии, социальном происхождении и прочее). Считается, что на ассоциации, полученные в свободном ассоциативном эксперименте, влияют два фактора: “лингвистический”, т.е. определенные характеристики стимульного слова, и “прагматический”, т.е. влияние личности испытуемого. Нам кажется, что к этим двум факторам можно добавить и условия проведения эксперимента.

Каждый из видов ассоциативных экспериментов имеет свои достоинства и недостатки и призван решать определенный круг задач. Так, направленный ассоциативный эксперимент значительно ограничивает свободу процесса ассоциирования и как бы “направляет” ассоциации в нужное русло исследовательской задачи, например, требуя от испытуемого дать слово, противоположное по значению, синонимы или же те или иные синтагматические реакции: определения, определяемые, глаголы, прилагательные и прочее. Однако сама “направленность” эксперимента и наложение некоторых рамок на процесс ассоциирования могут уменьшать валидность результатов, полученных в этих экспериментах. В нашем случае считаем оправданным использование направленного ассоциативного эксперимента, так как перед нами стоит четко ограниченная исследовательская за-

дача получения ассоциаций к словосочетанию “ключевые слова” с целью определения данного понятия в сознании студенческой аудитории.

Однако поскольку психолингвистические исследования имеют дело с людьми, в академическом мире разработаны специальные правила, называемые этическими принципами экспериментирования, которые были приняты в 1992 г. Американской психологической ассоциацией, в 1993 г. – Британским психологическим обществом [15]. В нашем эксперименте мы применяли данные принципы, которые состоят в том, что необходимо:

- получить добровольное согласие предполагаемых респондентов, заранее проинформированных относительно характера эксперимента;
- защитить их от дискомфорта и возможного вреда;
- не использовать нечеткие, двусмысленные и оскорбительные вопросы, по возможности смягчая формулировки;
- не допустить, чтобы у респондента возникало ощущение, что его оценивают;
- не разглашать конфиденциальную информацию о респондентах, полученную в ходе эксперимента;
- полностью объяснить суть исследования после проведения эксперимента.

Общее количество испытуемых – 197 человек. Направленный ассоциативный эксперимент проводился среди студентов 1–3 курсов филологического факультета Витебского государственного университета имени П.М. Машерова. Средний возраст испытуемых – 18 лет.

В ходе проведенного нами направленного ассоциативного эксперимента студент-испытуемый выполняет следующие действия. Во-первых, от испытуемого в условиях эксперимента требуется концентрация внимания, готовность к восприятию стимула, т.к. время реагирования зависит и от уровня установки, и от готовности к реакции. Второе действие – это восприятие слова-стимула, которое включает в себя узнавание и понимание увиденного слова. Третье действие – самонаблюдение. Испытуемый должен ответить, какие представления и мысли у него возникают в ответ на стимул. И четвертое, последнее действие – это формирование и запись ответа. Как видно из приведенных действий, ассоциативный эксперимент требует от испытуемого произвольной деятельности. Только одно звено в этом эксперименте не может быть произвольным – возникновение ответного представления (мысли, реакции) в сознании испытуемого.

Инструкция для испытуемых: “Сейчас вы получите бланк, который вам нужно будет заполнить. Вы должны будете написать ваши ассоциации к словосочетанию, указанному в таблице. Вам нужно будет написать одно существительное, одно прилагательное и один глагол к заданному словосочетанию. Записывайте первое слово, которое придет Вам в голову. При этом вы должны писать предельно быстро, не раздумывая, быстрота ваших реакций является обязательным условием работы в эксперименте”.

После этого раздавались бланки и происходил собственно эксперимент, в ходе которого испытуемые в течение 1–2 минут напротив соответствующей графы записывали свои ассоциации:

Часть речи	Существительное	Прилагательное	Глагол
Ассоциация к словосочетанию			
Ключевые слова			

Затем заполненные испытуемыми бланки были собраны для последующего анализа и построения модели понятия “ключевые слова”.

Результаты проведенного направленного ассоциативного эксперимента представлены в таблице, где в квадратных скобках отражена частота встречаемости данной ассоциации среди респондентов, а также представлено процентное содержание каждой ассоциации в виде процентов от общего количества ответов.

Ассоциации к термину “ключевые слова”

Ключевые слова		
Существительное	Прилагательное	Глагол
Смысл [42] 21,3%	Главный [83] 42,1%	Выделять [46] 23,3%
Ключ [28] 14,2%	Важный [30] 15,2%	Учить [20] 10,2%
Текст [13] 6,6%	Основной [22] 11,2%	Направлять [15] 7,6%
Термин [11] 5,6%	Ключевой [11] 5,6%	Объяснять [9] 4,7%
Правило [11] 5,6%	Смысловой [3] 1,5%	Запоминать [8] 4,1%
Основа [10] 5,1%	Опорный [2] 1%	Подсказывать [8] 4,1%
Слово [10] 5,1%	Сложный [2] 1%	Помогать [7] 3,5%
Подсказка [10] 5,1%	АП “Эмоциональный” [16] 8,1%	Подчеркивать [6] 3%
Предложение [7] 3,5%	АП “Влияющий” [9] 4,7%	Говорить [5] 2,5%
Замок [4] 2%	АП “Необходимый” [6] 3%	Искать [5] 2,5%
Вывод [2] 1%	Другое [13] 6,6%	Определять [5] 2,5%
АП “Образование” [14] 7,1%		Записывать [4] 2%
АП “Тема” [10] 5,1%		Находить [4] 2%
АП “Важность” [4] 2%		Принимать [3] 1,5%
Другое [21] 10,7%		Соединять [3] 1,5%
		Понимать [2] 1%
		Опирается [2] 1%
		Употреблять [2] 1%
		Другое [43] 22%

Малочастотные реакции были объединены в ассоциативные поля (далее – АП). Первоначально вопросами ассоциативного поля занимались психологи Г. Кент и А. Розанова. Подобный подход позволяет обнаружить зависимость лексических ассоциаций от различных факторов, таких как половой, возрастной, географический. С помощью математических методов исследователи определяли расстояние между значениями ассоциатов. При этом более близкими по семантике оказываются из них те, которые по ассоциативному ряду находятся ближе к слову-стимулу. В нашем случае они образуют формирующее ядро. Конституенты, которые по ассоциативному ряду находятся далеко от словосочетания-стимула, образуют его периферию.

Теорию ассоциативного поля развил Ю.Н. Караулов. Ассоциативное поле организовано как сложная структура, включающая единицы, связанные ассоциациями различного вида (по сходству, по смежности, переходные типы); при этом ассоциативные признаки, актуализируемые в процессе вторичной номинации, соответствуют как денотативным, так и коннотативным элементам пересмысленного значения [7]. Ассоциативное поле – это не только фрагмент вербальной памяти (знаний) человека, фрагмент семантических и грамматических отношений, но и фрагмент образов сознания, мотивов и оценок. На этом принципе основан “Ассоциативный словарь” Ю.Н. Караулова. Ассоциативно-вербальная сеть служит новым способом репрезентации языка, в котором представлены две формы: в нем даются все значения полисемантического слова, его синонимические и антонимические ряды, синтаксическая сочетаемость, словоизменительная и словообразовательная варьированность и т.д. Общая степень грамматикали-

зации слов сети точно соответствует степени грамматикализации (соотношению грамматически оформленных и нулевых форм) русского текста.

Появление теории ассоциативного поля дало мощный толчок в сферу функциональности, и термин “поле” стал использоваться не только как системное явление, но и как функциональное, то есть поле было представлено как огромное количество лексем, которые реализуют себя в речи. Таким образом, в пространство поля какого-либо концепта попали не только компоненты, его образующие, но и реакции на данные компоненты. В связи с этим мы можем наблюдать явление – пересечение полей. А сопоставив лексический словарь отдельных личностей, мы можем выйти на индивидуально-ассоциативное поле говорящего.

По результатам эксперимента в АП “Образование” входят такие ассоциации, как *реферат (2), ответ (2), изложение, книга, конспект, монолог, пересказ, словарь, сочинение, учебник, учеба, учитель.*

АП “Тема” включает ассоциации: *суть (3), тема (3), идея (2), сущность (2).*

АП “Важность”: *важность, влияние, внимание, значимость.*

АП “Эмоциональный”: *красивый (3), интересный (2), легкий (2), выдуманный, выразительный, независимый, понятный, непонятный, правильный, разнообразный, смешной, эффективный.*

АП “Влияющий”: *основополагающий (2), существенный (2), влияющий, значимый, ёмкий, определяющий, решающий.*

АП “Необходимый”: *нужный (3), необходимый (2), полезный.*

Графа “Другое” в разделе существительных включает следующие ассоциации: *правда (2), буква, выбор, жизнь, загадка, иностранный язык, интернет, источник, код, костяк, название, орфография, письмо, план, речь, существительное, схема, факт, фундамент, цель.*

Графа “Другое” в разделе прилагательных состоит из нижеследующих ассоциаций: *английский, вводный, вспомогательный, выделенный, истинный, краткий, научный, ответственный, похожий, различный, структурный, устойчивый, характеризующий.*

Графа “Другое” в разделе глаголов: *читать (3), выбирать (2), думать (2), изучать (2), напоминать (2), подбирать (2), решать (2), составлять (2), угадать (2), характеризовать (2), бронировать, влиять, воспроизводить, выявлять, делать, заключать, замечать, звучать, слышать, облегчать, означать, отвечать, передавать, преподавать, придумывать, прислушиваться, раскрывать, рассматривать, расти, создавать, составлять, уточнять.*

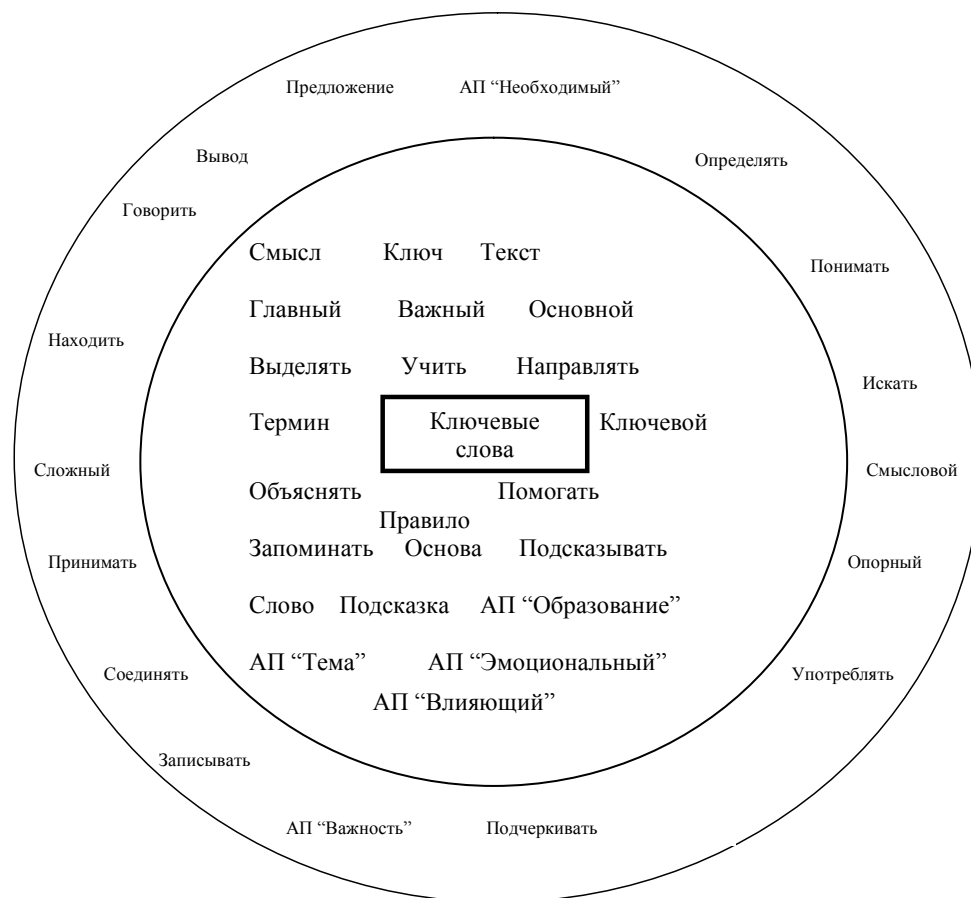
Согласно полученным данным нами была построена модель понятия “ключевые слова” в сознании студентов-филологов (см. рисунок).

Мы провели эксперимент среди студенческой аудитории, целью которого является построение модели понятия “ключевые слова”. Данное исследование проводилось на основе направленного ассоциативного эксперимента, так как он является на данный момент одной из наиболее разработанных техник психолингвистического анализа семантики. По результатам эксперимента в сознании студенческой аудитории понятие “ключевые слова” ассоциируется в первую очередь со словами:

Существительные: *смысл, ключ, текст, термин, правило.*

Прилагательные: *главный, важный, основной, ключевой.*

Глаголы: *выделять, учить, направлять, объяснять, запоминать, подсказывать.*

Заключение

Таким образом, в языковом сознании студентов-филологов понятие “ключевые слова” близко научному определению этого понятия. Так, в психолингвистике “ключевые слова” определяют как результат семантической компрессии текста в процессе восприятия. Данные эксперимента свидетельствуют о том, что в сознании студентов понятие “ключевые слова” ассоциируется с выделением чего-то главного, важного.

Учитывая то, что в направленном ассоциативном эксперименте принимала участие непосредственно студенческая аудитория, некоторые полученные ассоциации-глаголы (учить, объяснять, подсказывать и т.п.) и ассоциации-существительные (термин, правило, подсказка, реферат и др.) напрямую связаны с деятельностью студентов. Следовательно, большую роль при проведении ассоциативного эксперимента играет ведущая деятельность участника эксперимента. Некоторые единичные реакции (иностранный язык, английский) указывают на то, что с понятием “ключевые слова” студенты встречаются на занятиях по иностранному языку при осуществлении переводов текстов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Арнольд, И.В.** Стилистика современного английского языка : (Стилистика декодирования) : [По спец. "Иностр. яз."] / И.В. Арнольд. – 3-е изд. – М. : Просвещение, 1990. – 300 с.
2. **Кожин, А.Н.** Функциональные типы русской речи : учеб. пособ. для филол. спец. ун-тов / А.Н. Кожин, О.А. Крылова, В.В. Одинцов. – М. : Высш. школа, 1982 – 223 с.
3. **Одинцов, В.В.** Стилистика текста [Текст] / В.В. Одинцов ; отв. ред. А.И. Горшков. – Изд. 5-е. – М. : ЛИБРОКОМ, 2010 – 261 с.
4. **Пузырев, А.В.** О необходимости разграничения опорных и ключевых элементов текста при его филологическом анализе / А.В. Пузырев // Язык и мышление: Психологический и лингвистический аспекты : материалы шестой Всерос. науч. конф. (Ульяновск, 17–20 мая 2006 г.) ; отв. ред. А.В. Пузырев. – М., 2006. – С. 181–196.
5. **Шанский, Н.М.** Созвучья слов живых / Н.М. Шанский // Русский язык в школе. – 1983. – № 6. – С. 62–68.
6. **Новиков, А.И.** Семантика текста и ее формализация / А.И. Новиков. – М. : Наука, 1983. – 215 с.
7. **Караулов, Ю.Н.** Словарь Пушкина и эволюция русской языковой способности / Ю.Н. Караулов ; Рос. АН, Ин-т рус. яз. – М. : Наука, 1992. – 167 с.
8. **Крушевский, Н.В.** Очерк науки о языке / Н.В. Крушевский. – Казань, 1883. – 67 с.
9. **Серкин, В.П.** Методы психосемантики / В.П. Серкин. – М. : Аспект Пресс, 2004. – 207 с.
10. **Клименко, А.П.** Проблема лексической системности в психолингвистическом освещении: диссертация ... доктора филологических наук: 10.02.19 / А.П. Клименко. – Минск, 1980. – 406 с.
11. **Болотнова, Н.С.** Лексическая структура художественного текста в ассоциативном аспекте / Н.С. Болотнова. – Томск : Том. гос. пед. ин-т, 1994. – 210 с.
12. **Рогожникова, Т.М.** Свободный ассоциативный эксперимент с людьми преклонного возраста: вопросы организации и предварительные итоги / Т.М. Рогожникова // Психолингвистические проблемы фонетики и лексики. – Калинин : КГУ, 1989. – С. 105–109.
13. **Сазонова, Т.Ю.** Психолингвистическое исследование процессов идентификации слова: автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.02.19 / Т.Ю. Сазонова. – М., 2000. – 46 с.
14. **Салихова, Э.А.** Структура ассоциативных полей лексических единиц при детском билингвизме : дисс. ... канд. филол. н. : 10.02.19 / Э.А. Салихова. – Уфа, 1999. – 165 с.
15. **Myers, D.G.** Exploring Psychology / D.G. Myers – New York : Worth Publishers, 1996. – 544 с.

Поступила в редакцию 12.04.2012 г.

УДК 821.161.1.09

О.А. СУХАЧЕВА

МИФОПОЭТИЧЕСКОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ ПОЛЬШИ В ПРОЗЕ ИСААКА БАБЕЛЯ

В статье рассматриваются мифопоэтические и нравственно-эстетические аспекты "польского текста" в творчестве Исаака Бабеля на материале его ранних рассказов и романа "Конармия".

Введение

Принадлежность И. Бабеля одновременно к нескольким культурам обусловила тему "вавилонского смешения языков" в его творчестве (См.: Жолковский, Ямпольский), заявленную даже созвучием фамилии писателя.

Вписывая “бабелевские темы аутсайдерства, иноязычия, бестиальности” в культурно-историческую ситуацию, исследователи стремятся определить его место в вихре социальных изменений. Писатель оказывается “персоной *non grata*, сомнительной для “демократов” своей причастностью литературному большевизму, а для “патриотов” – своим инородчеством” [1].

Конфессиональная пестрота Одессы сформировала космополитическое мировосприятие Бабеля: учеба в Одесском коммерческом училище, построенном известным в городе польским архитектором, смешанный состав преподавателей училища (в их числе были и, как писал Бабель в автобиографии, “сановитые поляки”), этническое разнообразие города (молдаване, малороссы, поляки, русские, евреи, греки и др.) способствовали этому. Будущий писатель обладал острым, несмотря на близорукость, взглядом, ему было интересно все: портовые районы Одессы манили Бабеля уже в училище [2]. Позже это же любопытство приведет его в Первую конную армию Буденного, где Бабелю придется служить по чужим документам.

Основная часть

Природное обаяние Бабеля позволяло быстро находить общий язык с окружающими, но сослуживцы и приграничное польско-еврейское население относились к писателю с подозрением. Красноармейцы видели в Бабеле еврея, а интеллигенты – представителя Красной России. По мнению Б. Сарнова, Бабель “не смог порвать пуповину, связывающую его со старым миром, с прежней, ненавистной новым людям системой христианских ценностей” [3]. Однако интерес писателя к представителям разных культур (советской и “буржуазной” польской), сочувствие религиозным убеждениям поляков (“У святого Валента”, сб. “Конармия”) и польских евреев (“Гедали”, сб. “Конармия”) свидетельствуют скорее о “двусмысленности и пограничности фигуры [Бабеля], аналогичной его родному городу” [2], Благодаря “пограничности” и поликультурности писатель уже в ранних рассказах (“Детство у бабушки”, “Девять”, “Мама, Римма, Алла”) различает этнические особенности польского, еврейского, русского миров.

И. Бабель предлагает оригинальную авторскую художественную интерпретацию польского мира, событий советско-польской истории. Соблюдая этическую индифферентность, он создает масштабное культурно-историческое полотно. При этом яркой особенностью художественного метода писателя становится соединение реальных исторических событий и мифопоэтической традиции.

В литературной традиции XIX в. сложился интерпретационный код “польского текста”, согласно которому события польской истории, характеры поляков трактовались при всей амбивалентности негативно. Настороженное, часто враждебное отношение к полякам-бунтовщикам, не желающим смириться с российским государственным деспотизмом, перекочевало из литературы XIX в. в литературу XX в. С одной стороны, Бабель заимствует этот код, сохранив не только настороженность и враждебность при описании поляков, но и традиционное восприятие Польши, живущей воспоминанием о “романтических временах шляхетства” [4, с. 24]. С другой – писатель переписывает “польский текст”, наполняя его индивидуальным смыслом, подобно своему персонажу – художнику пану Аполеку, который расписывал церковь близкими ему палестинскими пейзажами и знакомыми лицами. Как на живописных полотнах Аполека горькая реальность маленького городка преображена в сакральную, так же и в очерках писателя Лютова братоубийственная война превращается во вселенскую мистерию.

Историософский дискурс И. Бабеля в “Конармии” и параллельных статьях Кирилла Лютова (псевдоним Исаака Бабеля в газете “Красный кавалерист”) при кажущемся внешнем документализме мифопоэтичны. В новом героическом эпосе, создаваемом Бабелем, звучат традиционные мотивы дороги, странствий, преодоления препятствий.

Один из основных в героическом эпосе мотив дороги получает в рассказах Бабеля свое продолжение: дорогой, связывающей территориальное и этнокультурное пограничье Польши и Малороссии, открывается описание похода Конармии.

Понятие “пограничья” – ключевое для понимания интерпретационного кода “польского текста” в творчестве Бабеля. Бывший сельский учитель Андрий Сулак прячется в яму собственной конюшни на Волыни, хотя, по слухам, должен был бежать в польскую Галицию (рассказ “Сулак”). Таинственный иностранец Струк (роман “На биржу!”, 1927) находится одновременно в нескольких культурных пространствах: он урожденный еврей из Белостока, профессионально связанный с Америкой и мечтающий о тракторном заводе в Советском Союзе. Границы разных государств проходят сквозь судьбу еврея Корба (рассказ “Девять”, 1916).

Для героев “Конармии” дорога – это начало военно-кочевой эпохи в жизни, бездомности, бесприютности. Войско красноармейцев движется по построенной русским царем дороге: “Наш обоз шумливым арьергардом растянулся по шоссе, идущему от Бреста до Варшавы и выстроеному на мужичьих костях Николаем Первым” [4, с. 11]. Мотив “мужичьих костей”, по которым идет красное мужицкое войско, усиливает предчувствие гибельности пути. Кроме того, Бабель намекает на то, что новое красное войско (мужицкое) продолжает прежнюю царскую колонизаторскую политику.

В очерке “Переход через Збруч” мотив неизбежности смерти еще более усилен. По реке Збруч в 1920-м г. проходила советско-польская граница. В мифопоэтической же традиции река – это граница между мирами мертвых и живых. Река становится первым преодоленным конармией препятствием, разделяющим советский и польский миры.

Бабель создает “художественную модель раннего советского космоса”, наполняя ее символами смерти [5, с. 12]. Солнце “катится по небу, как отрубленная голова, нежный свет загорается в ущельях туч, штандарты заката веют над нашими головами. Запах вчерашней крови и убитых лошадей каплет в вечернюю прохладу” [4, с. 11]. В созданной позже пьесе “Закат” мотив “смерти русской культуры, обреченной историей на гибель”, будет вынесен в заглавие [6]. Мотив отрубленной головы (предчувствие и осмысление смерти) прозвучал также в стихотворении Н. Гумилева “Заблудившийся трамвай”.

Бабель придает картине переправы через Збруч метафорический смысл, указывая на пограничный характер реки – между миром живых и мертвых. Под покровом ночи, подобно разбойникам, красноармейцы пытаются переплыть реку: “Почерневший Збруч шумит и закручивает пенистые узлы своих порогов. Мосты разрушены... величая луна лежит на волнах. <...> Кто-то тонет и звучно порочит богородицу. Река усеяна черными квадратами телег, она полна гула, свиста и песен, гремящих поверх лунных змей и сияющих ям” [4, с. 11].

Мосты, изначально предназначенные соединять берега, разрушены, превращены в разъединяющее препятствие. Они не только создают преграду на пути армии, но и пробуждают дикие инстинкты солдат. Конармейцы совершают своего рода культовое омовение перед вхождением в чужие пределы и одновременно демонстрируют превосходство над силой природы. Несмотря на тонущих

рядом соратников, остальные бойцы Красной армии поют, свистят, наполняя пространство гулом. Переход через Збруч превращается у Бабеля в сатанинское игрище. Красноармейцы, переправляющиеся через Збруч, изображены Бабелем как бездуховная звериная сила, как некая неуправляемая, стихийно возникшая материя, как “плоть, мясо, кровь, мускулы, румянец, всё, что горячо и буйно растёт, дышит, пахнет, что прочно приковано к земле” [7, с. 502].

Мотив скитания звучит в рассказах “Письмо”, “Путь в Броды”, “Учение о тачанке”, “Берестечко”, “Афонька Бида”, “Прищепя”, а также в рассказе “Девять”, “Сулак”, главе коллективного романа “На биржу труда!”. Герой рассказа “Девять” Корб, символизирующий судьбу еврейского народа, всю жизнь провел в дороге, и Бабель называет его “истинным Агасфером” – осужденным на вечные скитания.

Сюжет о “вечном Жиде” и связанный с ним мотив скитания обусловлен в творчестве Бабеля не только авторской этнокультурной метабиографией, но и новой эстетикой революции. Обреченность красной конницы на вечное скитание приравнивается у Бабеля к проклятию за кровавые события октября, за брато- и цареубийства.

Мотив разрушения в “Дневнике 20-го года” в сборнике “Конармия” является основным. Изображая местечко Броды, которое “переходит из рук в руки”, Бабель отмечает, что оно “полуразрушено”, писатель видит здание “Пражского Банка, обобранное и разодранное, клозеты, эти банковские загородки, зеркальные стекла <...> фольварк, имение разрушенное” [8, с. 395]. В Новоград-Волыньске¹, “наспех смятом городе, среди скрюченных развалин...” [4, с. 20], и других местечках Бабель встретит похожий пейзаж. Символическая судьба польских евреев сконцентрирована в описании “безжизненных еврейских местечек”, которые “лепятся у подножия панских фольварков” [4, с. 39]. И. Есаулов отметит, что именно через разрушение городов происходит освоение “чужого для рассказчика и конармейцев пространства” [5, с. 14].

Символом разрушенного Новограда становятся увиденные Бабелем в отведенной ему квартире развороченные шкафы, обрывки одежды на полу, черепки культовой посуды, “употребляющейся у евреев раз в году – на Пасху” [4, с. 11]. Бытовое и сакральное, низкое и возвышенное изображаются Бабелем в одной рамке. Кульминацией запустения и разрухи в рассказе становится финальная сцена: под одеялом на матрасе, рядом с местом, отведенным Лютову-Бабелю, оказывается мертвый старик.

Евреи, вынужденные веками растворяться в чужой культуре, оказываются выброшенными на обочину истории в 20-е гг. XX в. С одинаковой жестокостью их уничтожают и бойцы Красной армии, и поляки: “поляки резали его, и он молился им <...> но они делали так, как им было нужно” (“Переход через Збруч”, сб. “Конармия”); “прямо перед моими окнами несколько казаков расстреливали за шпионаж старого еврея с серебряной бородой <...> Кудря правой рукой вытащил кинжал и осторожно зарезал старика, не забрызгавшись” (“Берестечко”, сб. “Конармия”). Живые соседствуют с мертвыми, которых некому предать земле: в Новограде евреи с подчеркнута тонкими шеями и беременная девушка не в состоянии совершить необходимый ритуал; в м. Берестечко Кудря стучит в окно: “Если кто интересуется – нехай приберет. Это свободно...” [4, с. 60]. Однако наводить порядок и восстанавливать разрушенное не имеет смысла, поскольку в городе безвластие.

¹ Первый город на пути следования Конармии, исторический Звягель, до 1793 г. был в составе Речи Посполитой; в 1920 г. несколько раз переходил из рук Красной армии к полякам и наоборот.

Мотив кладбища объединяет художественную действительность и историческую реальность. По дороге в Броды “из-за могил выскочил польский разъезд и, вскинув винтовки, стал бить по нас” [5, с. 41]. В Берестечке “из-за могильного камня выполз дед с бандурой и детским голосом спел про былую казачью славу” [5, с. 60]. Культ предков разрушается поляками, и одновременно “кладбищенская” песнь становится победным гимном для красноармейцев. Кладбище в мифопоэтической традиции – место пограничное между мирами живых и умерших. Включение священного места упокоения в прозаическую жизнь десакрализует его, одновременно усиливая мотив смерти.

Идея богооставленности пограничных польско-украинских земель и неверие в духовное обновление выражена Бабелем в метафорическом переносе: “на Вольни нет больше пчел” [4, с. 36]. В мифопоэтическом представлении образ пчелы связан с высшим, “божественным началом” [9, с. 327-328]. Бабель проецирует образ “истерзаных враждующими армиями” вольнских пчел, символизирующих чистоту и непорочность, на образы еврейских девушек, которых “насиловали польские жолнеры и из-за которых стрелялись польские магнаты” [4, с. 39]. Это усиливает мотив богооставленности, духовного краха, произошедшего на Вольни и в Галиции.

Предметный мир польского приграничья разделен надвое. Все, что связано с армией Буденного, имеет для Бабея земную, осязаемую основу: хаты, за углами которых прячутся поляки или можно спрятаться самим; тачанки, лошади, пулеметы, патрон, который “надо стратить” на Долгушова и т.д. Польская действительность лишена конкретики, метафорична: польские пули “нитями протянулись по дороге”, “скулят и взвизгивают”, выстрел “звучно лопнул” [4, с. 37].

Архитектурная культура Польши представлена у Бабея многообразно: культовые сооружения (костелы и синагоги); замки дворян; дома мирных поляков, русских, малороссов (“живут чисто, в белых домиках за зелеными ставнями” – в рассказе “Берестечко”, сб. “Конармия”); мир евреев, “традиционное убожество” которого “насчитывает столетия” [4, с. 60].

Концепция “хитрой” польской архитектуры с потайными подземными ходами, продемонстрированная еще Гоголем в повести “Тарас Бульба”, раскрывается Бабелем в описании костелов. Польский храм “древен и полон тайны. Он скрывает в своих глянцевиных стенах потайные ходы, ниши и створки, распахивающиеся бесшумно” [4, с. 14]. В интерпретации Бабея образ костела связан с мистическим содержанием: “Ворота... раскрыты, я вхожу, мне навстречу два серебряных черепа разгораются на крышке сломанного гроба. В испуге я бросаюсь вниз, в подземелье” [4, с. 13]. Древний подвал описан метафорично: ведущая из подземелья дубовая лестница заканчивается алтарем, как будто обеспечивает темной силе доступ из подземелья к святыне. Конармеец, несущий в Польшу идею мировой революции, должен символизировать непричастность к религиозному культу. Бабель-Люттов устраивается на ночь в костеле, демонстрируя отсутствие религиозного трепета: “я раскидываю вшивый тюфяк в храме, оставленном священнослужителем, подкладываю под голову флиант” [4, с. 13].

Духовная жизнь польского приграничья, лишенная имманентной духовной высоты, замирает перед “нищими ордами” красных варваров. Храм в Берестечко, “могущественный и белый”, светящийся “в солнце как фаянсовая башня”, осквернен пьяным Афонькой Бидой [4, с. 72]. Костел в Новограде разграблен: “Под нашими пальцами прыгают костяные кнопки, раздвигаются разрезанные пополам иконы, открывая подземелья <...> за царскими воротами мы нашли че-

модан с золотыми монетами, сафьяновый мешок с кредитками и футляры парижских ювелиров с изумрудными крестами” [4, с. 14].

Синагоги также заброшены: “Прикрытая раскидистыми хибарками, присела к нищей земле синагога, безглазая, щербатая, круглая” [4, с. 39].

Мотив нищеты ярче всего виден в противопоставлении материального богатства новоградского костела бедности польских земледельцев. Мальчишка Курдюков, сам из небогатой семьи крестьян, отмечает, что “здесь страна совсем бедная, мужики со своими конями хоронятся от наших красных орлов по лесам, пшеницы видать мало, и она ужасно мелкая, мы с нее смеемся” [4, с. 15].

Польская архитектура испытывала влияние европейского зодчества в течение столетий. Польские магнаты подчеркивали родство с европейскими королевскими дворами: по лестнице дома князей Гонсиоровских “поднимались когда-то польские короли” (рассказ “Поцелуй”, сб. “Конармия”). Размах аристократических построек словно подчеркивает, что “поляки любят роскошь” [10, с. 98]. Бабель отмечает, что от роскоши и величия остались только развалины: “светился в огне заката брошенный дом князей Гонсиоровских <...> обломанные стены чертили в небе кривую <...> остаток лестницы <...> в кустарнике” [4, с. 113].

Польские города получают у Бабеля аттестацию “смешения грязного и тяжелого Востока (Византии и евреев) с немецким пивным Западом” [8, с. 404]. Вековое соседство евреев и поляков также смешало их культуры. Однако восточные “золоченые туфли и корабельные канаты, старинный компас и чучело орла, охотничий винчестер и сломанная кастрюля” в лавке житомирского еврея-философа (рассказ “Гедали”, сб. “Конармия”) противопоставлены чистой и упорядоченной комнате польского студента Мархоцкого (рассказ “Мама, Римма, Алла”, 1916).

Метафизическая опустошенность дома ксендза продолжает мотив богооставленности. Центр духовной жизни городка переносится на кухню пани Элизы: здесь “душистыми вечерами собирались тени старой холонской Польши с юрдивым художником во главе” [4, с. 20]. В городе, превращенном в руины, кухня воплощает “иную”, метафизическую реальность. Наполняя ее пространство рассказами пана Аполека и изысканной европейской гастрономией, контрастирующей с примитивной кухней конармейцев, Бабель сакрализует домашний очаг. В мифопоэтической модели мира огонь (очаг, кухня) является одним из первоэлементов бытия. Творческое “огненное” начало одерживает верх над темной водой (мотив “верха-низа”, реализованный в расположении кухни относительно реки: “внизу, у обрыва, бесшумный Збруч катил стеклянную темную волну” [4, с. 26]) и порождает рассказы пана Аполека.

Лунный свет, отраженный в воде Збруча, превращает реальный план в мифопоэтический, усиливая мотив “инаковости” польского мира и одновременно дополняя мотив смерти: “обгорелый город” кажется автору “поднятым на воздух”, похожим на сновидение. “Сырая плесень развалин цвела, как мрамор оперной скамьи”, символизируя наследие древних цивилизаций и подчеркивая историческую параллель в судьбах Польши и Рима, павшего под натиском варваров.

Заключение

Польская культура и история, интерпретированная Бабелем с присущим ему “еврейским лукавством, патетикой и грубейшим натурализмом, тончайшим соединением эротика с пронзительным, иногда почти библейским лиризмом” [11], предстает перед читателем амбивалентной, многогранной. Бабель как представитель орнаментального стиля значительно расширяет границы сложившего-

ся в русской литературе канона художественного изображения Польши как коварной соседки.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Жолковский, А.К.** Бабель / Babel / А.К. Жолковский, М. Б. Ямпольский. – М. : Carte Blanche, 1994. – 446 с.
2. **Фрейдин, Г.** Форма содержания: Одесса-мама Исаака Бабеля / Г. Фрейдин // Неприкосновенный запас. – 2011. – № 4(78).
3. **Сарнов, Б.** Бабель на фоне современников / Б. Сарнов // Литература. – 2000. – № 34.
4. **Бабель, И.** Избранное / И. Бабель. – Минск, 1986. – 270 с.
5. **Есаулов, И.А.** Культурные подтексты поэтики Исаака Бабеля / И. А. Есаулов. – София, 2011. – 72 с.
6. Международный еврейский общинный центр “Мигдаль” [Электронный ресурс] / Андрушко, Ч. “Закат” Исаака Бабеля на польских сценах. – Одесса, 2006. – Режим доступа : www.migdal.ru/migdal/events/science-confs/3/5850/5851/. – Дата доступа : 3.04.2012.
7. **Воронский, А.** Бабель / А. Воронский // Бабель, И.Э. Избранное. – М. : ООО “Издательство АСТ”: ООО «КРПА “Олимп”», 2002. – С. 496-514.
8. **Бабель, И.Э.** Избранное / И.Э. Бабель. – М. : ООО “Издательство АСТ”: ООО «КРПА “Олимп”», 2002. – 583 с.
9. **Топоров, В.Н.** Мифы народов мира / В.Н. Топоров, В.В. Иванов // Энциклопедия : в 2 т. ; гл. ред. С.А. Токарев. – М., 1988. – Т. 2. – 719 с.
10. **Хорев, В.А.** Польша и поляки глазами русских литераторов: имагологические очерки. – М., 2005. – 232 с.
11. **Поварцов, С.** Подготовительные материалы для жизнеописания Бабеля Исаака Эммануиловича / Э. Поварцов // Вопросы литературы. – 2001. – № 2. – С. 202–232.

Поступила в редакцию 08.06.2012 г.

УДК 821.161.3.-1.09

К.С. ВІНАКУРАВА

МАСТАЦКІ КАНЦЭПТ “РАДЗІМА” І ЯГО МОЎНАЯ РЭПРЭЗЕНТАЦЫЯ: НА МАТЭРЫЯЛЕ ПАЭЗІІ Р. БАРАДУЛІНА І У. КАРАТКЕВІЧА

У артыкуле разглядаецца мастацкі канцэпт “радзіма” ў сям’ятычным і кагнітыўным аспектах на матэрыяле твораў Р. Барадуліна і У. Караткевіча як сродак рэалізацыі моўнай карціны свету паэтаў. Аўтарам выдзелены і апісаны моўныя рэпрэзентацыі мастацкага канцэпту “радзіма”, вызначана месца дадзенага канцэпту ў канцэптасферы мастакоў слова.

Уводзіны

Антрапацэнтрычны накірунак, які актыўна развіваецца ў сучаснай лінгвістыцы, ставіць перад даследчыкамі новыя задачы – апісваць ментальныя адзінкі – канцэпты, якія з’яўляюцца элементамі канцэптасферы і мадэлююць моўную свядомасць індывіда і нацыі ўвогуле.

Сапраўднаму мастаку слова, паводле расійскага літаратуразнаўцы Дзмітрыя Ліхачова, уласціва “пачуццё мовы як канцэнтраванай духоўнага багацця культуры” [1, с. 12]. Бадай, найбольш выразна гэтая канцэнтраваная духоўнасць выяўляецца ў літаратурным творы праз канцэпты, катэгорыі шматмерныя і шматзначныя. У адрозненне ад абагульненых пазнавальных канцэптаў мастацкія канцэпты індывідуальныя, асобныя, псіхалагічна складаныя, гэта комплекс

паняццяў, уяўленняў, пачуццяў, вобразаў, якія ўзнікаюць у тэксце. Чым багацейшы культурны і эмацыянальны вопыт паэта, тым больш глыбокія і шматлікія ягоныя канцэпты.

Мы разумеем канцэпт, услед за Ю.С. Сцяпанавым, В.М. Тэлія, Н.Д. Аруцонавай, В.А. Маславай, як “паняцце, пагружанае ў культуру”, валодаючае эматыўнасцю, канатацыймі, аксіялагічнае і культурна-спецыфічнае па сваёй прыродзе ўтварэнне. На сённяшні дзень існуюць шматлікія азначэнні канцэпту. Не ўдаючыся ў іх аналіз, прыемем працоўнае азначэнне. Канцэпт – гэта лінгваментальнае ўтварэнне, вербальна-заваны культурны сэнс, які мае імя/імёны ў мове і ўключае ў сябе значэнне, культурныя канатацыі, паняцце і вобраз, што ляжыць у аснове назвы.

Актуальнасць нашага даследавання вызначаецца тым, што спецыфіка індывідуальна-аўтарскага разумення канцэпту “радзіма” як складанага і шматзначнага паняцця і яго вербальнага выражэння ў мастацкім тэксце да гэтага часу не былі прадметам спецыяльнага лінгвістычнага вывучэння.

Аб’ектам нашага даследавання з’яўляецца моўная рэпрэзентацыя мастацкага канцэпту “радзіма” ў паэзіі Р. Барадулліна і У. Караткевіча. Прадметам нашай працы з’яўляецца рэканструкцыя слова-канцэпту “радзіма” ў паэзіі Р. Барадулліна і У. Караткевіча. Матэрыялам даследавання паслужылі ўсе надрукаваныя вершы Р. Барадулліна [2, 3, 4] і У. Караткевіча [5].

Мэта працы – даследаваць і апісаць моўныя сродкі мастацкага тэксту, якія рэпрэзентуюць мастацкі канцэпт “радзіма” ў творчасці вышэйназваных мастакоў слова. Дасягненне пастаўленай мэты патрабуе вырашэння наступных задач:

1) разгледзець канцэпт як тэрмін і як адну з галоўных катэгорый сучаснай кагнітыўнай навукі;

2) даследаваць канцэпт “радзіма” ў якасці элемента канцэптасферы названых пісьменнікаў (г. зн. ва ўзаемасувязі з іншымі канцэптамі – воля, мова, народ, душа).

Асноўная частка

Канцэпт *радзіма* займае ўнікальнае месца ў канцэптасферы моўнай культуры. Несумненна, яго можна лічыць каштоўнай дамінантай нашай культуры. З’яўляючыся шматзначным і маючы складаную структуру, дадзены канцэпт патрабуе дэталёвага вывучэння не толькі з пункту погляда філосафа, але і з пункту погляду лінгвіста.

Моўная рэпрэзентацыя канцэпту “радзіма” ў паэзіі У. Караткевіча:

Назоўнікавыя рэпрэзентанты: *Радзіма (7); край (5); Беларусь (6); Бацькаўшчына (2); зямля дзядоў; краіна; наша маці-зямля; зямля (3); маці; айчыны берагі; азёрная старана; душа маці; родная мяжа; народ (6); бедная хата; неба, дзе бусел ляціць; могілкі, дзе маці ляжыць; мова; неўміручыя песні; сцяг; каханая старана; азёрная старана.*

Прыметнікавыя рэпрэзентанты (параўнальныя звароты): *наша, сіняя (4); любая; чыстая (3); дарагая (2); светлая (3); мудрая; мая (8); родная; чароўны; векавечная; зялёная (2); залатая; высокая; бязлітасная; добрая; святая; зведаная; нязнаная; любая; у барах сівых; скупая; ад крушыны горкі (край); адзіная, перад кім на каленях стаю; як сонца, мая мова і песня.*

Дзеяслоўныя рэпрэзентанты: *аддаўшы Радзіме; радаваць; мучыць; згубіла шчасце; не забыць (Радзімы)(2); абараніць; выпіла мора пакут; (Радзіму) багі далі; раджала; мела; маліцца Радзіме; любіць; узяць з сабой (Радзіму); жыве (Радзіма); глядзіць азёрамі-вачыма.*

Моўная рэпрэзентацыя канцэпту “радзіма” ў паэзіі Р. Барадуліна:

Назоўнікавыя рэпрэзентанты: *матчын край; мая Бацькаўшчына; родны кут; край; зямля; спадчына; вырай смутку; Белая Русь; Беларусь (14); мой шчыры край; маці сумная; наша крывіцкая хата; Айчына; беларушчына.*

Прыметнікавыя рэпрэзентанты (параўнальныя звароты): *шчодрая; сціплая; шчырая; там, дзе маці табой жыве; крывіцкая; як адзічэлая яблыня; як удава па вайне; беларусаў святая зямля; мясціна тая, дзе расцвітае папараць і лотаць.*

Дзеяслоўныя рэпрэзентанты: *бяліла лён; бласлаўляла; люблю; цвіла і выста-яла; малюе да Беларусі; свеціцца імя тваё; распіналі (Беларусь); (хто ні едзе, цябе) трасе; караніся (на роднай зямлі); каб пільнаваўся (Радзімы).*

У паэзіі Р. Барадуліна і У. Караткевіча адзінкі *радзіма* і *зямля* з’яўляюцца сінанімічнымі, як, думаецца, і ў свядомасці ўсяго беларускага этнасу. У народ-ных уяўленнях *зямля* – адна з асноўных касмічных стыхій (побач з вадой, павет-рам і агнём), першаэлемент, з якога ствараўся Сусвет. У касмаганічных падан-нях падкрэсліваецца, што першай Бог стварыў менавіта зямлю. Зямля асэнсоўвалася як усеагульная крыніца жыцця, маці ўсяго жывога, у тым ліку і чалавека, калі прыгадаць, што менавіта з зямлі, з гліны зляпіў Бог першага чалавека. Уяўленні пра род, радзіму, краіну цесна звязаныя з паняццем зямлі.

Месца канцэпту “радзіма” ў аўтарскай канцэптасферы.

Як адзначалася вышэй, пры вывучэнні мастацкага канцэпту неабходна звяр-нуць увагу на месца дадзенай адзінкі ў індывідуальна-аўтарскай канцэптасферы. Пры вызначэнні ключавых канцэптаў мы кіраваліся колькасным метадам, мета-дам тэматычнай характарыстыкі твораў. Падрабязны і грунтоўны аналіз паэзіі Р. Барадуліна і У. Караткевіча паказваюць, што ключавымі канцэптамі для гэ-тых мастакоў слова з’яўляюцца наступныя: *душа, воля (свабода), мова, народ* і інш. Суадносіны гэтых канцэптаў з канцэптам “радзіма” можна прадставіць наступным чынам:

РАДЗІМА І НАРОД. Неабходна звярнуць увагу, што слова *народ* атаясамлі-ваецца з канцэптам *Радзіма*, а таму неабходна прааналізаваць семантыку дадзе-най моўнай адзінкі ў кантэксце твораў. На нашу думку, У. Караткевіч і Р. Барадулін ствараюць канцэптуальна новае разуменне характару і сутнасці беларускага народа. У літаратуры XIX – пачатку XX ст. вобраз беларуса – вобраз забітага цёмнага мужыка (творы Э. Ажэшкі, Ф. Багушэвіча, Я. Лучыны і інш.). Для аўтараў канца XX ст. беларус – горды нашчадак продкаў, якія перадалі яму багатую спадчыну – непаўторную мову і гераічнае мінулае: *Мае ж дзяды тады пісаць умелі / Калі фарсілі ў воўчых скурах вы! / Палілі на агні жанчын старых – / У нас тварылі Будны і Цяпінскі / Паэты, дойдзі і разьбяры* [5, с. 315]; *Скупая зямля маёй Беларусі / Не раджала рабоў і не мела рабоў* [5, с. 81]; *Я з табою да крыві апошняй / Мужны мой, адвечны мой народ* [5, с. 70].

Аднак у некаторых творах прысутнічае раздзяленне канцэптаў “радзіма” і “народ”: *Радзіма не вінавата /– Вінаваты яе сыны* [4, т. I, с. 379]; *Люблю твай народ / сцішаны і грозны* [4, т. I, с. 106].

Р. Барадулін і У. Караткевіч указваюць на заганныя рысы беларусаў, сярод якіх галоўныя – бяспамятнасць, рабская псіхалогія: *Ты свайго Каліноўскага выдаў ... / Не ўбярөг ты свайго Купалу... / Голас твой нематой захрас, / Ты адрокся ад мовы, / Народзе...* [4, т. II, с.179] або: *Пакуль у капішчах іхніх будзеш паўзці, нібы крот, / Пакуль ты слухаць іх будзеш і пакуль ты верыць ім будзеш, / і пакуль будзеш скарацца ім, мой беларускі народ, / вашага бога не ведаю, з раем рабоў і гаротных* [5, с. 290].

Р. Барадулін прамаўляе свой заповіт да беларусаў: *Над святынямі зруйнаванымі / Пацянемся дбаць пра карані. / Будзем Янкамі, а не Іванамі / Што не ведаюць свае радні ... / Дык адродзімся душой і вераю* [4, т. II, с. 220]; *Стаць нам / Гаспадарамі свае зямлі, / Беларусамі ў Беларусі* [4, т. II, с. 248]. Падобную думку выказвае і У. Караткевіч: *Вазьмі ў звычай, сын герояў і багоў, / Не пагарджаць святым сваім мінулым, / А заслужыць яшчэ, і вартым быць яго* [5, с. 280].

Такім чынам, у моўнай тканіне паэтычных твораў Р. Барадуліна і У. Караткевіча народ – неад’емная частка канцэпту “радзіма”. Прадкі беларусаў – “свіярэлыя, суверэнныя”, адукаваныя і годныя людзі. Паэты заклікаюць беларусаў памятаць сваё мінулае і ганарыцца ім, шанаваць Бацькаўшчыну.

РАДЗІМА І ВОЛЯ. Залежнае становішча нашых зямель абумовіла развіццё разумення волі як “найвышэйшай маральнай каштоўнасці” (В. Быкаў). Шматлікія абарончыя войны і паўстанні на беларускіх землях пацвярджаюць гэтую думку. У творчасці амаль кожнага беларускага пісьменніка можна знайсці герояў, якія здобывалі сваю свабоду, незалежнасць (творы Ф. Багушэвіча, Я. Купалы, Я. Коласа, Цёткі, В. Быкава і інш.). Аналіз мовы паэзіі У. Караткевіча паказвае, што з дванаццаці вершаў, дзе згадваецца воля, у дзевяці гаворка ідзе пра свабоду краіны, народа: *Хай лепей ніколі не будзе краіны, / Чым будзе краіна – без волі* [5, с. 384]; *Край сагнуўся ў спіне, / Край баіцца размовы пра волю* [5, с. 29]; *Пройдзе нівамі, лясамі / Бог свабоды залатой. / Калі мы не ўстанем самі – / Нас не падые ніхто* [5, с. 383]; *А льву патрэбны калючы гушчар, / Родны край і свабода ў ім* [5, с. 253]; *Няхай жыве народ / У думцы, / ў згодзе, / ў бунце. / Яму замок на рот / Павесіць не спрабуйце / Няхай смяецца, кпіць, / Абразы не прымае* [4, т. II, с. 46].

З канцэптамі *радзіма* і *воля* звязаны ў паэты прэцэдэнтныя імёны беларускай культуры: К. Каліноўскі (верш “Павешаным 1863”, “Нявесце Каліноўскага, “Світка Каліноўскага”, “На Белай Русі...”), К. Астрожскі, Т. Касцюшка, Паўлюк Багрым, у вусны якога Караткевіч укладвае наступныя словы: *Паміраю і веру: Калісьці над светлымі водамі, / Над свабоднай зямлёю / І над Белай Руссю маёй / Шчасце сонцам зазьяе, / І слова нашчадка **свабоднага** / Мае раны загоіць / Гаючай жывой вадой* [5, с. 31].

У хрэстаматычным вершы “Беларуская песня” У. Караткевіч сцвярджае: *Дзе мой край? Там, дзе людзі ніколі не будуць рабамі, што за поліўку носяць ярмо ў безнадзейнай турме* [5, с. 136]. Свабоду нашых продкаў падкрэслівае Р. Барадулін: *Я – арыец / Гэта значыць з аратаяў, / З **суверэнных**, свіярэлых крывічоў* [4, т. II, с. 236]. Такім чынам, канцэпт *радзіма* ў моўнай карціне аўтараў атаясамліваецца са свабодай ці імкненнем да яе.

МОВА І РАДЗІМА. Аналіз моўных адзінак у паэзіі разгледжаных намі аўтараў паказвае, што ўжыванне адзінкі *мова* амаль заўсёды суправаджаецца лексэмамі *родная, беларуская, матчына*. Паэты смела сцвярджаюць: *мова – неабходны элемент Радзімы, без існавання мовы існаванне нацыі пад пагрозай: Пакуль гучыць вакол святая наша мова, / Пакуль ёсць беларусы на Зямлі (час існавання мовы і беларусаў аднолькавы)* [5, с. 381]; *Там спрадвеку гучыць мая мова, булатны клінок, / Тая гордая мова, якую й тады не забудзем, / Калі сонца з зямлёю ў апошні заглябляцца змрок* [5, с. 136].

Р. Барадулін і У. Караткевіч даволі катэгарычна выказваюцца пра народ, які адрачэцца ад сваёй мовы, а значыць, стане здраднікам Радзімы: *Хай не будзе світаньня ў народа майго, / Калі досвіткам здрадзіць цябе* [5, с. 364]; *Слову нашаму*

Бог дапамог. / Хто не любіць яго, ад таго / Назаўсёды адвернецца Бог! [4, т. II, с. 248]. Неаднойчы мова выступае сінонімам волі і гонару Радзімы: *За край, даўно адвучаны ад бою, / Ад мовы, гонару і языка* [5, с. 292]; *Край баіцца размовы пра волю, / Край згубіў сваю мову / І матчынай песні напеў* [5, с. 30].

З'ядноўвае канцэпты мова і радзіма вобраз маці, які асацыятыўна блізкі абодвум семантычным утварэнням: *Ты струменьчык матчынай мовы, / Быццам маці, не забывай* [5, с. 248]. Для паэзіі Р. Барадуліна “характэрна ўвядзенне трыяды – Мова-Маці-Радзіма” [6, с. 24]: *Мамы не стала – не стала Радзімы* [4, т. II, с. 309]; *Ты ад маці, ты матчына, / Беларуская мова* [4, т. II, с. 286]; *Ад сівых гадоў, ад дзядоў / Для мяне ашчаджона спадчына: Галубіная мова матчына / Не згублю яе ў тлуме дарог* [4, т. I, с. 273].

ДУША І РАДЗІМА. У дачыненні да этнасаў вельмі часта канцэпт душа суадносіцца з менталітэтам, з нацыянальным характарам. Прычым гэта душа агульная для народа: *Не вырвеш з нас жывую нашу душу / Бы з дзяснаў слабых набалелы зуб, / Бо мы народ вялікі, непарушны, / Народ, што да зямлі прырос, як дуб* [5, с. 315]; *Пан Бог / Паслаў каліноўца народу / Вярнуць душу / І Айчыну забраную* [4, т. II, с. 243]; *Мы даказалі / Воляй крывіцкаю... / Дух наш не выцкаваць, / Мы будзем жывыя, стаўшы цэнямі* [4, т. II, с. 251].

У лірыцы Р. Барадуліна і У. Караткевіча душа і радзіма знітаваныя. Так, у У. Караткевіча ёсць думка, што душы памерлых продкаў застаюцца на роднай зямлі (што не адпавядае хрысціянскаму вучэнню): *Як сканаю – душа застанецца / Ў ззянні кожнай крынічнай слязы, / У аэру, што з ветрам сячэцца, / Ў срэбных хвалях дняпроўскай лазы, / У бадзяках, што мячамі суровымі / Кожны родны вартуюць пляцень, / У шышыне, што ля Загор'я* [5, с. 235]. Таму зямля, “дзе мудрыя продкі паснулі”, мае найвялікшую каштоўнасць для чалавека.

Радзіма з'яўляецца неабходнай для душы ў разуменні Р. Барадуліна: *Трэба дома бываць часцей, / Каб душою не ачарсцвець... [4, т. I, с. 27]; Душа гібее ля чужых двароў, / Ёй зябка ля казённых каптуроў* [4, т. II, с. 107]; *І завем... / Млечны Шлях Беларускім Гасцінцам, / Да яго не дацягнуцца каты, / Ім вяртаюцца душы дахаты* [4, т. II, с. 247].

Заклучэнне

Такім чынам, паэтычны тэкст – унікальны і дасканалы спосаб пазнання свету. Прыведзены намі матэрыял дазваляе зрабіць наступныя вывады:

Паэтычнае багацце паэта і ягонай мовы вызначаецца не толькі багаццем лексікі і граматыкі, але і багаццем канцэптуальнага свету, канцэптуальнай сферы. Рэпрэзентацыя Р. Барадуліным і У. Караткевічам канцэпту радзіма ўзбагачае моўную карціну беларусаў.

Ключавы канцэпт радзіма ў паэзіі названых аўтараў найбольш цесна звязаны з канцэптам *народ, воля, душа, мова*. Таксама можна даследаваць сувязь гэтага канцэпту з наступнымі: *час, прастора, колер, доля/лёс*.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. **Маслова, В.А.** Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой / В. А. Маслова. – М. : Флинта: Наука, 2004. – 256 с.
2. **Барадулін, Р.** Аніма / Р. Барадулін. – Мінск : Рым.-Катал. парафія св. Сымона і Алены, 2011. – 452 с.
3. **Барадулін, Р.** Выбраныя творы / Р. Барадулін ; [уклад., прадм., камент. М. Скоблы]. – Мінск : Кнігазбор, 2008. – 596 с.

4. **Барадулін, Р.** Збор твораў : у 5 т. / Р.І. Барадулін ; [прадм. В. Сёмуха]. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1996 – 2002. – Т. 1–3.
5. **Караткевіч, У.** Збор твораў : у 8 т. / У. Караткевіч. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1987. – Т. 1 : Вершы, паэмы. – 431 с.
6. **Максімовіч, В.** “Каб не страціць святое штосьці” : Нацыянальны космас у творчасці Р. Барадуліна / В. Максімовіч // Роднае слова. – 1994. – № 7-8. – С. 23–25.

Паступіў у рэдакцыю 09.04.2012 г.

УДК 81'255.4 + 81'371

Т.А. СЕЛЕЗНЕВА

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ В СТРУКТУРЕ КОДИРОВАННЫХ ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИХ РЕАЛИЙ (на примере английского и немецкого языков)

В статье рассмотрены кодированные лингвострановедческие реалии в структуре английского и немецкого языков, многие из которых образованы на основе метафор. В структуре упомянутых лексических единиц некоторые метафорические модели являются типовыми, заключающими в себе определенную культурную информацию. Изучение данных лексических единиц способствует развитию межкультурной компетенции будущих специалистов-филологов.

Введение

Проблема кодирования информации и, соответственно, ее языковой интерпретации тесно связана с определением механизмов возникновения единиц ментального лексикона, языковых структур, представляющих языковую картину мира, организующих знания о мире и отражающих фиксацию своеобразия способа освоения мира носителями того или иного языкового сознания, их особенности мышления, отношение к реалиям собственной культуры. Изучение антропологического фактора в языке является одним из актуальных направлений лингвистических исследований лингвокультурологии, нацеленной на изучение и описание культурного пространства и культурного фона коммуникативного пространства сквозь призму языка.

Социально-культурное значение решения данной проблемы обусловлено существовавшим и существующим этническим и языковым многообразием, межъязыковыми контактами, взаимодействием и взаимовлиянием языков, ситуациями билингвизма и полилингвизма в прошлом и настоящем. Сопоставительные исследования способствуют просвещению и воспитанию современного человека в многоязычном и многокультурном мире, реализации компетентностной модели подготовки специалистов-филологов, ориентированных на результативную профессиональную деятельность.

Межкультурная коммуникация как процесс вербального и невербального общения между коммуникантами, являющимися носителями разных культур и языков, предполагает целостный и системный подход к обучению иностранному языку как обучению иноязычной культуре и, следовательно, выводит преподавание иностранных языков на междисциплинарный уровень – на стык таких наук, как лингвистика, психолингвистика, лингводидактика, культурология и т.д.

В ходе исторического развития общества и накопления информации многие лингвострановедческие реалии подвергаются особому языковому кодированию, отражающему отношение носителей языка к реалиям своей культуры. Вследствие этого возникает проблема правильной интерпретации подобных реалий в контексте межкультурной коммуникации. При работе с аутентичными печатными, аудио- и видеоматериалами трактовка данных реалий вызывает наибольшую сложность. В связи с этим актуальным является сопоставительное исследование вышеназванных единиц, в частности, кодированных лингвострановедческих реалий в структуре английского и немецкого языков.

Основная часть

Понятие “код” ассоциируется, как правило, с понятиями “шифр”, “кодирование” и “декодирование”. Являясь одним из древнейших понятий целого ряда областей науки, определение понятия “код” до сих пор вызывает споры в научной среде. С одной стороны, в качестве базового семиотического термина “код” трактуется как “закон соответствия между планом выражения и планом содержания знака” [1, с. 7]. С другой стороны, при обращении к конкретной области научного знания понятие “код” приобретает новые грани значения. В разное время понятие кода по-разному интерпретировалось такими учеными, как Р. Барт, М.М. Бахтин, К. Леви-Строс, Ю.М. Лотман, У. Эко, Р. Якобсон и др. При рассмотрении данного понятия в рамках культурологии все явления культуры представляют собой знаковые системы, прочитываемые при помощи различных кодов. Если же в данном случае принять во внимание и тезис Э. Сепира о том, что язык является продуктом социального и культурного развития, то язык также предстает в роли некой “системы кодов”. С позиции семиотического подхода к изучению языка и культуры язык является самой сложной, мощной и универсальной знаковой системой, т.к. может интерпретировать другие знаковые системы (например, все виды искусства), которые одновременно являются объектами культуры. Код в данном случае представляет собой “класс знаков и правила их “прочтения” интерпретатором, которые обусловлены той или иной культурой, в которой они будут прочтены, тем или иным культурным хронотопом, культурной компетенцией интерпретатора” [1, с. 7]. Данную точку зрения подтверждает и мнение разработчика теории универсального семантического кода В.В. Мартынова, считающего, что семантически неоднозначные единства (фразы) понятны человеку только благодаря пресуппозиции, отражающей его предшествующий индивидуальный и коллективный опыт [2]. Под пресуппозицией в данном случае он понимает “некоторое предварительное знание (модель мира), основанное на индивидуальном опыте человека и коллективном опыте человечества”, на котором и основывается понимание в процессе коммуникации [2, с. 5].

В поле культуры выделяются три формы кода, а именно: реальный (предметы, вещи), акциональный (действия) и вербальный (слова) [1]. Вербальный код культуры может рассматриваться как базовый и основной, т.к. единицы и реального, и акционального кодов культуры могут “вербализоваться”, т.е. стать составляющими вербального кода.

Коды культуры занимают центральное положение в национальном культурном пространстве, являются его структурообразующими элементами, присутствуя в когнитивной базе лингвокультурного сообщества, и неизбежно находят свое отражение в языке. Культурное пространство при этом понимается как форма существования культуры в человеческом сознании, а информационная когнитив-

ная база лингвокультурного сообщества – как совокупность представлений и знаний, которыми обладают все или подавляющее большинство социализированных представителей этого сообщества [1]. С позиции В.В. Красных, “код культуры” представляет собой “сетку, которую культура набрасывает на окружающий мир, категоризирует, структурирует и оценивает его” [3, с. 232]. Коды культуры универсальны, но их проявления в каждой отдельной культуре, языковые средства, в которых они реализуются, а также их содержание исторически и национально обусловлены.

Особенности представления одной и той же вещи носителями разных культур объясняются различным культурным кодом; при этом под “культурным кодом” понимается бессознательный смысл той или иной вещи или явления, будь то машина, еда, отношения, даже страна в контексте культуры, в которой человек воспитан [4, с. 16].

Вербальный код в иерархии кодов культуры более, чем другие, подвержен различного рода модификациям и трансформациям, а лексика любого языка активнее всего подвержена различного рода новациям, вызываемым изменениями в культурной жизни общества. По Ю.М. Лотману, культура представляет собой негенетическую память коллектива, для передачи которой необходима обработка, кодировка и символизация информации [5]. Человек обладает семиотическими способностями к созданию и восприятию новых кодов уже на ранних этапах социализации – с тем, чтобы более выразительно, не прилагая излишних усилий, коротко и ясно излагать свои мысли и интенции. К созданию кодов прибегают и тогда, когда возникает необходимость дать конкретное воплощение абстрактному понятию. И, наконец, к созданию кодов, в том числе в рамках вербального кода культуры, прибегают в случае, когда в узких рамках отдельных языковых единиц наряду с денотативным значением стремятся выразить эмотивный потенциал, спектр коннотативных значений либо совокупность ассоциаций, вызываемых той или иной реалией культуры.

Реалии – слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому; будучи носителями национального и/или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках, а следовательно, не поддаются переводу на общем основании, требуя особого подхода [6]. Реалии являются объектом лингвистики, т.к. представляют собой языковые единицы и на общем основании подчиняются законам соответствующего языка.

Некоторые лингвострановедческие реалии в ходе развития общества подвергаются специфическому языковому “кодированию”. Чем же вызвано появление подобных реалий – уже не столько реалий культуры, сколько языковых явлений?

Язык – порождение человеческой способности к постоянной и непрерывной метафоризации, к обозначению одного через другое. В течение всей жизни человек испытывает потребность к игре со значениями, к так называемой “тотальной метафоризации для эстетического удовольствия” [1, с. 13]. Этим отчасти и объясняется многообразие образно-стилистических средств в структуре языка. Не имея возможности выразить свои эмоции, свой личный опыт общения с окружающей действительностью за счет уже имеющихся в языке средств и, соответственно, лексических единиц, метафорическая природа языковой способности личности заставляет ее создавать новые культурные коды – соответственно, новые лекси-

ческие единицы. “Жизненный путь” лексических новаций различен, одни исчезают так же быстро, как появились, ибо “нет второго шанса получить первое впечатление” [7, с. 29]; другие – в разной степени прочности – закрепляются в лексической системе языка.

Под кодированными лингвострановедческими реалиями (далее – КЛР) понимаются детерминированные кодом культуры лексические единицы, представляющие собой номинативные аналоги лингвострановедческих реалий, выраженные в языке с помощью многообразия стилистических средств (метафор, перифраз и др.) и отражающие отношение носителей языка к реалиям своей культуры. Средствами выражения КЛР в языке выступают, как правило, три вида стилистических фигур, а именно: метафора, перифраза и метонимия (таблица 1).

Таблица 1

Средства выражения КЛР

Средство	English	Deutsch
метафора	<i>The Kirk</i> (Church of Scotland), <i>the Smoke</i> (London)	<i>Anti-Teuro-Gipfel</i> (Konferenz gegen erhöhte Preise seit der Euro-Einführung)
перифраза	<i>Irish Canterbury</i> (Armagh, Northern Ireland), <i>City of Dreaming Spires</i> (Oxford)	<i>Elbflorenz</i> (Dresden), <i>Stadt der Springbrunnen</i> (Leipzig)
метонимия	<i>Gilded Chamber</i> (House of Lords of the British Parliament), <i>The Old Bailey</i> (Central Criminal Court in London)	<i>Der Baedeker</i> (ein Reiseführer für Reiseziele im In-und Ausland; erschien erstmals 1832 in dem vom Namensgeber Karl Baedeker 1827 ergründeten Verlag in Koblenz)

Знание единиц КЛР представляется необходимым в первую очередь тем, кто одновременно либо в порядке очередности, самостоятельно либо в рамках вузовской системы образования изучает несколько иностранных языков. В данном исследовании будут рассмотрены КЛР в структуре английского и немецкого языков.

Материалом для анализа единиц КЛР в английском языке послужили лингвострановедческие реалии, представленные в словарях: “Лингвострановедческий словарь Великобритании” (1980), Oxford Guide to British and American culture (2004), The Oxford Dictionary of Modern Slang (1992), The Oxford Dictionary of Rhyming Slang (2003) [8; 9; 10; 11]. Исследование показало, что в вышеназванных источниках содержится 1059 единиц КЛР.

В немецком языке КЛР как один из компонентов разговорной речи также находят отражение во многих сферах жизнедеятельности человека. По результатам анализа лингвострановедческих реалий, представленных в словарях (Германия: страна и язык = Landeskunde durch die Sprache 1998, Немецко-русский иллюстрированный лингвострановедческий словарь 2001, Deutsches Neologismenwörterbuch: neue Wörter und Wortbedeutungen in der Gegenwartssprache 2007), были выявлены 392 единицы КЛР [12; 13; 14].

Целью настоящего исследования стало описание метафорической природы КЛР в английском и немецком языках и выделение функционирующих в структурах данных лексических единиц типовых метафорических моделей путем использования метода семантического моделирования для анализа их словарного состава. Решение задач исследования нацелено, с одной стороны, на выявление механизмов, ответственных за появление в лексике подобных единиц, с другой

стороны – на повышение уровня межкультурной компетенции русскоязычных специалистов-филологов, изучающих английский и немецкий языки.

Как показал семантический анализ выделенного словарного состава КЛР, каждая третья из подобных реалий образована путем метафоризации значений. Что же делает метафору столь продуктивным средством образования КЛР?

В рамках риторики, поэтики, стилистики и теории литературы метафора (от греч. *metaphora*, *meta* – ‘над’ и *phora* – ‘нести’) традиционно рассматривается как средство создания образности речи. Сложность и многоаспектность феномена метафоры, частое использование метафорических структур как в литературном языке, так и в единицах субстандартной лексики обуславливают значительное разнообразие теорий и ракурсов изучения метафоры.

Одной из наиболее актуальных проблем изучения данного феномена, особенно важной для нашего исследования, является выяснение степени соотношения метафоры и реальности. В лингвистической науке стремление получить наиболее достоверное представление о данном соотношении “породило” в свое время три довольно различных, но не исключающих друг друга перспективы: 1) теории, сосредотачивающиеся на способности метафор *описывать* действительность; 2) теории, исследующие способность метафор *быть составляющей частью* действительности и 3) теории, предлагающие рассматривать потенциал метафор как средство *критики и преобразования* действительности.

Для последователей теории, сосредотачивающейся на описательных возможностях метафор, ценность последних заключается в их способности обеспечить понимание уже существующей действительности. С точки зрения Аристотеля, создателя первой теории метафоры, и его последователей, изучающих метафору с философской точки зрения, метафора предоставляет возможность пролить свет на те стороны действительности, которые не поддаются описанию никаким другим способом [7].

Исторически упор на “креативную” функцию метафоры берет начало с романтических теорий языка, которым было свойственно видеть в метафоре манифестацию воображения. В близкой к данной мысли теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона метафора является своеобразным способом манифестации в речи опыта индивида: “The way we think, what we experience and what we do every day is very much a matter of metaphor” [15, с. 124]. М. Джонсон также подчеркивает, что окружающий мир по своей природе метафоричен, и метафоры, эволюционируя, в определенной степени способны изменить мировоззрение индивида: “...our world is an imaginative, value-laden construction, [and so,] metaphors that alter our conceptual structures (...) will also alter the way we experience things” [16, с. 41].

Мир объективизма не всегда доступен для точного описания. Тем не менее, конструируется он, как правило, под влиянием языка и ограниченных человеческих знаний о действительности. Некоторые ученые, такие как М. Бирдсли, подвергают критике теорию метафоры как теорию сравнения объектов, поскольку, по их словам, эффект метафоры часто достигается путем апелляции не к денотату, а к коннотату [17]. Иными словами, часто искомое свойство обнаруживается не в свойствах самого объекта, а в ассоциациях, которые возникают у индивида в связи с употреблением слова, использованного для обозначения того или иного объекта или явления.

Одной из важнейших функций метафоры является информационная когнитивная функция, иными словами, функция получения нового знания, предполагающая разработку темы метафоры как пути рождения нового смысла. В основе процессов метафоризации лежат процедуры обработки структур знаний – фрей-

мов и сценариев. Знания, реализующиеся во фреймах и сценариях, представляют собой обобщенный опыт взаимодействия человека с окружающим миром – как с миром материальных объектов, так и с социумом.

Представители современной когнитивной лингвистики (Н.Д. Арутюнова, А.Н. Баранов, М. Джонсон, Ф. Джонсон-Лэрд, Ю.Н. Караулов, Е. Киттей, И.М. Кобозева, Е.С. Кубрякова, Дж. Лакофф, В.В. Петров, М. Тернер, Ж. Фоконье, А.П. Чудинов и др.) рассматривают метафору как основную ментальную операцию, как способ познания, структурирования и объяснения мира. Человек не только выражает свои мысли при помощи метафор, но и мыслит метафорами, создает при помощи метафор тот мир, в котором он живет, а также стремится в процессе коммуникативной деятельности преобразовать существующую в сознании адресата языковую картину мира. Процессы метафоризации – это специфические операции над знаниями, часто приводящие к изменению онтологического статуса знания, когда неизвестное становится известным, а известное – совершенно новым и т. п. В когнитивном плане процесс метафоризации близок к модели рассуждения по аналогии, в основе которой лежит представление о передаче информации или знаний между двумя концептуальными областями или полями: источником и целью.

Для выявления внутреннего строения области источника и области цели зачастую обращаются к метаязыку фреймов и сценариев. Фрейм – это представление обычной ситуации в виде набора слотов, каждый из которых является некоторым типом информации, релевантным для описываемого фрагмента действительности [18].

Понятие метафорической модели непосредственно опирается на когнитивную теорию метафоры. Метафорическая модель (М-модель) – это регулярный перенос двух и более слов, тематически соотносительных, с одного класса предметов на другой на основе сходства предметов или их оценки [19]. В рамках когнитивной теории метафоры М-модель – это существующая в сознании носителей языка взаимосвязь между понятийными сферами, при которой система фреймов (концептов) одной сферы (сферы-источника) служит основой для моделирования понятийной системы другой сферы (сферы-магнита) [19]. Таким образом, метафорическая модель – это существующая и / или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между понятийными сферами, которую условно можно представить формулой “X – это Y” [19]. Например, “спортивное соревнование – это война”. Отношение между компонентами формулы понимается не как прямое отождествление, а как подобие “X подобен Y” – спортивное соревнование подобно войне. При таком моделировании в сфере-магните обычно сохраняется не только структура исходной области, но и эмотивный потенциал, характерный для концептов сферы-источника, что создает широкие возможности воздействия на эмоционально-волевою сферу адресата в процессе коммуникативной деятельности.

Категория М-модели подразумевает классификацию (систематизацию) областей источника метафоризации (в противоположность цели). Имя метафорической модели обычно дает слово, являющееся родовым по отношению к словам, представляющим элементы ее понятийной системы.

Особого внимания требуют критерии определения семантики и объема М-модели. При выявлении М-модели целесообразно установить структуру значения лексем, выделяя интегральные семы как прямых, так и переносных значений у тематически соотносительных слов. Обязательный минимум при опреде-

лении модели – наличие хотя бы двух лексем, имеющих сходные прямые и переносные значения [20]. Важным критерием при рассмотрении М-модели является также определение типа ассоциаций – на основе каких признаков было установлено сходство двух предметов.

Возможны различные подходы к систематизации М-моделей. Во-первых, за основу для систематизации можно взять исходную понятийную сферу (сферу-источник метафорической экспансии) и выделить ряд однотипных моделей. Во-вторых, за основу для классификации можно взять сферу метафорического притяжения (“сферу-цель”) и на этой основе выделить следующий ряд однотипных моделей. Наконец, за основу для классификации можно взять основные фреймы понятийного поля, являющегося объектом метафорического притяжения (“сферой-целью”). Так, в понятийном поле “политика” можно выделить следующие фреймы: субъекты политической деятельности (люди), политические организации (партии и т.п.), политические институты (парламент, правительство, муниципальные органы власти), политическая деятельность, отношения между субъектами политической деятельности и т.п. Соответственно, в отношении каждого из вышеупомянутых фреймов можно выделить несколько М-моделей.

Точное количество М-моделей и их классификаций неизвестно. Тем не менее, основываясь на исследованиях современных лингвистов, можно сделать вывод о том, что природа большинства из них является антропоцентрической, т.к. в основу их положен жизненный опыт самого индивида, а степень продуктивности пополнения метафорическими новациями определенных семантических сфер и конкретная семантика этих новаций во многом отражают современную языковую картину мира. В этом случае целенаправленный анализ функционирующих в сфере КЛР М-моделей может способствовать выявлению тенденций развития дискурса и помочь определить степень влияния изменений социально-экономического характера на функционирование языка.

Как правило, проблема метафорического моделирования рассматривается в контексте художественной литературы и публицистики. Тем не менее, в конце последнего десятилетия XX в. лингвисты пришли к выводу, что субстандартная лексика также может быть источником-носителем определенных специфических М-моделей.

В КЛР отражены многие сферы жизнедеятельности человека, в том числе метафорически. Дальнейший анализ выделенного лексического состава КЛР позволил выявить следующее: более трети единиц КЛР, как в английском (35,8%), так и в немецком (34%) языках, образованы за счет метафор, в рамках которых фигурируют типовые М-модели. По результатам исследования нами были выявлены типовые модели метафорического переноса в структуре КЛР в английском (таблица 2) и немецком языках (таблица 3).

Таблица 2

Модели метафорического переноса в структуре английских КЛР

Английский язык		
№ п/п	М-модель	Пример
1	предмет/явление природы – географический объект	<i>Garden of England</i>
2	философское переосмысление событий и явлений – события и явления	<i>The Troubles</i>
3	род деятельности/промысла – географический объект	<i>The Potteries</i>
4	ассоциация, связанная с тем или иным маршрутом, – конкретный вид транспорта	<i>Executive</i>

Окончание табл. 2

Английский язык		
№ п/п	М-модель	Пример
5	представители животного и растительного мира – конкретная личность	<i>The Beaver</i>
6	родственная связь – статус/иерархическая ступень в рамках учреждения	<i>Baby/Father of the House</i>
7	национальность – средство транспорта	<i>Flying Scotsman</i>
8	ассоциация, связанная с тем или иным местом, – географический объект	<i>Square Mile of Vice</i>
9	конкретное лицо – место, ассоциируемое с этим человеком	<i>Constable Country</i>
10	статус – конкретное учреждение/институт	<i>The 5th Estate</i>

Таблица 3

Модели метафорического переноса в структуре немецких КЛР

Немецкий язык		
№ п/п	М-модель	Пример
1	род деятельности/промысла – географический объект	<i>Samt- und Seidenstadt</i>
2	неодушевленный предмет обихода – географический объект	<i>Schreibtisch des Ruhrgebiets</i>
3	ассоциация, связанная с той или иной личностью, – географический объект	<i>Der lange Eugen</i>
4	имя собственное – определенный вид оружия	<i>Die dicke Berta</i>
5	философское переосмысление событий и явлений – события и явления	<i>Stunde Null</i>
6	профессия/род деятельности – конкретное лицо	<i>Sparbücher-Agitator</i>
7	абстрактное понятие I – абстрактное понятие II	<i>Die braune Pest</i>
8	органы/части тела – географический объект	<i>Der Bauch von Berlin</i>
9	представители животного и растительного мира – конкретная личность	<i>Nachtigall von Wittenberg</i>
10	абстрактное понятие – события политической и экономической жизни страны	<i>Wechselgipfel</i>

Как видно из вышеперечисленного, 4 из 10 М-моделей КЛР являются типовыми как для английского, так и для немецкого языков (М-модели: 3-1, 2-5, 5-9, 9-3). Кроме того, “параллели” были выявлены и среди единиц КЛР, образованных за счет других стилистических средств – таких, как метонимия: ‘*the Ironsides*’, ‘*the Iron Duke*’, ‘*the Iron Lady*’ (Margaret Thatcher, English) / ‘*der eiserne Kanzler*’ (Otto von Bismark, Deutsch). Все это, а также тот факт, что некоторые из выше-названных выражений КЛР прочно вошли в лексику русского языка (такие, как “Железная леди”), доказывает сходство моделирования КЛР как лексических единиц в разных языках.

В субстандартной лексике метафора по праву считается одной из лингвистических словообразовательных моделей, т.к. именно метафора согласуется с ее экспрессивно-оценочной функцией, выражая отношение говорящего к обозначаемому через выбор определенного языкового знака. Это обусловлено тем, что в метафоре совмещаются три модальности – оценочная, эмотивная и стилистическая, что можно проследить, в частности, на примере так называемой “цветописи” в выражениях общего американского сленга (*lettuce, cabbage, spinach – ‘dollar’*). Единицам КЛР в той же мере присущи такие характерные особенности, как яркость, образность, эмоциональность, ирония и юмор. Поэтому неслучайно, что

многие КЛР образованы на базе метафорических переносов, т.е. на базе семантического способа словообразования.

Результаты анализа словарного состава КЛР свидетельствуют о том, что ментальными сферами-источниками типовых М-моделей в данном случае являются: мир природы, совокупность ассоциаций, порождаемых мышлением человека; сфера абстрактных понятий, мир предметов обихода каждого индивида; характеристика человека по национальным и этническим признакам, как и характеристика индивида с позиции его рода деятельности и личностных качеств (метафорический перенос смыслов осуществляется в данном случае через информированность социума о ведущих изобретениях той или иной нации в различных областях науки и техники). Сигнификативной зоной может также выступать философское осмысление индивидом своего жизненного опыта; качества (сущность, черта характера), ассоциируемые с известной личностью либо литературным персонажем. В то же время денотативной зоной является совокупность предметов и явлений окружающей действительности. Метафорический перенос смыслов происходит за счет переноса как положительного, так и отрицательного жизненного опыта индивида на некоторые понятия и явления окружающего мира; опыта чувственного (зрительного, вкусового, слухового и тактильного) восприятия индивида во взаимодействии с окружающей действительностью. Переосмысливая свою жизнь в самых различных ее проявлениях, человек склонен оценивать некоторые жизненные ситуации с самых разных точек зрения, и в данном случае на примере выражений КЛР можно изучить некоторые наиболее типичные из представлений индивида о себе самом и об отношении человека к окружающей его действительности. Связующим компонентом, на основе которого может осуществляться процесс метафоризации, выступает также опыт активного общения индивида с социумом, опыт коммуникации; часто в выражениях КЛР прослеживается система общественных отношений, реалии и стереотипы определенного социума.

Заключение

Как можно заключить из вышеизложенного, не только сами выражения КЛР, но и направления метафорического переноса в данных лексических единицах сконцентрированы на человеке и его жизни в условиях постоянно меняющегося общества. Лингвистический анализ вышеупомянутых типовых М-моделей в обоих языках свидетельствует о том, что метафорический перенос смыслов из ментальной сферы-источника в ментальную сферу-магнит происходит главным образом на основе опыта обращения индивида с миром материальных вещей, а также на основе опыта взаимодействия человека с социумом в различных жизненных обстоятельствах, видах деятельности и актах коммуникации. Следует отметить, что опыт подобного рода у представителей разных этносов может быть различен. Если так, то данные исследования М-моделей в рамках субстандартной лексики (в нашем случае – в рамках КЛР) могут помочь раскрыть некоторые стороны концептуальной системы народа-носителя языка и способствовать дальнейшему профессиональному совершенствованию специалистов в области иностранного языка.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Гудков, Д.Б.** Телесный код русской культуры: материалы к словарю / Д.Б. Гудков, М.Л. Ковшова. – М. : Гнозис, 2007. – 285 с.
2. **Мартынов, В.В.** Семантический код в линейном и нелинейном представлении / В.В. Мартынов // АН БССР ; Ин-т языкознания им. Я. Коласа. – Минск, 1980. – 57 с.

3. **Красных, В.В.** Этнопсихолінгвістыка і лінгвокультуролагія / В.В. Красных. – М. : Гнозис, 2002. – 283 с.
4. **Рапай, К.** Культурны код / К. Рапай. – М. : Альпіна Бізнес Букс, 2008. – 166 с.
5. **Лотман, Ю.М.** Стат'і па семиотыцы культуры і мастацтва / Ю.М. Лотман. – СПб. : Акад. праект, 2002. – 542 с.
6. **Влахов, С.И.** Непереводзімае ў перакладзе / С.И. Влахов, С.П. Флорін. – М. : Р. Валент, 2009. – 360 с.
7. Новейший философский словарь. – 3-е изд., исправл. – Минск : Книжный дом, 2003. – 1280 с.
8. Великобритания: Лингвострановедческий словарь / А.Р.У. Рум [и др.] ; под общ. ред. Е.Ф. Рогова. – М. : Рус. яз., 1980. – 480 с.
9. The Oxford Dictionary of Modern Slang / J. Ayto, J. Simpson. – OXFORD : University Press. – 1992. – 299 p.
10. The Oxford Dictionary of Rhyming Slang / J. Ayto. – OXFORD : University Press. – 2002. – 309 p.
11. The Oxford Guide to British and American Culture / G.M. Hawkins. – OXFORD : University Press. – 2004. – 499 p.
12. **Куликов, Г.И.** Немецко-русский иллюстрированный лингвострановедческий словарь / Г.И. Куликов, В.И. Маргинецкий, А.И. Ладисов. – Минск : Выш. шк., 2001. – 294 с.
13. **Мальцева, Д.Г.** Германия: страна и язык = Landeskunde durch die Sprache / Д.Г. Мальцева. – М. : Рус. слов., 1998. – 383 с.
14. Deutsches Neologismenwörterbuch: neue Wörter und Wortbedeutungen in der Gegenwartssprache / herausg. von Uwe Quasthoff. – Berlin : Walter de Gruyter, 2007. – 690 S.
15. **Lakoff, G.** Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson. – The University of Chicago Press. – 1980. – 242 p.
16. **Johnson, M.** Introduction: Metaphor in the Philosophical Tradition / M. Johnson // Philosophical Perspectives on Metaphor. – University of Minnesota Press. – 1981. – P. 3–47.
17. **Бирдсли, М.** Метафорическое сплетение / М. Бирдсли // Теория метафоры / под общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. – М. : Прогресс, 1990. – С. 201–218.
18. Encyclopedia of Language & Linguistics / K. Brown, A.H. Anderson, L. Bauer, M. Berns, G. Hirst, J. Miller. – Elsevier Ltd. – 2006. – Vol. 4. – 769 p.
19. Encyclopedia of Language & Linguistics / K. Brown, A.H. Anderson, L. Bauer, M. Berns, G. Hirst, J. Miller. – Elsevier Ltd. – 2006. – Vol. 8. – 750 p.
20. **Чудинов, А.П.** Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / А.П. Чудинов. – Екатеринбург : ЕГУ, 2003. – 248 с.

Поступила в редакцию 03.01.2013 г.

УДК 811.112.2'36

И.В. ШИТИКОВА

СТРУКТУРООБРАЗУЮЩИЕ СВОЙСТВА СИНТАКСИЧЕСКОГО ПАРАЛЛЕЛИЗМА В ТЕКСТЕ

Избранное для исследования явление экспрессивного синтаксиса, традиционно обозначаемое термином “синтаксический параллелизм”, является одним из средств создания структуры и семантики текстов различной коммуникативно-речевой направленности. В данной статье предпринята попытка раскрыть суть синтаксического параллелизма как явления, которое способно придавать текстоформированию логическую стройность и экспрессивность.

рессивную форму вследствие особой выделенности явления в развертывании воплощаемого содержания.

Введение

Повышение на сегодняшний день интереса лингвистической науки к коммуникативному аспекту языка активизировало новые направления стилистических исследований. Заметная роль среди них отводится явлениям экспрессивного синтаксиса, в сферу которого входят структуры, способные влиять на прагматическую ценность сообщаемой информации. Одной из таких структур правомерно считать синтаксический параллелизм, не нашедший еще достаточно полного отражения в исследованиях, в том числе на материале современного немецкого языка.

Основная часть

Речь идет о системном явлении, известном как важнейшая фигура речи со времен античной риторики. Уже можно считать установленным, что синтаксический параллелизм действительно служит конструктивным способом построения речевого целого и проявляется как частный случай общего принципа симметрии, будучи реализуем через повтор [1, с. 28].

В более развернутом виде рассматриваемому феномену может быть дана следующая дефиниция: синтаксический параллелизм есть системно-структурное единство, состоящее как минимум из двух конструкций, характеризующихся логико-смысловой общностью и синтаксической тождественностью организации его компонентов. Основу организации составляет параллелизм [2, с. 2].

С точки зрения логики и психологии параллелизм – это аналогия, соотношение модели с прототипом, предполагающее сходство как общность характерных черт. В языке параллелизм проявляется именно через симметрию. Здесь можно констатировать аналогию между моделью и прототипом в плане содержания и в плане сходства формальных черт, т.е. двойную аналогию – содержательную и формальную [3, с. 75].

Соответственно, и в “Энциклопедическом словаре-справочнике лингвистических терминов и понятий” синтаксический параллелизм (греч. *parallelos* “находящийся или идущий рядом”) трактуется как “симметричное расположение грамматически значимых элементов в соседних высказываниях текста” [4, с. 299]. Иначе говоря, здесь также признается, что в основе организации синтаксического параллелизма лежит принцип симметрии в виде симметричного расположения составляющих его параллельно оформленных компонентов.

Синтаксический параллелизм в языковой реализации – полифункциональное явление, способное выполнять одновременно несколько функций, зависящих от месторасположения в тексте и объема (микро- и макропараллелизм), сочетания с другими стилистическими приемами, контекста, типа текста или функционального стиля. При этом в текстах всех функциональных стилей он выполняет две общие функции – ритмообразующую и конструктивную. Конструктивная функция может реализоваться как связующая, архитектурная (текстообразующая) или композиционная. Логично говорить и об экспрессивной функции, которая свойственна синтаксическому параллелизму в текстах ряда функциональных стилей. Исключение составляют те стили, которым “противопоказана” эмоциональность (административный и научный) [3, с. 95].

Тем самым параллелизм включает в себе логико-семантический и эмоционально-эстетический аспекты и может возникать в любом информационном объе-

ме, притом что основой его реализации является повтор, создающий параллелизм. В зависимости от того, повтор каких элементов и каких уровней присутствует в данном тексте, возникают различные типы параллелизма – микропараллелизм или макропараллелизм. Как типы реализации они выделяются в исследованиях многих лингвистов.

На уровне микроконтекста синтаксический параллелизм может организовываться словосочетаниями (илл. 1), предикативными частями в составе сложного предложения (илл. 2); на уровне макроконтекста – предложениями (простыми и/или сложными) в составе сложного синтаксического целого (илл. 3) [1, с. 12].

1. *Alles ist auszugleichen,
Der Arme mit dem Reichen,
Das Harte mit dem Weichen,
Der Große mit dem Kleinen,
Das Grobe mit dem Feinen*

(Ruckert. Aus dem Nachlaß)

2. Er legte ihren Schlüssel auf den Tisch, sie las seine Gedanken vom Gesicht.
3. Sie war reich und bekam die Ausbildung in England.
Sie war klug und heiratete den Scheich in Syrien.
Sie war schon und pflegte ihre Schönheit in Salonen.

Месторасположение на двух языковых уровнях и в двух объемах (микропараллелизма и макропараллелизма) заслуживает сопоставительного рассмотрения. Так, Р.В. Скияренко приходит к выводу, что в рамках микропараллелизма компонентами семантико-структурного единства часто являются параллельно организованные однородные члены предложения, в рамках макропараллелизма – параллельно оформленные простые или сложные предложения, которые могут быть как контактными, так и дистантно расположенными [5, с. 2]. И.А. Пуленко, исследовавшая особенности синтаксического параллелизма в публицистической речи, также выделяет два типа: микропараллелизм – параллелизм главных и второстепенных или только второстепенных членов предложения и макропараллелизм – параллелизм сложного предложения и всего контекста. С возрастанием объема меняются функции синтаксического параллелизма. Чаще всего микропараллелизм служит ритмообразующим средством внутрифразового плана, а так как ритм – это одна из форм создания экспрессивности, то одновременно реализуется и экспрессивная функция. Макропараллелизм участвует в создании коммуникативной, структурной и семантической целостности высказываемого, соответственно, выполняя конструктивную (организующую) функцию, которая в большом информационном объеме является первичной по отношению к экспрессивной [6, с. 14]. Таким образом, можно говорить о перераспределении в коммуникативной реализации экспрессивной и конструктивной функций по мере увеличения информационного объема.

Употребление микропараллелизма в устной, в том числе публицистической речи, объясняется исследователями стремлением к использованию простейших моделей, богатейшим источником чего является фольклорная речь. Это пословицы и афоризмы, которые придают публичным речам лаконичность и информативность и то же время являются меткой характеристикой явлений общественно-политической жизни. Параллелизм при его выражении однородными членами особенно четко выступает как ритмообразующее средство, выступающее и как условие экспрессивности речи. Такое употребление помогает публицисту ярче, выразительнее добиваться желаемого прагматического эффекта высказывания [6, с. 10].

Макропараллелизм, о чем уже сказано, предполагает организацию сложного предложения и всего контекста. Исследователями установлено, что самым частотным в публицистическом стиле является макропараллелизм, организующий бессоюзное сложное и сложносочиненное предложения [7, л. 52]. Что касается художественных текстов, то в них наблюдается несколько иная тенденция: наибольшее количество случаев синтаксического параллелизма в художественном макроконтексте отмечается в бессоюзных и сложноподчиненных предложениях. В сложносочиненных предложениях он встречается реже всего. Такую картину связывают с особенностями семантических связей между частями предложения и различным лексико-грамматическим выражением этой связи. Параллелизм бессоюзных сложных предложений как лингвистическое явление ближе всего к параллелизму простых предложений, но семантическая связь между частями бессоюзного предложения теснее, чем между симметричными простыми предложениями. В сложноподчиненном предложении, в котором параллельными могут быть либо главные части контактно расположенных предложений, либо придаточные части, обычно симметричны именно последние. При этом придаточные дополнительные и определительные составляют, по свидетельству некоторых авторов, 48% всего употребления параллелизма в сложноподчиненных предложениях. Синтаксический параллелизм одновременно главной и придаточной частей встречается крайне редко [3, с. 80].

Исследуя полифункциональность синтаксического параллелизма, Г.Н. Червакова также выделяет архитектурную функцию параллелизма и связанную с ней ритмико-интонационную организацию текста. Фигура параллелизма, несомненно, придает тексту ритмическую организованность [8, с. 16]. Наряду с этим также подчеркивается, что стилистические возможности синтаксического параллелизма различны при его использовании в абзаце или строфе и за их пределами. В абзаце или строфе стилистическое воздействие параллелизма основано на воздействии структурного тождества компонентов фигуры с грамматическими категориями и лексическим наполнением. Благодаря этому параллелизм реализует свойства повышения эмоциональности, интенсификации смысла, сопоставления элементов содержания на основе сходства, объединения частей в целое или членения целого на части. И все это содействует достижению наибольшей наглядности изображения, вплоть до выражения контраста. За пределами абзаца или строфы синтаксический параллелизм становится архитектурным приемом, связывая части текста. В архитектурной функции он используется для логического членения речи, для интенсификации смысла и усиления эмоционального воздействия, как повтор-лейтмотив [8, с. 19-20].

Природа синтаксического параллелизма характеризуется как импульсность. После того как действие первого импульса повлияло на воображение адресата, последующие подобные импульсы, корректируясь направленностью первого, захватывают все большую сумму представлений. В результате влияние второго импульса оказывается сильнее, а следующие далее импульсы, распространяясь на еще большую сумму представлений, все сильнее влияют на сознание адресата.

Синтаксический параллелизм не случайно признается одним из наиболее выразительных явлений экспрессивного синтаксиса. Утвердилось мнение, что составляющими компонентами категории экспрессивности вообще являются эмоциональность, оценочность, интенсивность, образность, и все они соединяются в синтаксическом параллелизме, хотя и представлены по-разному (количественно и качественно) в различных стилевых, жанровых и индивидуально-ав-

торских контекстах. При этом экспрессивность создается самой структурой синтаксического параллелизма.

Синтаксический параллелизм часто рассматриваются среди фигур прибавления, то есть таких фигур, которые порождают избыточность. Как известно, информация может быть полной, частичной и избыточной, а именно полное или даже частичное повторение сообщаемого называется в теории информации избыточностью. Иначе говоря, избыточной считается информация, которая передается элементами высказывания, известными из предыдущего сообщения, или элементами, при исключении которых она может быть правильно понята реципиентом. В избыточных структурах элементы формы преобладают над элементами содержания, и именно поэтому фигуры синтаксического параллелизма нередко интерпретируются как избыточные [9, л. 52].

Вместе с тем существует и другое мнение, согласно которому избыточность в конструкциях синтаксического параллелизма – явление факультативное, так как с точки зрения информативной ценности повтор не может быть отнесен к заведомо избыточным явлениям: он выполняет необходимые для полноценного процесса коммуникации функции. Параллельная синтаксическая организация не может заведомо считаться избыточной еще и по той причине, что она подчинена основной цели авторского повествования – показать ведущее, главное в данной ситуации. К тому же конструкции синтаксического параллелизма нельзя назвать избыточными и потому, что они часто используются во взаимодействии с эллипсом – фигурой убавления, организованной по принципу экономии языковых средств. Например: *Er begann als Techniker im Betrieb zu arbeiten, sie – als Buchhalterin in demselben Betrieb*. При таком употреблении конструкции синтаксического параллелизма могут являться средством экономии в передаче информации. Следовательно, избыточность в конструкциях синтаксического параллелизма вполне правомерно считать факультативной.

Необходимо еще указать и на то, что целесообразно разграничивать грамматическую избыточность и предметно-смысловую избыточность, сопровождаемые экспрессивностью. Если речь идет о повторе в параллельных конструкциях структурных элементов, то это может только с логической точки зрения восприниматься как избыточность. Таким образом, конструкции синтаксического параллелизма, безусловно, явление избыточное с точки зрения структуры, но с точки зрения содержания это выглядит уже иначе. Параллельные конструкции несут новую экспрессивную смысловую информацию в отличие от предметно-логической. К тому же, как уже упоминалось, они часто используются наряду с эллипсисом, что, в свою очередь, способствует экономии лексических средств. Поэтому избыточность содержательного плана может быть только факультативной [9, л. 57].

По имеющимся результатам исследований самым распространенным типом синтаксических отношений в параллелизме являются отношения сопоставления. Сущность сопоставления как способа представления действительности заключается в установлении различий, несоответствия или противопоставления в содержательной характеристике явления. Всякая конкретная реализация сопоставления предполагает наличие указанного рода отношений между соотносящимися элементами конструкции, проявляющими себя с широким кругом оттенков значения – от констатации различий между сходными явлениями до выражения противопоставления. Не менее разнообразны и формальные показатели сопоставительных отношений, в функции которых выступают элементы структуры и

лексического состава конструкций. Так, различия при сопоставлении сходных явлений, а также контрастность и противопоставление передаются путем введения в текст одной или двух антонимичных пар.

Среди элементов структуры, важнейшим средством однозначного выявления соотношений сопоставления являются сопоставительно-противительные союзы. Значительная роль в выражении сопоставительных отношений принадлежит и “внутренней структуре”, в частности, принципу параллельного построения компонентов конструкции. Сопоставление как способ представления действительности предполагает соотносительность различающихся и сходных элементов. Наиболее благоприятными возможностями для выражения соотносительности обладают конструкции с тождественными структурными моделями частей, единообразием грамматического членения и одинаковым порядком следования грамматических членов, то есть те конструкции, формальные характеристики которых составляют основу синтаксического параллелизма [10, с. 17].

Однако не только сопоставление как тип отношений реализуется в параллельной конструкции. При определенном соотношении коммуникативных, структурных и лексико-семантических характеристик могут реализовываться и отношения перечислительного соединения. Границы лексико-семантического наполнения таких конструкций выступают как значительно более зыбкие, а сама лексико-семантическая соотносительность синтаксически подобных элементов в конструкциях перечислительного соединения может отсутствовать.

Заключение

Все вышеизложенное подводит к следующему заключению: наличие синтаксического параллелизма, как и вообще сопоставления слов, принадлежащих к одному и тому же смысловому ряду, содействует изобразительности, меткости, живучести подобных конструкций. Яркая эмоционально-экспрессивная насыщенность в них создается как отдельными компонентами параллелизма, так и значением, возникающим в результате сочетания этих компонентов. А в структурном плане компоненты рассматриваемой синтаксической фигуры связаны однотипностью синтаксического рисунка, формирующего выражение определенного содержания. Это еще раз подтверждает, что синтаксический параллелизм по своей сути – это многоликое полифункциональное явление, которое представляет собой слитное целое двух планов: структуры и смысла. И в этой слитности потенциально присутствует тот комплекс черт, который позволяет относить параллелизм к сфере экспрессивного синтаксиса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Кузнецова, А.А.** Стилистические фигуры, построенные по принципу синтаксического параллелизма, в современном русском литературном языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А.А. Кузнецова ; Красноярский гос. ун-т. – Красноярск, 2003. – 33 с.
2. **Новикова, Т.В.** Синтаксический параллелизм как фигура экспрессивного синтаксиса: (на материале современной французской литературы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Т.В. Новикова ; МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 1992. – 21 с.
3. Синтаксические фигуры как система : коллективная монография / М-во образования и науки РФ, Смоленский гос. ун-т ; науч. ред. Э.М. Береговская. – Смоленск : Издательство СмолГУ, 2007. – 416 с.

4. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык : в 2 т. / под общ. ред. А.Н. Тихонова, Р.И. Хашимова. – М. : Флинта ; Наука, 2008. – Т. 2. – 816 с.
5. **Скляренко, Р.В.** Лингвостилистические особенности синтаксического параллелизма: (на материале англо-американской художественной прозы XX века) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Р.В. Скляренко ; Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. Мориса Тореза. – М., 1987. – 22 с.
6. **Пуленко, И.А.** Экспрессивность синтаксиса публичных речей : (синтаксический параллелизм и порядок слов в подготовленных выступлениях деятелей ФКП) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / И.А. Пуленко ; Мин. гос. пед. ин-т иностр. яз. – Минск, 1988. – 21 с.
7. **Пуленко, И.А.** Экспрессивность синтаксиса публичных речей : (синтаксический параллелизм и порядок слов в подготовленных выступлениях деятелей ФКП) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / И.А. Пуленко. – Одесса, 1988. – 173 л.
8. **Червакова Г.Н.** Синтаксический параллелизм в языке немецкой художественной публицистики : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Г.Н. Червакова ; Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. Мориса Тореза. – М., 1977. – 21 с.
9. **Кузнецова, А.А.** Стилистические фигуры, построенные по принципу синтаксического параллелизма, в современном русском литературном языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А.А. Кузнецова. – Кемерово, 2003. – 257 л.
10. **Рабчинская, И.А.** Синтаксический параллелизм как способ организации сложных конструкций : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / И.А. Рабчинская ; Белорусский ордена Трудового Красного Знамени гос. ун-т им. В.И. Ленина. – Минск, 1976. – 23 с.

Поступила в редакцию 21.12.2011 г.

РЭЦЭНЗИ

Я.Г. РИЕР

НОВАЯ КНИГА О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЕВРОПЕЙСКИХ НАРОДОВ

(Кузьменко Ю.К. Ранние германцы и их соседи:
Лингвистика, археология, генетика. –
СПб., 2011)

Несколько лет назад предположил, что новая информация для решения проблемы начальных этапов формирования славян может исходить лишь от генетиков [1, с. 259]. В недавно изданной книге историка-лингвиста Ю.К. Кузьменко демонстрируются возможности генетических исследований на примере изучения происхождения германских народов. Опираясь, прежде всего, на историческое языкознание, автор представил подробный обзор всех современных концепций, основанных на лингвистических, археологических, генетических и исторических материалах об эпохе от верхнего палеолита (10 тыс. до н.э.) до начала I тыс. н.э. И хотя, не будучи генетиком, он, возможно, в чем-то был неточен¹, работа заслуживает пристального внимания. Тем более что генетики без серьезной гуманитарной подготовки вряд ли способны дать адекватную историческую интерпретацию своих открытий. Специалист по историческому языкознанию здесь более “в теме”.

Что же ценного видится в означенной монографии. Не вдаваясь в детали, отмечу, что автор на привлеченном обширном материале обосновал длительность процесса этнического развития германских народов. При этом продемонстрировал несовпадение этносов и языков, возможность формирования и развития одного языка в разных этнических группах и, наоборот, языковые изменения в рамках развития одного этноса. Он также вернулся к давней дискуссии среди археологов о соответствии археологических культур, начиная с бронзового века, этносам и отверг такой подход². Он пишет, что “*под влиянием современной этнографии археологическая культура стала пониматься как явление, обусловленное, прежде всего, экономическими, социальными и идеологическими факторами, и, соответственно, изменения археологической культуры стали трактоваться не как следствие миграций и смены населения, а как результат внутренних экономических, социальных и идеологических изменений*” [2, с. 7]. В монографии приведены примеры как совпадения культур с этносами, так и несовпадения. Автор также обратил внимание на ошибочность жесткой увязки этносов с конкретными языками, приведя известные примеры распространения

¹ См. комментарий генетика <http://www.rodstvo.ru/forum/lofiversion/index.php?t2645.html>

² В полемике с создателем концепции о соответствии археологических культур определенным племенам и народам немецким исследователем Г. Коссиной польский археолог К. Годловский подчеркнул, что археологические материалы абсолютно этнически анонимны [3, с. 297].

одного языка в общностях, идентифицирующих себя как разные народы. Самый банальный из них – немцы и австрийцы, сербы и хорваты [2, с. 8-10]. Естественно, на ранних этапах человеческой истории, когда еще отсутствовали не только “международно-признанные границы”, но и нередко вообще четко очерченные территории проживания отдельных сообществ, языковые общности тоже могли быть весьма аморфными. К тому же генетические данные свидетельствуют, что “уже в каменном веке в Европе одна и та же археологическая культура сочетается с разными антропологическими признаками” [2, с. 144]. При этом, отмечает автор, “исследование останков свидетельствует о генетической гетерогенности народов уже в древней Европе”. Хотя тут же замечает, что “некоторые высказывания о возможностях генетики кажутся слишком оптимистичными” [2, с. 187]. Ибо не всегда возможно точно проследить скорость мутаций в прошлом, как, кстати, и в лингвистике [2, с. 189-190]. С указанными подходами, полагаю, можно согласиться.

Переходя к чисто лингвистическим выводам автора, замечу, что, как историк, мне не везде видно обоснование датировок рассматриваемых в книге преобразований и заимствований. Обычно Кузьменко опирается на общеисторические или археологические (чаще) хронологии. При том, что, как отмечалось, он не склонен идентифицировать археологические культуры с этносами. Это напоминает обычные упреки исторической лингвистике в нечеткости ее хронологии³.

В нарисованной автором картине германцы начали формироваться в III тыс. до н.э. в Скандинавии в результате смешения части индоевропейцев с древним (еще с верхнего палеолита) населением региона и финно-уграми, пришедшими в Скандинавию из Северо-Восточной Европы. В сложении германских языков приняли участие и позднее ушедшие на юг италики, и кельты, и расположившиеся на востоке протобалты, а возможно, и протобалто-протославяне. Споры о времени появления германцев связаны, замечает автор, “с отсутствием критериев, по которым можно было бы связать язык и этнос с археологической культурой” [2, с. 143]. Он отмечает, что германский и италийский языки имеют одно и то же слово для обозначения бронзы, а германский и кельтский имеют одно и то же слово для обозначения железа. Это может свидетельствовать о первоначальном соседстве германцев с италиками, место которых в эпоху железа заняли кельты. Причем к тому времени уже было закончено формирование общегерманского языка [2, с. 170]. Таким образом, аргументируется гипотеза о начале формирования германцев еще со времени освоения территории индоевропейцами – носителями культуры шнуrowой керамики. Тогда же происходило и сложение восточных соседей германцев – балтов, в антропологических чертах и материальной культуре которых заметны финно-угорские черты [2, с. 172]. “Первые языковые различия, отделившие протогерманский от других индоевропейских языков, прежде всего итало-кельтского и балто-славянского, – отмечает автор, – появились в III тыс. до н. э.”, начиная с середины или конца его. Таким образом, “начало формирования общегерманского, т.е. появления первых признаков, отличающих германский от индоевропейских языков соседей, следует относить ко второй половине третьего тысячелетия до н. э.” [2, с. 216-218]. После ухода на юг италийцев в первой половине I тыс. до н.э. их место к югу от германцев заняли кельты. Языковые контакты германцев с балтами на востоке

³ К. Годловский замечает, что, во-первых, лингвистические материалы трудно датировать, во-вторых, у филологов очень большой разброс мнений (“для языковеда нет ничего невозможного” – [3, с. 295]) и они часто подгоняют свои выводы под мнения археологов [3, с. 316].

прекратились на рубеже нашей эры, когда между ними появился славянский язык (венеты – ?) [2, с. 219]. Позднее, уже к середине I тыс. н.э., тесные контакты германцев и финно-угров на севере привели к появлению языковых особенностей скандинавских языков, отличавших их от других германских [2, с. 220].

“Поскольку между этносом и языком нет однозначного соответствия”, – подчеркивает еще раз автор, сделанные выводы гипотетичны. “Время появления германского этноса определить трудно, однако, скорее всего, он сформировался не раньше конца III тыс. до н. э.” И продолжает: “Представляется вполне вероятным, что до середины I тыс. до н. э., т. е. до времени археологической культуры Ясторф, существовал единый германский этнос “своих” (“свебов / свеев”). Вероятно, этот этнос уже существовал во II тыс. до н. э. Более точно можно определить время распада этого этноса, который прекратил свое существование во второй половине I тыс. до н. э., когда от “своих” (германцев) стали отдифференцироваться этносы, уже не идентифицировавшие себя со “своими”. Этот процесс начался, вероятно, в эпоху археологической культуры Ясторф, когда этническое единство германцев (“своих”) стало распадаться в результате кельто-германских и римско-германских контактов и, соответственно, стал распадаться общегерманский язык, хотя языковое взаимопонимание сохранялось еще долгое время” [2, с. 221, 224]⁴.

В процессе развития древних народов, отмечает автор, генетические данные демонстрируют более высокую миграционную мобильность мужчин, и, при относительной стабильности, женщин, что, по его мнению, может объяснить языковую изменчивость – частую смену языка *“в связи со сменой хромосомных партнеров”* [2, с. 208]. То есть женская часть населения оставалась местной, возможно, полагает автор, еще с палеолита, а мужская вытеснялась пришельцами [2, с. 190, 208, 214].

В целом нарисована картина, основанная на сопоставлении широкого круга исследований ряда смежных (и не очень) дисциплин. Естественно, гуманитариям сложно оценить все тонкости достижений генетиков, как и последним – интерпретировать концепции гуманитариев и даже антропологов. Нужна определенная притирка, как это сложилось между археологами и антропологами в силу давности сотрудничества. На данном же этапе можно заметить, что и лингвистические, и генетические наблюдения склоняют к относительно раннему началу формирования европейских этносов – еще в процессе расселения индоевропейцев. Но при этом подчеркивается сложность, неоднозначность, гетерогенность процессов этногенеза, постоянные, вплоть до уже “исторического” времени, включения иноэтнических элементов.

В связи с этим хотелось бы обратиться и к проблемам славянского этногенеза. Кузьменко, естественно, почти его не касался, указав лишь на определенный изначальный балто-славянский симбиоз. При этом он опирается, прежде всего, на работы М. Гимбутас и очерчивает формирование и распространение прабалтов в бронзовом веке в процессе симбиоза носителей шнуровой керамики с аборигенными культурами на просторах Восточной Европы. Здесь автор видит сходство со сложением германцев: индоевропейцы + местный субстрат (особенно разные финно-угорские племена). Причем у балтов это, прежде всего, финно-

⁴ Нельзя не заметить стилистические погрешности даже в одном абзаце. И вообще, в тексте часты повторы, есть и хронологические неопределенности, как, например, со временем сложения германцев: в одном месте – середина и вторая половина III тыс. до н.э., в заключении – конец III тыс. Ощущается некая редакторская спешка, что ли. Но значение работы это, конечно, не умаляет.

угры Восточной Прибалтики, носители неманской и нарвской культур. Хотя в целом, опять-таки по Гимбутас, в начальный период существования, в бронзовом веке, прабалты занимали территорию от Одера на западе до Уральских гор на востоке. Балто-германские контакты фиксируются в языке во II – первой половине I тыс. до н.э., как и балтские топонимы, доходившие до Ганновера. Но в конце II тыс. до н.э. территория балтов стала на западе сокращаться за счет появления иноэтнической лужицкой (кельто-германской?) культуры [2, с. 173-176].

К началу новой эры центр балтского населения сместился на Неман, Западную Двину и Верхний Днепр (днепро-двинская культура). И с этого времени начинается проблема балто-славянских отношений, ибо на большей части первоначальной балтской территории уже в первой половине I тыс. н.э. фиксируются раннеславянские памятники. Очевидно, при известной дискусионности проблем славянского этногенеза нельзя обходить балто-славянские связи. В процессе славянского расселения во второй половине I тыс. н.э. вполне могло быть и так, как недавно предположил петербургский археолог И.И. Еремеев, утверждавший (по материалам Верхнего Подвинья), что там не было мирных балто-славянских контактов с постепенной ассимиляцией балтов. Балты, по его мнению, вытеснялись в глухие места и просто без следа исчезали [4, с. 526]. Хотя, учитывая многочисленные следы языковой близости, длительность формирования на территории, не имевшей четких географических разграничений, отрицать балто-славянскую общность на ранних этапах этногенеза все же нет достаточных оснований.

И вот здесь возникают аллюзии, навеянные вышерассмотренным текстом Ю.Н. Кузьменко. Насколько формы материальной культуры, позволяющие археологам атрибутировать соответствующий вещевой материал и формы жилищ как раннеславянские, действительно везде соответствовали славянскому этносу? Ведь балтская гидронимия Верхнего Поднепровья – доказанный факт. Ее сохранение – свидетельство сосуществования туземного и пришлого населения. Мне уже приходилось писать о возможной гетерогенности происхождения славян [1; 5]. О наличии разных истоков формирования ранних славян недавно писал С.Е. Рассадин, подчеркнувший, что этнос определяется не по набору отдельных признаков, а по самоидентификации [6, с. 187]. Там же он справедливо указывает на значение генетических исследований. Но далее в указанной статье, ссылаясь на изучение генома белорусов, отмечает “*монорегиональность... происхождения всего славянства*” [6, с. 188]. Возможно, автор перенес предварительные данные генетиков о белорусах на всех славян, что более чем некорректно⁵. Очевидно, междисциплинарные контакты требуют внимательного отношения к данным иных наук. Мне уже приходилось обращать на это внимание [7]. Наверное, лучший вариант: пусть каждый анализирует свои материалы, а сопоставляются уже полученные результаты [8]. За такими подходами – будущее, что и продемонстрировала рассмотренная выше монография Ю.К. Кузьменко.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Риер, Я.Г.** Еще раз о происхождении славян: основные концепции славянского этногенеза в начале XXI века / Я.Г. Риер // *Вестник МДУ имени А.А. Куляшова*. – 2008. – № 4.

⁵ Белорусы действительно, так же как русские и украинцы, относительно поздно выделились, но из восточных, а не древних славян, чье сложение происходило более чем за 1000 лет до формирования трех восточнославянских народов.

2. **Кузьменко Ю.К.** Ранние германцы и их соседи: Лингвистика, археология, генетика / Ю.К. Кузьменко. – СПб., 2011.
3. **Godłowski, K.** Pierwotne siedziby Słowian / K. Godłowski. – Kraków, 2000.
4. **Еремеев, И.И.** Очерки исторической географии лесной части Пути из варяг в греки. Археологические и палеофизические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень / И.И. Еремеев, О.Ф. Дзюба. – СПб., 2010.
5. **Риер, Я.Г.** Об особенностях славянского этногенеза в контексте ранней истории европейских народов / Я.Г. Риер // Гісторыка-археалагічны зборнік. – Вып. 26. – Мінск, 2011.
6. **Рассадин, С.** Актуальные проблемы славянского этногенеза / С. Рассадина // Гісторыка-археалагічны зборнік. – Вып. 26. – Мінск, 2011.
7. **Риер Я.Г.** Климат и становление цивилизаций / Я.Г. Риер // Романовские чтения – 8 : сб. статей Междунар. науч. конф. – Могилев : УО “МГУ им. А.А. Кулешова”, 2011. – 236 с. : ил.
8. **Kurnartowski, S.** Rola archeologii w badaniach historyczno-przyrodniczych nad przemianami środowiska geograficznego / S. Kurnartowski, T. Wisłański // Studia z dziejów gospodarstwa wiejskiego. – 1966. – Т. 8.

А.А. КРУГЛОВ

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕЛИГИОЗНОСТИ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ СВОБОДЫ СЛОВА

(Старостенко В.В. Религия и свобода совести
в Беларуси : очерки истории. –
Могилев : УО “МГУ им. А.А. Кулешова”, 2011)

Изданная в Могилевском государственном университете имени А.А. Кулешова монография заведующего кафедрой философии В.В. Старостенко “Религия и свобода совести в Беларуси: очерки истории” посвящена актуальной проблеме анализа современной религиозной ситуации и свободы совести в Беларуси, их становления и развития в контексте отечественной культуры, общественной и философской мысли, права и государственно-конфессиональных отношений X – начала XXI вв., а также зарубежной теории и практики “свободы мысли, совести и религии”. Рецензируемая работа соответствует существующим потребностям осмысления новых социальных процессов в суверенной Беларуси через призму национальных традиций, духовного наследия народа, а также общегуманистических ценностей.

Автором успешно решены основные задачи исследования. В связи с идейной трансформацией современного белорусского социума рассмотрены особенности религиозности населения. Убедительно показано, что современные социологические данные и другие материалы свидетельствуют о преимущественно декларативном характере и эклектизме религиозной веры, индифферентном отношении к культовым практикам и участию в деятельности религиозных общин со стороны абсолютного большинства населения.

В этой связи важно заключение автора о том, что существующие идеологемы о преобладающей религиозности среди граждан Беларуси и их господствующей православной конфессиональности объективно представляют социальную опасность, так как могут служить идейной аргументацией для необоснованных предпочтений в религиозной и даже шире – в социальной сфере в целом; дискриминации граждан по признаку отношения к религии, осуществления искусс-

венной десекуляризации общества и государства и т.п. Не имеющая объективных оснований ориентация государства на избранные конфессии, не представляющие реального большинства населения, способна привести не к интеграции, а диаметрально противоположному результату – дезинтеграции социума.

Проанализирована специфика конфессиональной структуры, произведено обобщение статистического материала о религиозных организациях Беларуси, анализ динамики религиозных процессов в Республике Беларусь с систематизацией полученных результатов в виде таблиц, графиков и диаграмм.

Удачным видится и раздел монографии, посвященный исследованию правового обеспечения свободы совести в контексте государственно-конфессиональных взаимоотношений на современном этапе общественного развития. Проанализированы место и роль религиозных ценностей, свободы совести в формировании государственной идеологии, обеспечении национальной безопасности Республики Беларусь. Особое внимание, в условиях современного вызова клерикализации, обращено на проблему сохранения светского характера национальной системы образования, закрепленного в законодательстве о свободе совести. Практически востребованы выводы автора о необходимости дистанцирования понятий и практики религиозного и светского образования. Поскольку теология не является формой светского образования, попытки ее внедрения в государственную систему образования противоречат нормам правового поля Республики Беларусь.

Достигнутые автором результаты актуальны и значимы как с точки зрения фундаментальных исследований, так и с позиции прикладной значимости. Так, практическая ценность для системы образования состоит в возможности разработки на основе данной монографии материалов для создания лекционных курсов и спецкурсов по религиоведению, истории философии и истории Беларуси.

Полагаем, что книга будет интересна специалистам в области религиоведения, истории философии, религии и права Беларуси, а также преподавателям и студентам вузов. Обращение автора к современным проблемам в области реализации свободы совести, светского характера государственного образования делает монографию крайне полезной и для служащих органов государственного управления в области осуществления государственно-конфессиональной политики.

ЗВЕСТКІ ПРА АЎТАРАЎ

- ЛАЎРЫНОВІЧ**
Дзмітрый Сяргеевіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры ўсходне-славянскай і расійскай гісторыі, дэкан факультэта замежных моў МДУ імя А.А. Куляшова
- ПУРЫШАВА**
Наталля Міхайлаўна – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, загадчык кафедры гісторыі і культуры Беларусі МДУ імя А.А. Куляшова
- КАНЦАВОЙ**
Пётр Аляксандравіч – аспірант кафедры гісторыі і культуры Беларусі МДУ імя А.А. Куляшова
- САЛАЎЁЎ**
Раман Вадзімавіч – магістр гістарычных навук, асістэнт кафедры ўсеагульнай гісторыі МДУ імя А.А. Куляшова
- ВАСІЛЕНКА**
Васілій Віктаравіч – магістр гістарычных навук, выкладчык замежнай мовы Клімавіцкага дзяржаўнага аграрнага каледжа
- КАСЦЕНІЧ**
Уладзімір Анатольевіч – кандыдат філасофскіх навук, дацэнт кафедры філасофіі МДУ імя А.А. Куляшова
- АРЛОВА**
Таццяна Дзмітрыеўна – доктар філалагічных навук, прафесар кафедры літаратурна-мастацкай крытыкі БДУ
- ДУКТАВА**
Любоў Георгіеўна – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры журналістыкі МДУ імя А.А. Куляшова
- РУБАНАВА**
Яўгенія Віктараўна – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры англійскага, агульнага і славянскага мовазнаўства МДУ імя А.А. Куляшова
- САСНОЎСКАЯ**
Аліна Віктараўна – аспірант кафедры агульнага і рускага мовазнаўства ВДУ імя П.М. Машэрава
- СУХАЧОВА**
Вольга Аляксандраўна – аспірант кафедры рускай літаратуры БДУ
- ВІНАКУРАВА**
Кацярына Сяргееўна – магістрант кафедры беларускага мовазнаўства ВДУ імя П.М. Машэрава
- СЕЛЯЗНЁВА**
Таццяна Аляксандраўна – выкладчык Акадэміі кіравання пры Прэзідэнце РБ
- ШЫЦІКАВА**
Ірына Васільеўна – аспірант кафедры граматыкі і гісторыі нямецкай мовы МДЛУ
- РЫЕР**
Якаў Рыгоравіч – доктар гістарычных навук, прафесар, загадчык кафедры ўсеагульнай гісторыі МДУ імя А.А. Куляшова
- КРУГЛОЎ**
Анатоль Агапеевіч – доктар філасофскіх навук, прафесар БДУ

SUMMARIES

Duktova L.G. REFLECTION OF HUMANISTIC IDEALS IN THE NOVELS “PALESKAYA MADONNA”, “SING PRAISE TO MARIA!” BY I. SHAMYIAKIN.

The article deals with the peculiarities of the humanist ideals represented in the novel “Paleskaya Madonna” by Ivan Shamyakin. The author’s prose is manifold and displays various models of social life. His images are very diverse starting from a dairymaid up to a bureaucrat. But they all are united by humanism which serves the basis of Ivan Shamyakin’s creative work. The novel “Paleskaya Madonna” reveals the archetype of a mother who treats her child as the greatest value.

Kontsevoi P.A. GERMAN REPARATIONS IN THE RECONSTRUCTION OF INDUSTRIAL ENTERPRISES IN BSSR (1945 – early 1950s).

The article is based on the thorough research of the records from the National Archives of the Republic of Belarus, State Archives of the Minsk region, State Archives of the Mogilev region. The author analyses the transportation and assessment of the industrial machinery transported from Germany to BSSR as a form of reparations. The author pays special attention to putting the machinery in operation at the industrial enterprises of Belarus.

Kravtsov Y.S. LANGUAGE ESSENCE OF SOCIAL REALITY ONTOLOGY: HERMENEUTIC AND CONSTRUCTIVIST APPROACHES.

The article analyses the key category of social theory – “social reality”. Sociality as a daily routine is a reality which is interpreted by individuals and has its subjective value as the integrity of social existence for them. Sociality is defined as a self-evident phenomenon based on the relative immutability of the social conditions of existence. The phenomenological concepts treat everyday life as a “natural attitude”, as a kind of primary and autonomous reality. Metaphor as a language identity is similar to the sense of reasoning, or essence of existence. It collects various categories of language to the point of identity, thus setting the overall language development and tension manifested in it, in the structures of the categorization of subjectivity.

The research is related to the philosophy of language and text which solves the problem of structuring social communication in the structures of the text.

Kostenich V.A. ETHICS MANIFESTATIONS IN EVERYDAY LIFE.

In the article the author makes an attempt to reconstruct in theory different “types of ethical orientations” that exist in everyday life and reveal complexes of valuable priorities that accompany these types. The author analyses philosophically the fundamental dilemmas of moral choice such as the things in existence and the tribute, reasonableness and righteousness, liberty and conscience.

Kruglov A.A. REVIEW OF THE MONOGRAPH BY V.V. STAROSTENKO “RELIGION AND LIBERTY OF CONSCIENCE IN BELARUS: HISTORICAL ESSAYS” (A.A. Kuleshov Mogilev State University, 2011. – 272 p.: ill.)

Lavrinovich D.S. LIBERAL ORGANIZATIONS IN RUSSIA AND THE BELORUSSIAN NATIONAL QUESTION IN 1917

The article is the continuation of the material published in the edition №1(39), 2012. The article is devoted to the formation of national, socio-cultural and confessional identity of the Belorussian nation in the ideology of the liberal political parties and public organizations. It discloses the genesis of the Belorussian national idea in the Russian political movement during World War I. The article reveals attitudes towards the Belorussian ethnic question of both national (the Constitutional-Democratic Party, the Russian Radical-Democratic Party, the National Landowners Union) and regional (the Belorussian National Union of Vitebsk Region, The Belorussian Democracy Union) liberal parties. The evolution of the views on the Belorussian identity (the ethnos recognition, definition of its settling territory, necessity to study its cultural features, state building by the end of the Great War) is examined.

Orlova T.D. FORMING THEORETICAL KNOWLEDGE OF JOURNALISTIC GENRES.

The formation of genres in the modern historical epoch, the laws of genres that form the character and structure of the journalistic text aimed at an effective influence on the reader are worked out.

Purysheva N.M. THE INSTITUTE OF THE BELARUSIAN CULTURE AND DEVELOPMENT OF THE ARTS IN BSSR (early 1920s).

The article deals with the contribution of the Institute of the Belarusian Culture to the development of the arts and culture of BSSR in the early 1920s. Until the mid-1920s there were two directions in the activities of the Institute of the Belarusian Culture, namely scientific and organizational. The Literary Commission and the Department of the Belarusian Art were involved in the process of creating the system of the arts. They represented its subsystems, performed the function of the intermediary between the creation and the consumption of works of art, and participated in shaping and implementing the state cultural policy.

Riyer Y.G. NEW BOOK ON EUROPEAN PEOPLES' ORIGIN (KUZMENKO Y.K. EARLY GERMANIC TRIBES AND THEIR NEIGHBOURS: LINGUISTICS, ARCHEOLOGY, GENETICS. – St. PETERSBURG, 2011)

Rubanova Y.V. SUBSTANTIVE METAPHOR IN AMERICAN COLLEGE STUDENTS' SLANG.

The article covers associations involved in the generation of metaphors in the American college students' slang. The principal subject (according to M. Black's terminology) is viewed through the metaphoric representation as the principal subject is reflected through the subsidiary subject. The author proves that the decoding of the American college students' slang metaphors requires thorough knowledge of the system of associated commonplaces on the one hand and of the system of implications proper to the social group in question on the other hand.

Soloviev R.V. CONCEPTIONS OF THE SLAVS ORIGIN IN THE HISTORICAL DISCOURSE OF EASTERN EUROPE (late XIX – early XX century).

The article highlights the interpretations of the origin of the Slavs by the Eastern European scientists in the late XIX – early XX centuries. The author analyses the processes which in some way influenced the interpretation of the issue by the scholars of the mentioned above period. The author's attention is focused on the process of "nationalization" of science and the formation of national historiographies. Against the background of the overall progress in the theory and methodology of historical science the transition from protoscientific versions of the early Slavs history, based primarily on the analysis of the written tradition, to more profound concepts that take into account the full range of available information is traced.

Sasnovskaya A.V. MODEL OF THE NOTION "KEY WORDS" IN STUDENTS OF LINGUISTICS MINDS.

The article deals with the problem of understanding the term "key words". The model of the notion "key words" in the speakers' mind is being created according to the results of the directed associative experiment. The model comprises a dominant (word combination "key words") in the centre around which the constituents forming the core are placed. Then the constituents forming the periphery are located. The results of the research confirm that the definition of the notion "key words" provided by psycholinguists is closer to the speakers – the students of the philological department, future translators and interpreters.

Selezneva T.A. METAPHORIC PATTERNS IN THE STRUCTURE OF CODED LINGUOCULTURAL REALMS IN ENGLISH AND GERMAN.

The article deals with English and German coded linguocultural realms, many of which are formed with the help of metaphors. In the structure of the mentioned units several metaphoric models can be described as typical ones carrying certain cultural knowledge. The study of these lexical units may foster the development of future linguists' intercultural competence.

Shitikova I.V. SYNTACTIC PARALLELISM AS A MEANS OF TEXT ORGANISATION.

Chosen for the study the expressive syntax phenomenon, traditionally designated by the term "syntactic parallelism", is one of the means used to create the structure and semantics of the texts with various communication-speech orientations. The article attempts to reveal the essence of syntactic parallelism as the phenomenon which can give the text its logical harmony and expressive form owing to its special marking out in the development of the embodied content.

Sukhacheva O.A. MYTHOPOETICAL REPRESENTATION OF POLAND IN I.BABEL'S PROSE.

Considering the early stories and the novel "Red Cavalry" the author studies mythopoetical, moral and aesthetic aspects of the "Polish text" in the works of Isaac Babel.

Vasilenko V.V. FORMATION AND FUNCTIONING OF MOGILEV PROVINCIAL COMMITTEE OF THE ALL-RUSSIAN ZEMSTVO UNION (August 1914 – December 1916).

In the article the activity of the All-Russian Zemstvo Union in the Belarusian provinces (guberniya) of the Russian Empire during World War I is studied. Considering the Mogilev province the author refers to the new documentary sources to research the main activities of the Mogilev provincial committee of the All-Russian Zemstvo. For the first time the data on the structure of the provincial committee, the main directions of sanitary and medical activities, assistance to refugees and other actions of the committee in 1914 – 1916 have been provided.

Vinokurova K.S. ARTISTIC CONCEPT "HOMELAND" AND ITS LANGUAGE MANIFESTATION IN THE POETRY BY R. BARADULIN AND U.KARATKEVICH.

In the article the semiotic and cognitive aspects of the concept "Homeland" in R. Baradulin's and U. Karatkevich's poetry are considered. The author points out and describes the language representations of the concept. The place of the concept is defined in the conceptual sphere of the poets.